

СМЕНА

№ 24 ДЕКАБРЬ 1980

Здравствуй, зимушка-зима!

РУССКИЕ КАРТИНЫ

Велика Россия, а везде — солнышко.
Поговорка

Нет, уж что там ни скажите,
Палех будет жить века.
Не потонет, словно Китаж,
Не иссякнет, как река.

Рисовались лики «дымов»,
Доводясь до естества,
Ради нежных чувств к любимым,
А не ради озорства.

Нет! Иконники не спали —
Жили с пламенем в крови
И богам не уступали
Ни в искусстве, ни в любви.

За радугой, за зорями,
За музыкой цветов
Поедем в край лазоревый
За сорок городов!

Там звончатими красками
Весь год цветет весна,
Одаривает ласками
Счастливая страна.

И едут все до валаго,
И я им говорю:
Друзья,
Добро пожаловать
В рассветную зарю!

И говорят приезжие,
Намны и мудры:
«Ваш Палех и Поэзия —
Родные две сестры!»

Земли Гардарика* многославны:
Дерзостью Авдотьи в стане ханском,
Плачами Путивльской Ярославны,
Гордостью Евпраксии Рязанской,

Храбростью Аленушки Московской,
Верностью Февроньи из былины,
Подвигами Дарин Ростовской
Да еще Пужбольской Антонины.

Горлицами в горенках воркуют,
В теремах — святые украшенья,
А когда по ладе затоскуют,
Лица их печальнее затенья.

Сами пашут, косят, как двужилыны,
А затмит ополья враг на рани:
«Мы в кольчугах,
Князь, прими в дружны!

Сечь мы жаждем тать на поле брани!..»
Их враги за преданность карали,
Гнали их в полон заместо дани,
Их любили в Караван-Сарае,
Продавали их в Тьмутаракани.

Но не боги жизнь Руси спасали,
А славянок женственная сила:
Кожевяк да Муромцев рожали,
И вставала фениксом Россия.

Ворогом загубленные лики
Превращались в вечные иконы...
Славлю вас, княгини Гардарики!
Славлю вас, россиянки Мадонны!

* Гардарика — «страна городов», так иноземцы в древности называли Русь.

Везде здесь русские картины:
Богатством жизни налиты,
Горят рубины у шалины,
Как у «Ивана Калиты».

Вот дуб, что из летописаний
Известен десяти векам,
Стоит, как сам Иван Сусанин —
Духовно русский великан.

Большие елки в шубах жарких,
Воздавнув колья в синеву,
Идут, как Минин и Пожарский,
Чтоб вечно защищать Москву.

А бор звенит над синей гладью
Волшебно, радостно, легко,
И мнится — в озере за гатью
Наладил гусли сам Садко.

Он в снах раскованно и весело
Над Русью солнечной летал,
А по утрам петух с небес его
На землю громко возвращал.

«Душе летать природой дадено,
Доколе слушать горький стон?
Смекай, башка! Зря, што ли, к прадедам
Стократно плыл орлиный сон?»

Я полечу! Секрет откроется,
Я полечу, пускай на смерть!..»
В престольный праздник дивной Троицы
Взошел на колокольню смерд.

И понеслась молва по городу:
«Крякутка хочет стать орлом!»
А он, задрав к зениту бороду,
Лежал со сломанным крылом.

Уму дерзать природой дадено,
Ведь для полета он рожден!
Был тот петух далеким прадедом
Сынов космических времен.

Жил на Руси, невзгодами охвачен,
Первопечатник Федоров Иван.
Печатанье любил он жизни хваче,
Да царские посулы — лишь обман.

Но было же — пришел с открытым сердцем
В глаза Ивану Грозному сказать:
«У хитрых и лукавых иноверцев
Нам, русичам, ума не занимать!..»

Спасиво с новым книжником межусь,
Отвечествовал ему жестокий царь:
«К печатному художеству, гляжу я,
Зело хитер, смекалистый друкар!»..»

Пугалось свежей мысли празднюлюбье,
Невольный труд — и тяжек и угрюм.
Со злым крестом, с мечом идя в полюдье,
Анафемою лень крутила ум.

А посему изгнанником угрюмым
Шагал друкар по горестной Руси.
Гнели его нерадостные думы,
Надмирный не поможет — не проси.

Но из сердец берут свое начало
Дороги в жизнь и в праведный народ.
Ивана сердце город означало,
А книг первопечатанье звучало
Дорогой, обещающей восход.

Николай АНДРЕЕВ,
Александр СОКОЛОВ

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Волгодонск, «Атоммаш»... Понятия знакомые, можно сказать, что о них писано-переписано... И все-таки десятки тысяч человек, приехавших сюда, чтобы строить город и завод, работать на предприятии, какого не знала еще мировая практика машиностроения, рождают такой опыт, о котором стоит говорить, думать, писать неоднократно. Притягательность «Атоммаша» в романтике, перспективах, масштабах! Можно легко понять человека, не долго мучавшегося у билетной кассы, с ходу принявшего решение начать новую жизнь, если его трудовая биография только начинается. Но если на «Атоммаш» приезжает человек, у которого стаж исчисляется десятками лет, то за этим решением наверняка стоит история. Стремление людей и молодых и умудренных соединить свою жизнь с заводом помог понять нам бригадир токарей-расточников из цеха парогенераторов Александр Семенович Савранский.

Что его привело в Волгодонск, на завод? В Калуге, где раньше он жил и работал, Савранский был заметной личностью. Сейчас на всю страну известен Калужский турбинный завод. На этом предприятии нет ни одного рабочего на индивидуальной сдельщине, все в бригадах. Бригады на полном хозрасчете. А начинал это громадное дело Савранский. Он и был председателем совета бригадиров завода, докла-

Вопросы, связанные с формированием и трудовой жизнью бригад, с работой на единый наряд, уже давно и, конечно, не случайно рассматриваются на страницах «Смены». В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об удлинении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы» четко сказано о необходимости вести работу «по широкому развитию бригадной формы организации труда, имея в виду, что в одиннадцатой пятилетке эта форма должна стать основной». Сейчас, в преддверии XXVI съезда КПСС, необходимость изучения опыта передовых коллективов, инициаторов внедрения бригадного подряда, становится делом по-настоящему неотлагательным. Новой пятилетке нужен уверенный старт. Взять ей его помогут рабочие бригады.

дывал на заседании коллегии министерства о том, что дает рабочему и производству бригадный метод работы. На турбинном Савранского знал и уважал каждый. Он получал высокую зарплату, имел квартиру в центре города, а по воскресеньям на электричке ездил в столичные театры и музеи. Словом, его прошлому жизненному укладу можно было бы и позавидовать.

И вот мы ходим с Савранским по гигантскому корпусу, в котором может разместиться несколько футбольных полей. Под стая и танки высотой с двух-, а то и трехэтажный дом.

— И они привели меня сюда, — кивает на станки Александр Семенович, — таких в Союзе да и в мире нигде больше нет. Если бы мне лет двадцать назад кто сказал, что будут такие станки, ни за что бы не поверил.

Главное, что поняли из общения с Савранским, приглянулось ему в Волгодонске большое новое дело. Конечно, он знал, что начнется оно с трудностей. Знал и другое: хорошо начать — половину дела сделать. А богатый жизненный и производственный опыт подсказывал:

начинать надо с порядка. И он не стал дожидаться, когда на «Атоммаше» будет идеальный порядок. Он засучил рукава и стал наводить его сам. А что, по его мнению, было порядком? Передовая организация труда. Савранский не стал изобретать велосипед, поскольку предстояло создавать атомный реактор, он знал по Калуге неоспоримые преимущества бригадной организации труда.

Вообще-то и до Савранского на «Атоммаше» были бригады. И когда он заводил о них речь, все прямо-таки удивлялись:

— Александр Семенович, вы же в открытые двери ломитесь! Есть у нас бригады. Есть, чего же еще надо?

Небольшое отступление. Когда стройка только начиналась, у строителей не было опыта возведения уникальных объектов, многое делалось впервые. **Впервые** вовсе не означало **вслепую**. Да, нет опыта, но есть мастера из мастеров, способные раскусить любой секрет, понять любое новшество. Скажем, начиналось бетонирование ростверков под монтаж колонн — эти мастера делали эталонный образец. Потом к нему подводили бригадиров, показывали, рассказывали технологию — учитесь, вот вам наглядный пример!

Такой эталонный образец настоящей бригады, чтоб, как в Калуге, на полном хозрасчете, и задумал создать Савранский.

Итак, бригада. Двадцать семь человек у Савранского. Становление коллектива, а с ним и личности — этот процесс труден, порой мучителен, хотя бы уже потому, что требует максимума внимания, чуткости, такта. Тем более что в Волгодонск устремился народ зачастую налегке — без багажа не только дорожного, но и жизненного. Двадцать шесть лет — средний возраст бригады Савранского. В начале нашего знакомства, состоявшегося два года назад, удивились: как же молодые будут работать на сложнейших станках? Удивление про-

шло, как только познакомились с бригадой поближе, проследили историю становления коллектива, почувствовали тот микроклимат требовательности и ответственности, который здесь царит.

Да, разные люди и по разным обстоятельствам встретились в бригаде. Одни ехали в Волгодонск в надежде поскорее наладить быт, получить квартиру, кто-то стремился к большим деньгам, кто-то ехал за славой, а кто и просто посмотреть, что это за диво — «Атоммаш». Разными были люди, их уровень — уровень профессионального мастера, культуры, отношения к делу... А нужно было свести все это к одному знаменателю — атоммашевскому, к такому, о котором многие из двадцати семи человек и не догадывались. Да вот взять хотя бы такой факт. Из 1200 человек, которые работают на корпусном производстве, только двадцать «спецов» ранее имели опыт работы на том уникальном оборудовании, которым напшигованы цеха «Атоммаша». В бригаде Савранского такой человек был один — Савранский.

— Становлению нашего коллектива

НА ВСТРЕЧУ XXI СЪЕЗДУ КПСС

ВЕЛИКА ЭЛЕКТРОННО-СТАЛЬНАЯ
МОЩЬ «АТОММАША»,
ЗАВОДА XXI ВЕКА,
И ВСЕ-ТАКИ ГЛАВНАЯ
ЕГО СИЛА — ЛЮДИ.

ПОВЫШИЛСЯ

помогли... трудности,—скажет потом бригадир.

Мы возвращаемся к событиям двухлетней давности, когда на «Атоммаше» самым призывным лозунгом был этот: «Даешь монтаж!». В то время кем только не были ребята из бригады Савранского! И такелажниками, и механиками, и слесарями, и стропальщиками, и даже бетонщиками (приходилось кое-какие фундаменты строителям помогать перделывать). Но эта работа и объединила людей— свои ведь станки монтировали! В процессе монтажа изучали их, осваивали... В напряженной работе раскрывался характер каждого. И не все были в восторге от этого напряженного труда. Двое ушли из бригады, не дождалась настоящего дела. Один свое увольнение мотивировал так: зарплата мала. Другому не понравилась работа без выходных. Что ж, зарплата, пока станки не закрутились, действительно была невысокой— платили среднесдельно, но не выше двухсот рублей. У Савранского, например, в Калуге на турбинном заработок приближался к профессорскому, потому что таких специалистов, как он,

раз-два—и обчелся. Но ведь уехал человек, значит, не только деньгами все мерил. И насчет выходных поначалу трудно было. Время не ждало. Сжатые сроки диктовали тот ритм и темп, которые сегодня называют атоммашевскими. Он и в рекордных сроках строительства гиганта атомной энергетики, и в досрочном освоении производственных мощностей, и в намеченном досрочно выпуске корпуса первого донского реактора. На «Атоммаше» родилось движение «Досрочно построим—досрочно освоим!», получившее высокую оценку Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева.

Мы разговаривали с Юрием Радченко, членом бригады, расточником пятого разряда. Когда он собрался на «Атоммаш», его, тогда молодого коммуниста, вызвали в райком партии и сказали: «С учета партийного снимать не будем!» Бесхознейшим считали разбрасываться такими кадрами. Но Юрий настоял на своем. Что оставил он в родном Таганроге? Театр, музеи, кинотеатры... Все. Больше ему добавить было нечего.

— А работа?—спросили мы Юрия.

Он сдержанно ответил:

— Нормальная была, денежная...

О работе на новом месте говорит восторг. И интересная, и необычная, и, словом, самая, самая... Надо сказать, у Юрия появились и другие не менее интересные ощущения от своего труда, и связаны они с бригадой.

— Раньше я работал в одиночку. И мой высокий профессионализм был только моим. Теперь мы—бригада. У нас ребята со всей страны, и, конечно, есть у кого поучиться и мне. Раньше я знал только один станок, а в бригаде с самого начала мы договорились о взаимозаменяемости. Я, можно сказать, на «Атоммаше» получаю высшее станочное образование.

Можно долго перечислять эти «раньше» и «теперь», но Юрий, смущаясь, сказал главное:

— Такое дело, которым мы сейчас занимаемся, выпадает один раз в жизни...

Что ж, причина его смущения понятна. Ему показалось неловким употребить в разговоре высокие слова, и в то же

время иначе не мог выразить привлекательную сторону своей работы, своей жизни в Волгодонске. И рассказал, как монтировали фрезерно-горизонтальный расточный станок:

— Он ведь второй в стране. Первый в Харькове, но, говорят, не работает... А у нас с первого раза все получилось. Мы ведь для себя его собирали, хотя сложностей было хоть отбавляй! Стали ставить расточную головку, а она не подходит. Пришлось на этом же станке—на первую операцию мы уже настроились—профрезеровать ее. Это было первым настоящим испытанием—не отправлять же обратно на завод бракоделам, так мы ни в какие графики не вошли бы. Вообще в этот станок мы внесли много изменений. Например, усовершенствовали систему гидроцилиндров...

Еще в первые командировки на «Атоммаш», когда знакомился с проектом, уникальным оборудованием, нас не покидал один вопрос: способен ли человек, в общем-то привыкший к каким-то стереотипам в работе, принять гигантские масштабы нового, которые сулил

ных рационализаторских предложения, и оба они направлены на совершенствование станков. Ребята напоминали одного знакомого чудака, который, купив новейшую модель приемника, с ходу лез в его заломбированное нутро. Ему тоже было интересно. Трудно объяснить этот феномен, но, наверное, благодаря ему и не останавливается человек на пути к новому, стремится дальше, выше. Может, поэтому и неостановим прогресс, может, поэтому и не имеет он обратной скорости.

Этот интерес стал началом еще одного качества людей «Атоммаша».

Федор Агафонов, расточник четвертого разряда, приехал из Баку. Будучи на стажировке в Ленинграде, успел жениться. Родственники жены очень хотели, чтобы молодые остались в городе на Неве, но, даже не имея в Волгодонске квартиры, Федор не поддался соблазну:

— Квартиру я в конце концов получу, а вот такую работу вряд ли...

стало тяжелее. Трудности есть, и немало их. Только не надо ждать, что кто-то придет и укажет: выход в той стороне. У каждого есть голова на плечах — соображай! Не подумайте, что я призываю принимать как должное промахи других. Борьба с недостатками, своими и чужими, — принципиальная позиция бригады. Мы не стесняемся вывешивать «молнии» и на дверях кабинетов руководителей.

Решительному человеку не затеряться на заводе в Волгодонске. Можно долго вести счет тому, что человек теряет и что находит здесь. Знакомый нам Юрий Радченко за время работы на «Атоммаше» успел закончить три курса филиала Новочеркасского политехнического института, а Николай Герасименко, тоже член бригады, получил диплом инженера и к нему прибавил еще свидетельство об освоении смежной специальности. Эти два документа ценит одинаково высоко.

**«АТОММАШ» — ЗАВОД,
ГДЕ ДЕЛАЕТСЯ ТО,
О ЧЕМ ЕЩЕ НЕДАВНО
ТОЛЬКО МЕЧТАЛИ ВЕЛИЧАЙШИЕ
УМЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.**

Мы, естественно, поинтересовались: за счет чего?

Савранский стал загибать пальцы. Повышение квалификации, овладение смежными специальностями, повышение культуры производства (бригада уже добилась звания «Коллектив высокой культуры производства»), работа творческой бригады по изготовлению оснастки и приспособлений, рационализация и изобретательство... Каждый пункт обязательств обоснован... Каждый пункт выполнения ни у кого не вызывает сомнения. Хотя и никто не скажет, что обязательства ненапряженные... И все-таки главное, это видели все члены коллектива, — «мы должны добиться

**УМЕТЬ ДУМАТЬ. ДЕРЗКО,
МАСШТАБНО, САМОСТОЯТЕЛЬНО.
ЭТО, МОЖЕТ БЫТЬ,
САМОЕ ГЛАВНОЕ КАЧЕСТВО
РАБОЧИХ «АТОММАША».**

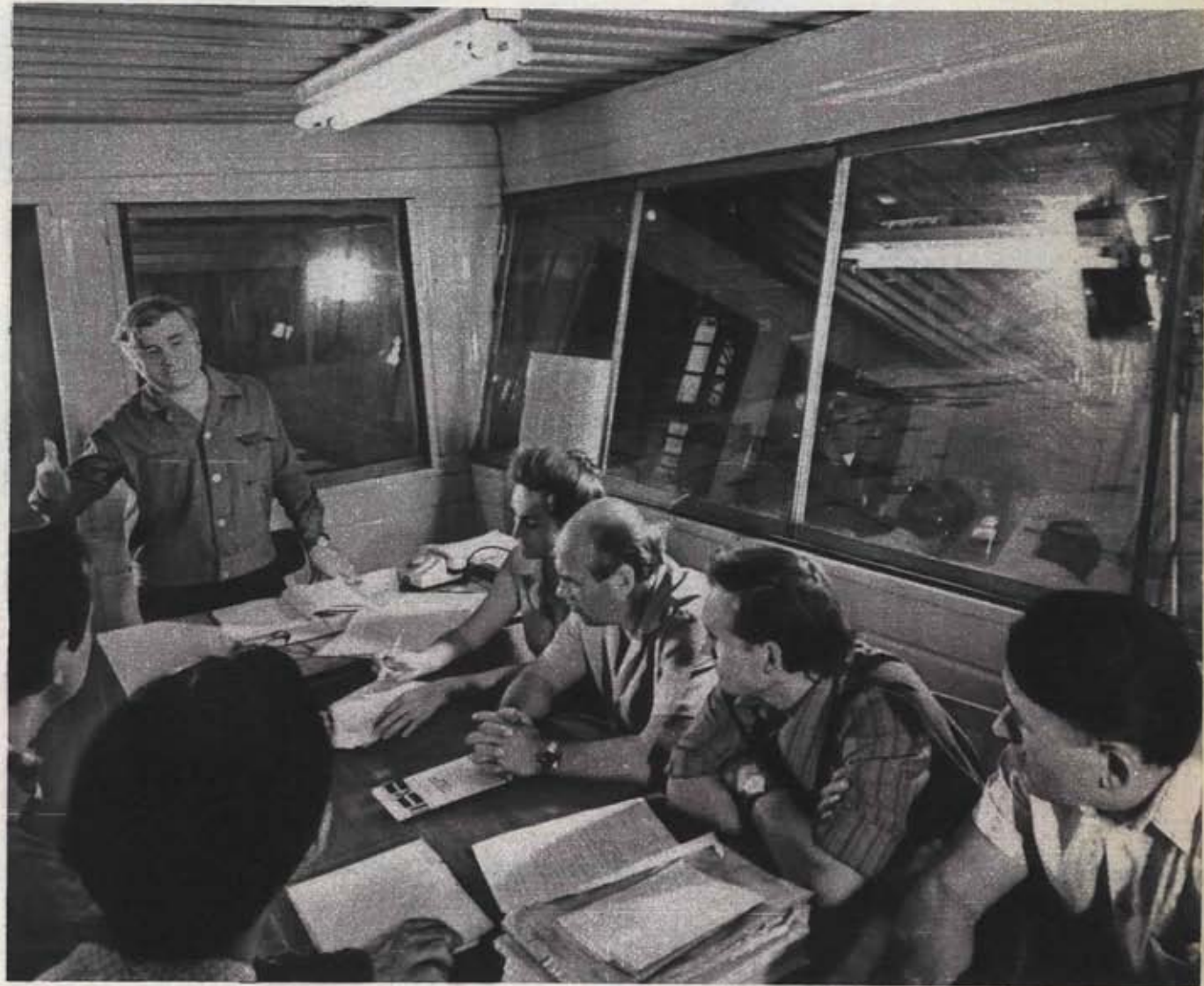
«Атоммаш»? Сумеет ли человек почувствовать себя на равных со стальной мощью, электронным мозгом? Не сделает ли совершенная техника человека своим «рабом» (только кнопки нажимай), сможет ли он подняться выше этой техники и «двигать» прогресс дальше? В конечном счете ведь от того, насколько быстро человек адаптируется в непривычном, сверхсовременном, высокотехническом доме, будет зависеть успех задуманного. А задумано многое. Производство атомного реактора, которое в мировой практике измеряется тремя-четырьмя годами, намечено сократить на год!

Первыми из станочников «Атоммаша» боевое крещение получала бригада токарей-карусельщиков Юрия Тихонова. Это его ребята запустили самый первый на заводе станок. Блестящая стружка, снятая ими с самой первой детали, на многотысячном митинге, устроенном в честь начала производства атомного реактора, передавалась из рук в руки, чтобы навечно остаться в заводском музее. Рассказываем это к тому, что половину первой обечайки бригада обрабатывала девять суток, а девятую по счету сняли со станка через четыре (!) часа. Сам собой напрашивается вывод: человек, познавая, осваивая технику, развивается сам. Мы разговаривали с парнями, монтирующими уникальный японский пресс. У молодого монтажника Виктора Мелочинского спросили:

— Не страшно братья за новое, непривычное?

— А чего пугаться... Наоборот, интересно.

Вот и в бригаде Савранского к новой технике подошли с этой меркой: интересно. Встречались мы с мастерами опытными и совсем молодыми станочниками, вчитывались в строчки социалистических обязательств, в которых было выражено стремление быстрее освоить станки, испытывать, на что способна электронно-стальная мощь, сразиться с ней в выдумке и смекалке. Например, в бригаде Савранского только за нынешний год внедрены уже два круп-

Кстати, почти всех, кто был на стажировке в больших городах, приглашали на заводы, обещали и прописку и квартиры, но ни один человек не принял предложения.

— Может показаться, что я говорю лозунгами, — сказал Агафонов, — но здесь большое значение имеет энтузиазм людей. Если честно, я раньше и слова-то такого боялся. А теперь вижу — есть энтузиазм в жизни. Ведь скажем, в нашей работе можно стать на букву закона и требовать: «А подайте нам расточную головку, о которой вам говорил Юрий, без брака, чертеж без ошибок, металлом обеспечьте вовремя...» Не дали, не исправили, можно было бы и «козла» забить. Кто так рассуждает, долго здесь не задерживается. Любому новому предприятию нелегко встать на ноги, а такому гиганту, как наш завод, в особенности. Один, другой ослабил усилия — остальным

Борис Каманчук в бригаде с самого начала. Чем его приворожила бригада?

— Работа в коллективе требует от каждого стопроцентной честности. От каждого! Ведь мы работаем на один наряд. В бригаде невозможно спрятаться за спину товарища, нельзя объяснить собственные промахи низкой квалификацией или отсутствием опыта. Низкая квалификация — повышай! Мало опыта — учись! Мы всей бригадой, невзирая на высокие разряды, засели за парты. А лекции нам читают и доктора наук...

Мы познакомились с социалистическими обязательствами бригады токарей-расточников, принятыми в честь XXVI съезда КПСС. Точность и конкретность их отмерены тем атоммашевским уровнем, к которому стремится коллектив все это время. Годовой план коллектив решил выполнить на две недели раньше срока. Производительность труда бригада повысит на шесть процентов.

**СОВЕТ БРИГАДИРОВ.
ЗДЕСЬ РЕШАЮТСЯ ВАЖНЫЕ
И НЕОТЛОЖНЫЕ ВОПРОСЫ.**

присвоения звания «Бригада коммунистического труда».

Вот такая бригада. Ее мысли — ее дела, ее позиция. Эталонный образец стал действовать. Высокие экономические показатели убедили администрацию: заводу нужны именно такие бригады. И новые стали создавать по подобию коллектива Савранского, переводить на такую же организацию старые. Привлекательным был по своей форме и совет бригады, который создали с самого начала и который взял на себя основные функции управления коллективом. А Савранского избрали председателем совета бригадиров всего завода. Все отнеслись к этому нововведению спокойно: пусть бригадиры собира-

Наша обложка:
ПРАЗДНИК
РУССКОЙ
ЗИМЫ.

Работа
палехской
художницы
Раисы СМЕРНОВОЙ

ются, советуется, лишь бы не мешали работать. И неизвестно, сколько бы времени прошло, прежде чем этот орган рабочей демократии показал, на что он способен, но произошел неожиданный конфликт, после чего все поняли: совет бригадиров—это не шутки.

В инструментальном цехе работала бригада лекальщиков. И из-за чего-то она не поладила с мастером. Администрация цеха, не разобравшись, решила распустить бригаду. Уже одно это требовало самого пристального внимания. На всем заводе бригадная форма труда взята за основу, а в инструментальном пошли против течения. Лекальщикам, которые почувствовали преимущество коллективного труда, решение администрации показалось нелогичным. И они обратились с письмом к генеральному директору объединения В. Г. Першину. Генеральный поручил разобраться совету бригадиров.

Подход совета к конфликту был серьезен. Для начала Савранский сам сходил в инструментальный, поговорил с членами бригады, встретился с мастером, начальником цеха. И в результате

**ЛЮБИТЬ СВОЕ ДЕЛО —
ЗНАЧИТ ПРЕЖДЕ ВСЕГО
ЗНАТЬ, ПОНИМАТЬ ЕГО.**

начал склоняться к мнению, что рабочие правы. Но, чтобы до конца быть уверенным в своих выводах, Савранский предложил обратиться к социологам. Совет бригадиров пригласил ученых. Они составили анкету, провели исследование морально-психологического климата бригады. Их мнение совпало с советом бригадиров: бригаду нужно сохранить.

— Самое трудное — убеждать людей в правильности простых истин, — говорит Савранский. — Руководители цеха считали, что бригада не нужна, и любые доводы для них были малоубедительны. Но когда сказала свое веское слово наука, тут уж хочешь не хочешь, а надо прислушаться к ее выводам.

Три часа продолжалось заседание совета бригадиров, на котором присутствовал и генеральный директор. Три часа споров. Согласитесь, простой вопрос не вызвал бы столь долгих дискуссий. Бригаду сохранили.

Стало быть, эталонный образец бригады Савранского приобрел прямое общественное значение.

Сейчас комсомол завода взял шефство над изготовлением первого донского атомного реактора. Создана комсомольская диспетчерская — она следит за соблюдением графика изготовления реактора, оперативно решает все возникающие острые, не терпящие отлагательства вопросы. Но главным своим делом комсомол завода считает создание бригад. Таких же сплоченных, жадных до дела, как бригада Савранского. Сейчас на заводе уже трудятся около двухсот таких коллективов. При чем складывались они не стихийно, а под контролем заводского комсомола. В их создании принимали участие социологи и психологи. Комитет комсомола «Атоммаш» твердо убежден, что создание бригад — самый верный путь создания коллектива завода. Того коллектива, которому будут по силам сложнейшие производственные задачи, которые ждут его в одиннадцатой пятилетке.

...Сегодняшний «Атоммаш» напоминает гигантский реактор, в котором происходят процессы и посложнее, чем в атомном. Создаются новые цепочки, совокупность которых мы называем производственным коллективом. В этом коллективе человек проверяется на способность принимать, понимать новое, способность быть современным. И зарождается цепная реакция веры в «Атоммаш». Она охватывает все больше и больше людей. И в этой вере на заводе XXI века выкристаллизовывается человек XXI века.

- 1 НАВСТРЕЧУ XXVI СЪЕЗДУ КПСС.
«ПОЗИЦИЯ».
- 4 КРУГЛЫЙ СТОЛ «СМЕНИ».
«ЧТО ЗНАЧИТ — ПОРЯДОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК?»
Подводим итоги дискуссии.
- 7 «ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО».
Итоги конкурса одного стихотворения
- 8 Евгений МАРЫСАЕВ.
«ИНСПЕКТОР РЫБООХРАНЫ».
- 12 РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ.
Олег ДЗЮБА.
«ПОДЗЕМНАЯ «КОЧЕГАРКА».
- 14 ФЕСТИВАЛЬ ПОЭМЫ.
Борис СОКОЛОВ. «ВРЕМЯ В ПУТИ».
«ЩЕДРОСТЬ». Читатели о стихах Алексея МАЛЬЦЕВА.
- 16 «КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ».
«ПРИВОЛЬЕМ ДЫШИТ ВОЗДУХ ЗДЕСЬ».
- 18 ЭКСКЛЮЗИВ «СМЕНИ».
- 22 КЛУБ «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
- 26 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Ирвин ШОУ.
«СТАВКА НА МЕРТВОГО ЖОКЕЯ».
- 29 ИТОГИ XXII ШАХМАТНОЙ ОЛИМПИАДЫ «СМЕНИ».
- 30 ДЕКАБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной печати.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ,
О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Г. С. Терзибашьянц. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

ЧТО ЗНАЧИТ — ПОРЯДОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК?

Как, очевидно, помнят наши читатели, в начале этого года («Смена» № 3) публикацией двух читательских писем мы начали дискуссию о порядочности. Совершенно разные стороны этого понятия были затронуты в напечатанных затем очерках писателей и журналистов, в читательских письмах, в выступлениях авторитетных людей.

И вот, наконец, настала пора подвести итоги дискуссии. Для этого мы организовали в редакции «Круглый стол», в котором приняли участие: летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза Владимир Викторович АКСЕНОВ, писатель Юрий Маркович НАГИБИН, доктор исторических наук Каролина Франческовна МИЗИАНО, заслуженный деятель искусств РСФСР, вице-президент Ассоциации деятелей советского театра, режиссер и театральный критик Виктор Григорьевич КОМИССАРЖЕВСКИЙ и партийный работник Владимир Федорович РУДНЕВ.

Ведет заседание «Круглого стола» член редколлегии, редактор отдела коммунистического воспитания Борис ДАНИУШЕВСКИЙ.

ПОДВОДИМ ИТОГИ ДИСКУССИИ

«СМЕНА». Позвольте в начале нашего разговора привести несколько коротких выдержек из обильной читательской почты. «Порядочный человек тот, — пишет С. Вормотов из Черняховска, — в котором гармонично развито стремление жить, работать, думать современно, то есть в любых ситуациях поступать по совести». «Хорошо быть порядочным человеком, но трудно. Трудно, но надо. Иначе противно», — это из письма А. П. Шарниной из Казани. «Порядочность — понятие в общем-то относительное. Выучиться порядочности нельзя. Она должна быть заложена в человеке с рождения, от родителей. Порядочность, как порода, передается от поколения к поколению», — высказывает свое мнение ленинградец К. Новиков. Я мог бы и дальше цитировать наших читателей, и все их высказывания будут непохожи друг на друга, ибо у каждого из нас свой жизненный опыт. Но истина, как известно, одна. Давайте попытаемся коллективно ее сегодня отыскать. Или хотя бы по возможности приблизиться к ней...

Ю. НАГИБИН. Мне пришла вот такая мысль: порядочность — это не та яркая, сильная, отчетливая добродетель, к которой следовало бы призывать цивилизованное человеческое общество. Порядочность — это то изначальное, фоновое, что ли, понятие, смысл которого в том, что, каким бы ты ни был дальше, порядочным ты должен быть с самого появления на свет. Мы с вами испытываем наслаждение от труда, который соответствует нашей душе, от спорта, от природы, но особенно от человека, от тех прекрасных чувств, которые нам дают любовь, дружба, нежность, снисхождение к малым в этом мире. Но что такое воздух, мы понимаем только тогда, когда его нет. Когда мы его лишены, когда затруднено наше дыхание. Так и порядочность обнаруживает себя только тогда, когда ее нет.

В какой-то мере «человек» и «порядочный человек» — эти слова должны быть синонимами. Потому что порядочность — это нечто основополагающее.

Нам, к примеру, в голову не придет сказать, что вот этот человек очень хороший, потому что он не убивает, а этот — очень милый, потому что не ворует, а другой — замечательный, потому что не доносит, не предаст товарищей. Достоинством считаются некие положительные, в нравственном смысле созидательные, активные добродетели. Такие, как, скажем, доброта, способность поступиться

своим ради другого, способность пожертвовать собой ради высокого дела. Не струсить перед врагом и не струсить перед вышестоящим начальником, человеком, от которого зависит твое материальное и душевное благополучие. Отстаивать свое мнение, уметь, наконец, признать свою неправоту — это тоже высокие человеческие свойства. А вот тупо стоять на своем, когда ты неправ, — это уже не мужество, а скорее всего обратная сторона душевной трусости, косности.

Видите, это все не те человеческие свойства, о которых надо дискутировать. Ибо они основополагающие. Вот и получается: чтобы действительно жить в каком-то нормальном душевном, этическом комфорте, необходимо иметь дело с порядочными людьми. Или с приличными — так тоже говорят, это синонимы. То есть людьми, не совершающими отчетливо дурных, низких, мелких поступков, руководствующимся простым правилом: я поступаю в отношении другого человека так, как я хотел бы, чтобы он поступал в отношении меня. Вот, по-моему, что лежит в основе порядочности.

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ. Действительно, когда мы сегодня говорим «порядочный человек», то как бы и не задумываемся над смыслом этого определения. Нам кажется, что оно понятно само собой. Как всем понятно, что чужие письма читать нельзя. Объяснения по этому поводу могли бы занять десятки томов, но мы и без них знаем, что чужие письма читать нельзя, и все. Мы как будто душевно ощущаем, что такое порядочный человек... Но давайте все же попробуем перечислить некие параметры этого понятия. Ну, это человек, который не делает подлости другим. Не врет, не предаст друга, скромен, обладает даром понимания чужого горя... Казалось бы, что же еще? Мы перечисляем все это и говорим: порядочный человек.

И все же, когда я задумался над этим, я понял, что одно это все-таки до конца не определяет для меня человеческую порядочность. Что я имею в виду?

Давайте вспомним Дон Кихота. Достоевский писал, что если бы вдруг настал страшный суд и судили бы человечество, то оно в свое оправдание могло бы привести только одну эту книгу. И было бы оправдано. Потому что Дон Кихот один бросается с копьем наперевес против зла, не боясь быть смешным, зная, какой урон ему могут принести все его сумасбродные фантазии.

Когда-то давно мы с поэтом Давидом Самойловым написали пьесу о лейтенанте Шмидте и, естественно, глубоко погрузились в духовный, нравственный мир этого замечательного человека. Когда к нему пришла делегация матросов с просьбой возглавить восстание на крейсере «Очаков», Шмидт как профессиональный, опытный моряк совершенно точно знал, что восстание обречено на поражение. И вместе с тем он согласился и пошел на верную смерть, ибо считал непорядочным оставить матросов без командира революционной эскадры. Вы понимаете, к чему я все это говорю? Я хочу сказать, что для меня порядочный человек — это не просто человек, не делающий подлости, а человек, совершающий поступок против подлости.

К. МИЗИАНО. Ваши примеры с Дон Кихотом и Шмидтом, Виктор Григорьевич, очень убедительны. Действительно, порядочный человек — это тот, который всегда готов пожертвовать личными интересами ради других, и прежде всего ради большой и высокой цели. Причем если человек способен на это в большом деле, он будет способен и в маленьком...

«СМЕНА». Каролина Франческовна, прежде чем вы продолжите нашу беседу, я хотел бы представить вас нашим читателям. Потому что им, безусловно, будет интересно узнать, что вы дочь Франческо Мизиано — одного из основателей Итальянской компартии, соратника Антонио Грамши. В конце 1921 года, когда Мизиано стал мишенью фашистских нападков и даже покушений, он по решению ЦК партии вынужден был эмигрировать сначала в Германию, а затем, став руководителем Международной организации помощи рабочим, приехал вместе с семьей в СССР. Здесь его дочь окончила школу, университет, поступила в аспирантуру, стала ученым, преподавала в МГУ, а сейчас работает в Институте всеобщей истории АН СССР.

К. МИЗИАНО. В жизни каждого из нас есть какие-то рубежи, где ты можешь себя проверить, причем не обязательно в большом, а чаще в малом деле. Иногда такое испытание случается уже в детстве, когда надо защитить сидящего рядом с тобой на парте товарища, которого обижает более сильный, или оправдать его перед учителем. Не думай о том, понравится это учителю или нет, выскажись, определи свою линию. И тогда тебе будет легче определить свою позицию в гораздо более сложных ситуациях и испытаниях. Для меня, например, таким первым испытанием стала гражданская война в Испании. Я была комсомолкой и сразу поняла, что должна ехать в Испанию. Но я не смогла. Отец в это время был уже смертельно болен, и его смерть на год отодвинула меня от этих событий. Уже было поздно. И все же я обратилась за содействием к Тольятти, и он, улыбаясь, спросил у моей матери, которой я послала письмо: «А она умеет обращаться с пулеметом?» Мама ему испуганно ответила: «По-моему, нет». И Тольятти ей сказал: «Нам еще понадобятся борцы».

Вот, мне кажется, первое качество порядочного человека — выбор пути. Он дается нелегко и не является результатом одних только личных свойств. Это воспитывается. Борьба за идею, за правое дело — этому научили меня родители. Это первое, что я впитала в себя. Поэтому и стремление обязательно отправиться в Испанию было естественным движением души и сердца.

В. АКСЕНОВ. Вы сейчас говорите о том, что впитали в себя с молоком матери. Хочу добавить, что с возрастом человек сам уже начинает формировать свои понятия о жизни более серьезно, глубоко. Процесс воспитания — процесс непрерывный. Вопрос только в том, как и что воспитывать. Мне кажется, что очень важно воспитать понятие стержня. Стержень в жизни должен быть у каждого человека. Все остальное как бы выходит из этого стержня или крепится на нем. Жизнь человека не всегда идет гладко. Бывают моменты, когда человек теряется, оступается, но вот потерять что-то в себе из этого стержня нельзя.

Нельзя не думать человеку о своем месте в обществе. Человек — существо общественное, и потому так важно каждому определить собственную роль в жизни своего поколения. А поскольку каждое поколение отвечает за свои дела, то в этой ответственности поколения у человека должна быть и своя ответственность. Человек наделен способностью обобщать, оценивать события, делать из них выводы — личные и общественные, вести свою линию и уметь объяснить свою позицию другим. Вот это и есть стержень. И уж те качества, которые составляют стержень твоей личности, терять нельзя.

«СМЕНА». То, о чем мы с вами сейчас говорим, вещи в общем-то простые и самоочевидные. Но почему-то они последнее время заставляют нас так часто о себе говорить и думать...

Ю. НАГИБИН. Потому что нам хочется, чтобы эти изначально простейшие добродетели стали общераспространенными, чтобы все люди ими овладели. Причин тому много. Это колоссальные революционные, социальные и прочие сдвиги, которые произошли в мире. Страшная, нечеловеческая война и потоки крови, которые залили землю с сентября 1939 года и по 1945 год и продолжают литься сейчас. В мире, говорят, был только один день, когда нигде никого не убивали. Блоковское «И вечный бой, покой нам только снится» в наши дни приобрело совершенно очевидный характер. Человечество, знающее, казалось бы, всему цену, понесшее такие невероятные потери, узнавшее кошмар фашизма, взрывы страшных атомных бомб, которые уничтожили население двух больших японских городов, прекрасно представляющее, что такое взрыв современной термоядерной бомбы, продолжает без конца держать мир на грани окончательной катастрофы. Все время льется кровь, все время творится насилие, все время люди не могут договориться друг с другом. Порядочности, видимо, не хватает не только в душе отдельного человека, но и вообще во всем огромном хозяйстве нашего земного шара. Нарушаются договоры и соглашения, взятки теперь дают не отдельные люди, какие-то там жалкие чиновники — миллионные взятки даются могучими компаниями и фирмами премьерам и министрам...

В. РУДНЕВ. Да, самые простые нормы нравственности и справедливости, которые отживающее свой век капиталистическое общество уродует и бесстыдно попирает, коммунизм делает нерушимыми жизненными правилами как в отношениях между отдельными людьми, так и в отношениях между народами. Ибо наша, коммунистическая мораль включает в себя основные общечеловеческие моральные нормы, которые выработались народом на протяжении тысячелетий в борьбе с социальным гнетом и нравственными пороками. Поскольку сегодня неизмеримо возросла роль именно нравственных начал в жизни общества, нас и занимает такой вопрос, как порядочность отдельного человека. Ведь если бы каждый человек придерживался определенных, совершенно несложных моральных правил, то есть был бы порядочным, то, очевидно, не было бы и всего того зла, о котором мы говорили.

В. АКСЕНОВ. Это правильное замечание. Но мне кажется, что очень многие люди слишком легко и просто смотрят на любые проявления не порядочности, в том числе и словесные. Я вообще заметил, что порядочный человек, как правило, невоинствующий. Разумеется, он встанет против явного хулиганского поступка. Но если этот поступок лежит где-то на грани отсутствия культуры, то тут он бойком себя не проявит. А вот бескультурный человек проявляет себя часто. Уж он-то воинствующий всегда. Для доказательства приведу такой пример. В доме отдыха в общем большом зале сидят люди — читают, играют в шахматы, слушают тихо льющуюся из репродуктора музыку. Вдруг приходят молодые ребята и начинают для вечера настраивать музыкальные инструменты. Они не замечают, что вокруг люди отдыхают. И никто из отдыхающих не подойдет к ним и не скажет, чтобы они не нарушали покой и тишину. Потому что знают, что в ответ могут получить грубость или просто встретят непонимание. А непонимание элементарного или, скажем так, истины тоже воспринимается плохо и расстраивает порядочного человека. Он на собственном опыте знает, что вмешательство повлечет за собой испорченное настроение, и потому сидит и терпит. Вот откуда невоинствующие люди.

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ. Я бы назвал позицию таких людей «пассивной порядочностью». Такие люди говорят о себе: «Я никогда не вру, я порядочный человек». Ну что ж, очень хорошо, что ты не врешь. «Я верен жене». Ну что ж, тоже хорошо. «Я не обижая слабого». Прекрасно. Но этот же человек смолчит тогда — я вспоминаю письмо учительницы Анны М. из Ленинграда, с которого, собственно, и началась «Смена» эта дискуссия, — когда и совесть и обстоятельство требуют, чтобы ты говорил, чтобы активно вмешался в ситуацию. Если он этого не делает, значит, он вещь в себе, и мне такой человек не нравится. А нравится мне тот человек, который выступает против подлости, против зла, против всякого тартофства, зная, что это может причинить ему какой-то урон, может повлиять на его положение, принести вполне определенные сложности в жизни. Вот этот человек для меня порядочный.

Ю. НАГИБИН. Совершенно верно, не может быть человек порядочным на службе и деспотом, мерзавцем в семье. Не надо заблуждаться, что есть какая-то ведомственная или профессиональная порядочность. Что, допустим, у сельского жителя своя

порядочность, а у городского — своя, что у женщин одна порядочность, у стариков — другая, а у мужчин — третья. Нет, порядочность — это совершенно одинаковое свойство всех людей. Потому что человек защищен разумом, и, значит, генетически он создан так, чтобы быть порядочным. В этой области, к сожалению, нет четких научных формулировок, все это довольно условно, но человек задуман все-таки как носитель изначально необходимых добродетелей. Они и самозащита его и самосохранение.

Мы, люди, можем быть и стойкими, и мужественными, но при этом мы все же очень хрупкие, незащищенные существа, ибо у нас ни на душе, ни на теле нет носорожьей кожи. Нам очень легко причинить боль, моральное, сердечное или физическое страдание. И надо поэтому помнить, что рядом с тобой ходят действительно незащищенные, подчинившие себе природу, но такие слабые от природы существа. Возьмите животных. У них очень простые отношения, но они ведут себя порядочно по отношению друг к другу. У меня есть две собаки и две кошки. Иногда про кого-то говорят: живут, как собака с кошкой. А я, поверьте, хотел бы так жить с окружающими, как мои собаки живут с моими кошками. Они никогда не полезут в их миску, никогда не помешают им пить, если кошки начали пить первыми. Они соблюдают правила порядочности неукоснительно. И это у них извечно.

В Кении на территории заповедника я видел совершенно замечательные проявления порядочности животных. Там есть дом отдыха со специальной смотровой площадкой. Рядом протекает ручей, к которому приходят на водопой звери, обитающие в этих джунглях. В заповеднике, естественно, запрещена стрельба, но звериные законы все равно существуют: антилопы питаются травами, а львы питаются этими антилопами. Так вот с утра к ручью начинают приходить звери на водопой. И вот что интересно: в определенный час самые пугливые на свете антилопы идут совершенно бесстрашно, хотя знают, что рядом находятся львы, которые тоже хотят пить. Приходят крошечные косули, все самые незащищенные звери, потом приходят жирафы, зебры, слоны, какие-то прыгающие и т. д., и только потом появляются лев со львицей и своим потомством. Попив, они спокойно уходят, и тут, наверное, начинается уже другая жизнь. У ручья же никто никогда не нарушит порядка, как бы ни хотелось пить. Вот идеальная порядочность, созданная самой природой.

«СМЕНА». Юрий Маркович, когда вы говорили о том, что человек генетически задуман порядочным существом, вы все же говорили об этом как об условной формулировке. Нас беспокоит сегодня не порядочность, с которой мы довольно часто сталкиваемся — иначе мы не затевали бы эту дискуссию, — а мы ищем истоки: где и когда начинает формироваться тот основной этический, душевный, нравственный фон, на котором и произрастает либо порядочность, либо не порядочность.

Ю. НАГИБИН. Все начинается, в общем-то, с детства. Вспомним безотцовщину, к которой привела война. Сколько миллионов женщин после войны воспитывали детей без отцов, без мужского начала, которое необходимо каждому ребенку, но особенно мальчику. Сколько у нас было детдомовцев, но ведь никакой, пусть самый образцовый детдом все равно не заменит ребенку родителей. Нужна нормальная семья, где есть отец и мать, где есть какая-то своя изначальная порядочность, когда младшего постоянно учат, чтобы он говорил старшим правду, ничего не скрывал, не брал чужого, не посягал на здоровье или жизнь другого человека. Это все очень простые, элементарные истины, которые закладывает семья, особенно если она сама обладает нравственным здоровьем, но этого были лишены в силу войны очень многие люди. Вот почему нам сегодня, по прошествии стольких лет, все еще приходится вести об этом разговор... Конечно, все идет от взрослых, и, к примеру, пьянство самым роковым образом сказывается на воспитании маленького существа. Если он видит своего отца постоянно пьяным, в безобразном, унижительном виде, то его маленькая душа, оравленная в детстве, я уверен, уже не будет способна к восприятию простых и самоочевидных истин.

В. АКСЕНОВ. Бесспорно, порядочность у развивающегося человека воспитывается прежде всего людьми, стоящими рядом с этим человеком, а рядом — до школы — стоят его родители. Они и оказывают наибольшее влияние на ребенка. И заменить это влияние, как вы правильно сказали, Юрий Маркович, нельзя ничем, его можно только либо дополнить, либо сделать более образным и ярким благодаря какому-то примеру. Взрослый человек способен осмысливать что-то и обобщать,

ребенок же такой способности, по-моему, не имеет, он все воспринимает непосредственно. И значит, лучше всего воспринимает примеры. Вот почему взрослые должны всегда помнить о том, чтобы их слова, обращенные к младшим, не расходились с собственным образом поведения. Один отрицательный пример, преподнесенный юному человеку в детстве, останется в его памяти на всю жизнь и может послужить толчком для формирования в нем неверного понятия. А так как предмет нашего разговора — воспитание порядочности, то прежде всего надо говорить о порядочности отношений в семье. Ведь недаром же существует мнение, что неблагополучные дети растут у неблагополучных родителей.

К. МИЗИАНО. Тут дело не только в неблагополучных родителях. Я думаю, в том, что мы еще часто сталкиваемся со всякими негативными проявлениями в среде молодежи, есть и наша, старших, которая нужна для общения с ней. Мы бываем иногда либо чересчур категоричны, либо говорим с молодыми недостаточно просто и скромно, иногда мы слишком риторичны или назидательны. Молодежь в силу своих возрастных особенностей все это воспринимает очень остро и болезненно. И уж тем более не прощает нам, если слова наши расходятся с делом, с нашим поведением, с образом жизни. У нас в институте недавно один доктор наук, когда ему сказали: «Будьте справедливы в отношении дипломной работы такого-то студента», — ответил так: «Я ее еще не читал, но учите, что я не могу пойти против научного руководителя». Не читал работы, но уже заранее оговаривает, что не может не согласиться с научным руководителем, который является заведующим кафедрой. Потому что отношения с этим человеком ему дороже, чем судьба молодого человека, дипломника, будущего специалиста. Вот такие поступки старших разлагают молодых, тех, кто растет, кто идет на смену.

В. РУДНЕВ. Ну, в семье, как говорится, не без уroda. Подобное делячество, чиновничье равнодушие, как у этого ученого, зазнайство, грубость, консерватизм, косность, к сожалению, живучи. Однако поступки человека, говорят, — это зеркало его воспитания. Начинается воспитание примером в семье, затем в этот процесс включаются детсад, школа, пионерская и комсомольская организации, институт, трудовой коллектив...

Ю. НАГИБИН. Я добавил бы к ним еще и двор. Да, именно двор, если в нем есть умные и ответственные люди, которые способны влиять на младших. Я знаю это по себе. В нашем доме жили старые печатники, и как же здорово они нас, детвору, воспитывали и выправляли. Эти люди есть в моих рассказах. Вот один из них — Данилыч. Это отец моего товарища Кольки, соседа по квартире.

Данилыч — участник гражданской войны, простой печатник, который вырос до директора крупной типографии. Был он предельно скромным, жил в одной комнате с большой семьей: у него было четверо детей. Часто мы, ребята, приставали к нему с просьбами рассказать о войне. Так вот он никогда не вспоминал про себя героических эпизодов, наоборот, однажды рассказал случай, когда, как он выразился, даже «портчонки намочил от страха». При этом мы понимали, что быть вот таким человеком, простым и скромным, прекрасно. Колька, кстати, был его приемным сыном, и именно поэтому Данилыч любил его больше, чем троих своих собственных. А как он был бесконечно справедлив, как честен, стоек во всяких жизненных неурядицах! А ведь справедливость — особенно необходимое качество в отношениях с детьми. Рядом с ним было безумно стыдно совершить что-то дурное. Но если он и замечал плохое в тебе, он никогда ничего не говорил, только посмотрит и так обожжет взглядом, что у тебя от стыда вся душа сгорала.

«СМЕНА». В воспитании порядочности, то есть запрета на совершение откровенно дурных поступков, должны принимать участие все люди поголовно. Почему я об этом говорю? Да потому, что нередко мы встречаемся с фактами, когда кто-то пытается оправдать что-то не порядочностью. Дескать, ему так нужно, у него не было другого выхода. Выход, во-первых, почти всегда можно найти. Во-вторых, если человек совершает не порядочный поступок, значит, этот поступок всегда идет в ущерб кому-то, иначе он не может называться не порядочным. Но при этом он всегда идет в ущерб и тому, кто совершает этот поступок. Не случайно ведь написали нам письма рабочий Виталий С. и учительница Анна М. — их мучают угрызения совести, они понимают, что в разных жизненных ситуациях поступали не порядочно.

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ. В связи с письмом учительницы из Ленинграда я хотел бы вспомнить об одной пьесе, которую ставил в 1966 году в Театре имени Ермоловой. Это пьеса И. Нусинова и С. Лунгина «Гусиное перо». Знаете, в ней то, о чем пишет Анна М., составляет ядро драмы. А суть в том, что некую образцовую школу возглавляет очень опытная, немолодая уже учительница. В этой школе когда-то учился парень, фамилия его Мукасеев, который впоследствии стал известным человеком. В школе стоял его бюст, ежегодно проводились «мукасеевские чтения». И вот в пьесе происходит такая вещь: одна ученица оказалась рядом с дачей Мукасеева. И выяснилось, что этот человек с годами стал совершенно другим. У Гоголя, кажется, есть такое выражение: «Художник должен обличать все, что позорит истинную красоту человека». Так вот Мукасеев уже «позорил истинную красоту человека». Он отгородился ото всех соседней высокими забором, занялся хозяйством, выращиванием овощей и продажей их на рынке, то есть совершенно не соответствовал уже своей бывшей славе и своему имени. И перед учительницей возникла педагогическая драма: как же быть? Ведь она все эти годы воспитывала школу на принципе «делать жизнь с кого». И утверждала: вот с него, с Мукасеева. Драма эта разрешалась поначалу самым, по-моему, непорядочным образом со стороны учительницы, ибо она всеми доступными способами пресекала всякие слухи о ее любимце-«герое». В одной из сцен спектакля учительница просит девочку, чтобы она молчала, и убеждает ее в том, что произойдет подлинная катастрофа, если школа узнает всю правду. Пьеса кончалась тем, что театр ставил старую учительницу перед вопросом: открыть или не открыть истину детям? Безусловно, нужно было открыть, потому что эта девочка стала не хуже оттого, что она это узнала, а, наоборот, лучше, что было бы и с остальными ребятами. Учительница остановилась на пороге этого выбора. Когда Анна М. признается, что она начала понимать несостоятельность своих поступков и своей позиции по отношению к ученикам, а некоторые читатели «Смены» пишут, что учительница стала порядочной, я могу утверждать, что для нее открылся только путь к истинной порядочности. Результат же еще неизвестен.

В. АКСЕНОВ. Но уже хорошо то, что человек стал задумываться, хорошо ли он живет, порядочно ли ведет себя в обществе. А потом начинает и что-то делать для своего самоутверждения. Это первейшая потребность человека. А из нее уже вытекает и необходимость самовоспитания. Иной раз бывает, человек прошел мимо какой-то несправедливости, не подал руку помощи оступившемуся товарищу, просто забыл про свое обещание — и вот он начинает придумывать для себя разные оправдания. Что делается, естественно, очень легко, ибо каждый человек хочет выглядеть в своих глазах как можно лучше. Он выискивает всякие оправдательные моменты, смягчающие обстоятельства, но это все будет только средством внешней самозащиты. Потому что внутри-то человека все равно сидит обвинение против себя. Должно сидеть, во всяком случае.

Ю. НАГИБИН. Вот именно, должно. И потому мы считаем, что и непорядочный человек, однажды хорошенько подумав о себе и ужаснувшись, может стать порядочным. И начаться это его перерождение должно с самовоспитания. Дело это в общем-то несложное. Вот вы приходите на работу, и весь ваш день наполнен тем, что идет проверка на порядочность и непорядочность. Сколько мы теряем и времени, и сил, и вообще всего нашего «вещества жизни» оттого, что мы вечно имеем дело с людьми необязательными, нарушающими по пустякам свое слово, не звонящими, когда вы ждете этого звонка, не выполняющими своих обязанностей, не отвечающими на личные и деловые письма, то есть с людьми неаккуратными. Именно аккуратность, я считаю, одно из основополагающих свойств человеческой порядочности. И еще вежливость, дефицит которой сегодня тоже явно просматривается. В этом отношении на меня совершенно ошеломляющее впечатление произвела одна запись в книге официанта. Когда-то давно существовали такие книги, куда люди могли написать не жалобу, а добрые слова. Так вот я знал 82-летнего московского официанта Ускова, которому посетители однажды написали буквально следующее: «Потрясены вежливостью официанта Ускова». Понимаете, вежливость, которая, как и аккуратность, принадлежит к общечеловеческим качествам, стала редким блюдом. Таким редким, что люди, которых обслуживал старый официант, воспитанный в правилах, что он должен не только накормить посетителя, но и создать для него маленький праздник, были потрясены его вежливостью. Вежливостью, которая

должна быть свойством любого порядочного человека. Потому что мы все друг с другом взаимосвязаны. Среди десяти порядочных быть единственным непорядочным очень трудно. Но очень легко стать десятком непорядочных среди девяти непорядочных. Поэтому каждый человек должен быть занят самоконтролем, самовоспитанием, о чем мы уже сегодня говорили. Когда это есть, то в человеке появляется волевое начало требовать соответствующего ответа и от других. Если он сам абсолютно точен, ему очень легко пристыдить неточного человека, если он сам исполнительен, то всегда может бороться с чужой неисполнительностью. Но если он сам разболтан, расхлябан, необязателен, от кого и что он может требовать? Вправе ли он обижаться, что его обманывают, что с ним не считаются, унижают его достоинство, если он сам занимается этим?

В. АКСЕНОВ. Ответ на этот ваш вопрос может быть только один: будь порядочен сам, и тогда другие люди будут так же относиться к тебе. А еще лучше быть примером другим. Мне по работе, в моей общественной деятельности приходится встречаться со многими людьми, работающими в самых разных сферах. И я очень часто просто поражаюсь степени порядочности этих людей.

Ну, вот таким образом — не то что образом порядочности, а образом человека вообще — был Сергей Павлович Королев. Все, естественно, знают, каким исключительным авторитетом он обладал. И вот, помню, из нашего КБ увольнялся один инженер. Он нашел лучшее место и по советским законам мог уволиться, но так как увольнение связано с формальностями, больше того, есть понятие долга, незавершенной работы, своей максимальной полезности данному коллективу, то его увольнение Королев расценил на фоне очень оперативной тогда работы — а это было самое начало космической эры — нежелательным. Как человек, имеющий очень большую власть, он мог бы просто сказать, что на такое-то время этот инженер не может увольняться. И все. Причем инженеру могли передать это, как приказ Королева. Но Сергей Павлович вызвал секретаря комсомольской организации отдела и спросил его, как он смотрит на это дело. А надо сказать, что вся молодежь отдела поддерживала инженера, который уходил не халтурить и не за длинным рублем, а на интереснейшую и тоже новую для себя работу. Королев беседовал с секретарем полтора часа — это при своей огромной занятости — и убедил его — он сам мне потом рассказывал, — что этому специалисту лучше остаться. Он не стал вызывать самого инженера, потому что хотел, чтобы его переубедили товарищи. И они действительно объяснили ему позицию Сергея Павловича и дополнили ее своими доводами. И человек остался. Хотя можно было поступить очень просто: власть проявить, и не было бы вопросов. Но, видимо, у Королева был свой расчет, и правильный расчет: этот случай может быть для других примером отношения к своей работе, к своему долгу, может стать своеобразным уроком человеческой порядочности.

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ. Продолжая вашу мысль, Владимир Викторович, хочу вспомнить слова Василия Шукшина, который говорил, что душу человеческую, может быть, сложнее построить, нежели космический корабль. Наш театр в очень большой степени занят сегодня именно строительством души. При этом человек рассматривается с точки зрения его социального действия, его персональной нравственной ответственности за все, к чему он прикладывает свой разум и свои руки.

И тут я не могу не назвать пьесу молдавского писателя Иона Друцэ «Святая святых». В ней я хотел бы выделить два главных образа: пастуха Кэлина Абабия и его друга детства Михая Груя. Абабий остался в селе, а его друг — человек недолгий, умный, цельный — стал большим государственным деятелем.

И вот время от времени этот пастух приходит из деревни к своему другу в город. Приходит всякий раз с очень важным вопросом, и каждый из них дискусионен в смысле порядочности. Вот, скажем, он возвращается в свое село после службы в армии и видит, что агротехники, учитывая нерентабельность лошади рядом с трактором, расстреливают колхозных коней. И тогда Кэлин Абабий — а он в начале пьесы очень хорошо говорит, что домашний скот, звери, птицы до сих пор находятся в каком-то рабстве у природы, и он, как гвардеец, должен быть на стороне угнетенных, — берет старое ружье и пытается оказать сопротивление убийцам. Кстати, Михай его в этом целиком поддерживает, и тут ничего не надо объяснять, потому что расстреливали природу. Порядочно поступил Кэлин Абабий? С точки зрения его друга — вполне. С моей точки зрения — абсолютно. Потому что совершалось вар-

варство. Охрана природы, охрана животного мира — государственный вопрос, и Абабий уверен, что государство тоже охраняло бы этих коней. И потому его протест против варварского отношения к природе, к живому существу, конечно, имеет в истоке глубочайшую порядочность. Как на войне он был стойким солдатом и мужественно заприщав свою землю, так и сейчас он стойко заприщав природу, защищает красоту, защищает свою любовь.

Ю. НАГИБИН. Литература, театр, кино постоянно говорят людям: «Будьте порядочными». Если бы можно было подчитать, какую моральную роль в воспитании народных масс сыграли Пушкин, Толстой, Чехов, Достоевский, Гете, Шекспир и другие великие писатели, то оказалось бы, я уверен, что эта роль чрезвычайно высока. Без литературы, наверное, люди были бы неизмеримо хуже. Литература, несомненно, способствовала тому, что порядочность и другие человеческие добродетели в мире все же существуют. Именно она вместе с другими искусствами — музыкой, живописью, зодчеством, театром и кино — сохранила человека человеком и строила его нравственную суть, а если не очень преуспела, то только потому, что уж слишком много было всего против этого: и исторические факторы, и социальные, и демографические, и экологические.

Однако, спустившись с философских высот на землю, мы увидим, что категория порядочности все-таки больше принадлежит быту, повседневности. И потому сегодня, вне сомнения, она должна быть главной заботой всех нас, а в отношении к малым мирам сего, то есть к детям, это особенно важно. Нельзя быть самим непорядочными, а воспитывать порядочных людей. Для подтверждения этого тезиса хочу вспомнить фильм «Чудовище», состоящий из десяти новелл, в котором играли замечательные итальянские актеры Уго Тоньяцци и Витторио Гасман. Смысл одной новеллы такой: отец — обычный итальянец, у которого растет сын. Этот итальянец начисто лишен того качества, о котором мы сегодня с вами столько говорим. Он ведет своего мальчика в зоопарк. Огромная очередь у кассы, и вдруг мальчик видит, как его отец подбирает в рукав руку, как-то очень смешно кривит ногу, поднимает воротник и, изображая инвалида, искалеченного войной, без очереди получает два билета. Затем мальчик пропускает занятия в школе, и отец достает справку у своей любовницы-врачихи, что мальчик болен и, не очень маскируясь, целует ее. Потом он идет в школу к сыну, потому что тот плохо учится, и, обольщая молоденькую учительницу, добивается, что ему ставят хорошую отметку. Отец совершает еще целый ряд не преступных, как вы видите, а именно непорядочных поступков. Проходят годы, и вот в газете появляется сообщение: сын убил отца. Тот самый мальчишка, чтобы получить деньги, прихлопнул своего папу. Кто же виноват, что он стал убийцей? Это гротескная ситуация, но тем не менее она показывает, как серия мелких непорядочных поступков приводит в конечном счете человека — не отца, нет, он так никого и не убил, — а его сына к преступлению. Вот предупреждение: вы сеете ветер — пожнете бурю. Вы воспитываете в детях соглашательство, моральную уверенность в том, что можно надуть кого хочешь, можно пройти без очереди, можно представиться инвалидом, хотя сам не участвовал в войне, можно обольстить, если это тебе надо для твоих мелких целей, а в маленькой душе все это идет крещендо и превращается в преступное начало. Очень мудрый фильм, показывающий, как нарушенный, пусть даже очень небольшой, моральный устой может вылиться в нравственную катастрофу. Начинается это с малой непорядочности, с малого нарушения правил общности, а превращается в преступление, в чудовищный поступок. Это как снежинка, которая начала скользить по склону горы, превратилась в страшную снеговую бомбу, которая ведет к гибели и уничтожению.

Вообще, говоря о нравственности и морали, мы так часто любим заноситься в какие-то горные выси духа, что забываем подчас про самые простые, бытовые, как будто бы само собой разумеющиеся моральные начала. А они-то как раз самое главное, с них все и начинается. Все хорошее и все дурное. Так будем же помнить об этих моральных началах в каждую минуту нашего бытия: на работе и в булочной, в метро и дома, в общении с близкими и незнакомыми людьми.

Этим разговором за «Круглым столом» мы заканчиваем длившуюся почти год дискусию «Что значит — порядочный человек?». Благодарим всех, кто принял в ней участие, кто высказал свое мнение в письмах, кто внимательно следил за материалами дискуссии.

Итоги конкурса одного стихотворения

Вот уже три года на страницах «Смены» регулярно публикуются стихи участников конкурса одного стихотворения. За это время редакция журнала получила несколько тысяч писем со стихами самодеятельных авторов, живущих в разных уголках нашей Родины. Опубликовано более двухсот стихотворений.

В этом году победителями конкурса жюри назвало: Вячеслава Молодякова (Москва), Людмила Жукову (Великие Луки), Александра Соловьева (Украина).

Коротко о них. В. Молодяков — корреспондент газеты «Гудок». В составе студенческих строительных отрядов работал на целине, вместе с геологами

ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО

прошел якутскую тайгу, Приморский край. Впечатления от поездок, общение с живой жизнью стали основой стихов, навеяли те поэтические ритмы и образы, которые выходят за рамки личной лирики.

Л. Жукова работает инспектором милиции по делам несовершеннолетних. В свободное от работы время пишет стихи. Наверное, не легки для женских плеч поганы офицера милиции, но они несколько не мешают стихам Людмилы быть добрыми, искренними и трепетно женственными.

А. Соловьев — военный летчик. Траектория полетов в небе как бы нашла свое продолжение в стихах, стала творческой поэтической траекторией жизни Александра Соловьева. Он — автор книги стихов.

Вячеслав Молодяков,
журналист,
Москва

Младший брат

Как боль зарубцевавшихся
утрат,

Опять меня тревожит
сон давнишний —
Идет ко мне навстречу младший брат,
Всего двух дней
до хлеба не доживший.

Шагает сквозь ночей блокадных гарь.
И руку мне протягивает молча,
И вижу я зажатый в ней сухарь:
Он поделиться им со мною хочет.

Спасибо, брат, спасибо, мой родной!
О, если бы случилось все иначе,
Ты повторил бы прожитое мной,
Но по-другому — искренней и ярче.

В январской синеве окна —
Дня медленного просветленье.
Слов утренних прикосновенье,
Шероховатых ото сна.

Легат сугробы, как песцы,
Видать, всю ночь резвилась выюга.
А люди вновь
спешат друг к другу,
Поглядывая на часы.

А день,
он не спешит пока,
Чтоб одарить в одно мгновенье
Души внезапным просветленьем
Или сединой у виска.

Одна лишь красная рябина...

Всю ночь шел снег,
ноябрьский,
ранний,

Смешав в одно — поля, леса.
Летели в снежном океане
Берез седые паруса.
...А утром первые тропинки
По серебру полян легли,
Как будто ранние морщинки
На молодом лице земли.
И в тишине лесной, былинной,
В застывшем, белом царстве сна
Одна лишь красная рябина
Осталась осени верна.

Старожил тайги

Доверчиво
Припав к воде студеной,
Он замирает, слушая тайгу.
Лицо его светло и отрешенно,
Как лодка, погружается в Амгу

Он воду пьет.
Она от всех недугов,
Коснись ее губами — и спасен.
Он воду пьет.
Глядят в глаза друг другу
Два близких существа —
река и он.

Дóма

Поставь-ка, мама,
Старую пластинку —
Где танго довоенное
с грустинкой.

Присядь со мною
рядом у огня.
Я дома. И мне нужно
очень мало —
Чтоб тихо пел огонь
И чтобы мама
Задумчиво глядела на меня.

Пусть ей вернут мгновенья
молодые
Пластинки старой
кольца годовые!

В мастерской Глазунова

В мастерской Глазунова
Остро, словно гроза,
Прямо в сердце мне снова
Палькнули глаза.

...А художник устало
Закурил у окна.
Птиц отутулые стан
Рвались к нам с полотна.
Но они улетали,
Уходили назад, —
Словно кровь,
проступали
Сквозь столетья
глаза,
Сквозь столетья и дали
Все сильней и сильней
Нас они обжигали
Русской болью своей.

Утро в метро

В тоннеле поезд крикнул вдруг,
К перрону, весь в огнях, причалил.
И этот свет и этот звук
Рожденье дня обозначали.

Живая гулкая река
В вагоны, суетясь, рванулась.
И стариковская рука
Случайно молодой коснулась.

Прикосновенье двух времен,
Что в поезде одном летели!
Но этого она и он
Заметить даже не успели.

Людмила Жукова,
инспектор милиции,
Великие Луки

Верность

Стояли три елки
На Павском проселке,
И были они и зелены
И колки.

Ветрами обуты
И солнцем согреты,
Зимнюю калены,
Взлелеяны летом.
Им будет лет тридцать
С тех пор, как солдатка
Их здесь посадила.
«Растите! — сказала. —
Я братьев и мужа
На фронт проводила.
Все жду, как ждала,
Все люблю, как любила.
Найти бы, обнять
Их родные могилы, —
Да жизнь на излете,
И кончились силы».
Сказала, склонилась
Седая солдатка,
И вместе с закатом
Угасла солдатка.
Ее хоронило село ясным утром.
Соседки решили и просто и мудро:
«Она беспредельно
Ждала и любила,
Безрезку посадим
У края могилы».

Стояли три елки.
А рядом березка
Растет, зеленая
Нарядом неброская,
И, тихо качая вершиной,
С утра
Поет те же песни,
Что пела сестра.
Вот ветра порывом
Припев подхватило:
«Все жду, как ждала,
Все люблю, как любила!»

Я сама себе хозяйка,
Хочешь — в поле, хочешь — в лес,
Есть заветная лужайка,
Речка, полная чудес.

Невеликая избушка
Хмелем скрыта с головой,
Ковш водички и горбушка —
Немудреный ужин мой.

Хорошо! Щеплю лучину,
Печку скоро растоплю,
Позабуду всю кручину,
Вместе с хворостом спалю.

В деревне у деда

Нам снова выпала работа:
Пилить дрова, колоть дрова
И складывать поленниц соты
Там, где подвинулась трава.

Как будто молнии и громы —
Взлет и паденье топора,
И во дворе, напротив дома,
Растет смолистая гора.

Несу к поленнице охапку,
И горьковатый запах пьлю,
И бересту кладу, как шапку,
А сверху варежку свою.

Мой дровосек расправил спину,
В последний раз сверкнул топор,
И гулко охнула осина...
Считаю к стенке мелкий сор...

В корзину собираю щепки
И лапник, хрупкой и сухой,
Хвоинки, упираюсь цепко,
Шуршат ежонком под рукой.

А дед ножом щепит лучину,
Ведечный ставит самовар,
По толстобокому кувшину
Росою оседает пар.

На яркой скатерти невнятой
В долбленке мед блестит пластом,
Мы чай завариваем мятой...
Как хорошо в краю родном!

Счастье

Все думалось, что счастье где-то рядом,
Все верилось: вот-вот оно придет,
За долгий труд, за верность, как награда,
Прольется чистым солнечным дождем.
Уже я к небу простирала руки,
Но мимо проплывали облака,
И сердце повторяло в каждом стуже:
«Еще немного подожди пока».
Все было: и просчеты и удачи,
Друзья, враги, и нежность, и печаль.
Когда-то не решенные задачи
Мне снова будут сниться по ночам.
И стою в тишине у перекрестка,
Где тоненькая верба расцвела,
Я осознала вдруг до боли просто,
Что я всегда счастливою была!

Я стою не дыша, я гляжу в тишину,
Слышу сердцем ее звуковую волну.
Пусть жила на скаку, пусть стремилась вперед,
Но все так же к себе это поле зовет...
Эта тропка во ржи до родного села,
Да калина, что возле него расцвела,
Да в знакомом окне непогаснувший свет, —
Для меня, для тебя столько зим, столько лет.
Я касаюсь рукою прохладной воды...
Здесь и юность моя оставила следы,
Под знакомой калиной, любви не тая,
Говорил мне любивший: «Невеста моя!»
Я стою и стою у лесного ручья,
Здравствуй, светлая радость, Отчизна моя!
Преклоняю колени — пред тобою в долгу, —
Это все, что сегодня я сделать могу...

Ожидание

На утренней зорьке
К излому реки
Спускается с горки
Дерева Жарки.

Бревенчатых домиков
Звонкая горсть,
И каждый прохожий
Здесь позванный гость.

Девочка стоит
У тесовых ворот,
Измазан вареньем
Малиновый рот.

Глаза с золотинкой
Искрятся и ждут,
На алой косынке
Ромашки цветут.

Александр СОЛОВЬЕВ,
военнослужащий,
Украина

Две осени

В Михайловском душа спокойна
И даль небесная чиста.
Деревья осенью безмолвны:
Ни птиц на них и ни листа.

И самолет, во мглу ныряя,
Оставил реактивный шур...
И мы с тобой, сердца сверяя,
Поедем завтра в Байконур.

Там на песках другая осень:
Светла, безветренна, свежа.
Жару на юг ветра отнесят,
Но постепенно, не спеша.

Дела и помыслы сойдутся
На острие земной мечты,
Две осени в душе сольются
При свете пушкинской звезды.

Стихает рев, и скорость гаснет,
И самолет клюет в пике.
А под крылом смеются ясли,
Единственные в городке.

Сынишка там, внизу, играет
В свою беспечную игру
И ничегошеньки не знает,
Что я без скорости умру...

Аисты

Не скушают аисты по травам,
Не тоскуют о тугих дождях.
Мы не знаем, по какому праву
Селятся на крышах и столбах.

На вершине встанет одноногий—
Неподвижный флюгер над гнездом.
Он себя не видит одиноким
По соседству с крышей и теплом.

Доброта

Оттели первые капли,
Под щедрым солнцем тает снег,
Земля в предчувствии апреля:
Все чаще слышен детский смех.

Леса прогнулись листвою,
Легко плывет зеленый дым,
И ели обновили хвою—
Все стало сразу молодым.

Весенний сок в березах бродит,
Хмельно кружится голова,
И на припек тонко всходит
Зеленоглазая трава.

Подснежник робкий под рябиной
Раскрылся венчиком листа,
Над первым клином журавлиным
Восходит солнца доброта.

Маршал революции

А крепок ли Маршал?—
Крепок.
Истории битвы слепок.
Тачанки в музеях стоят,
Молчат пулеметы,
молчат.
А шашка?—В покоях ножен.
А конь?—У крыльца стреножен.

А крепок ли Маршал?—
Крепок.
Бессрочно строчит пулемет.
И конница с ходу—в намет...
Волнуется шашка в ножнах,
И конь у крыльца встревожен.

На высший пилотаж—
Прямой расчет.
Машина нам послушна.
Пилот крылами небо
Рассечет
От космоса
До облака,
До суши.

А если штопор
Завладеет им,—
Но славы нет
Без риска.
Пилот сойдет
Путем своим:
От высоты—
До обелиска!

Без вести пропавшие

Снились летчики в строю необозримом,
Навсегда ушедшие в пике.
Падал снег, ложась тяжелым дымом,
И следы терялись на песке...
А сегодня в небе нашем чисто
И не то, что много лет назад,—
Осыпаясь, зазвенели листья
Золотом невыданных наград.
Без вести пропавшие умели
Драться до последнего огня.
...Вновь фашисты подбирают цели—
Только нынче целятся в меня.
Я противник тех, кто в разговорах
Видит в небе только красоту:
Воздух неба—хрупкая опора
Тем, кто не поверит в высоту.
Верили ребята...
Не считались...
Намертво штурвал прирос к руке...
В грозном небе,
В небе затерялись
Навсегда ушедшие в пике.

Евгений МАРЫСАЕВ

ИНСПЕКТОР

Рыбаки собирались спать, и уже кое-кто похрапывал на нарах, намаявшись на работе, когда за распахнутой дверью, в льдистом свечении белой ночи раздались равномерные хлопающие звуки. Словно кто-то шел по песчаной отмели реки: шлеп-шлеп, шлеп-шлеп.

Клыков проворно вынырнул из спального мешка, длинный, неуклюже мосластый, скрылся за дверью в сизых клубах дымокура. Следом за ним выскочил Кирилл.

Потирая слезящиеся от едкого дыма глаза, Кирилл всматривался в сторону реки. Белесый от песка обрыв. Пойма за ним, окаймленная плотной таежной стеною. Гладь Оби, отражавшая по-петушиному раскрашенное небо. Черная толстая коряга на отмели...

Потом опять раздались хлопающие звуки, и то, что Кирилл принял за корягу, вдруг пришло в движение.

— Сохатенок!
— Тихо, ты!—отозвался Клыков.—Мошка лютует, в реку загнала... Э-эх, ружья-то нет! В яме бы мясо не пропало. А то все рыба да рыба.

— Скажете тоже! Сохатого бить запрещено. Детеньша—тем более.
— Ты, брат, будто только на свет явился...

Клыков вернулся в горницу, растолкал спящих рыбаков. Совецались недолго. Решили попытать счастья, изловить сохатенка.

— Все цепью огибайте пойму, отрезайте ему отход в тайгу. Да сучьими не трещите—спугнете,—командовал звеньевой.—Я ж тем временем на моторку сяду.

Рыбаки один за другим выбежали из избы. Кирилл устало сел на ступеньках крыльца. Клыков сорвал с гвоздя большой обрывок сети, прихватил топор, побежал к лодке.

Сохатенок между тем выше брюха зашел в Обь и начал часто-часто приседать на длинных ногах. Быстрые круговые волнишки разорвали цветную зеркальную гладь, залескались на отмели. Малыш блаженствовал, не чуя беды. Мошка здесь, на Крайнем Севере, жрет без перерыва, круглые сутки; звери нередко заходят в реку и подолгу стоят в воде, спасаясь от ярости летучих тварей. Кирилл почти физически ощущал, как зудящее от бесчисленных укусов тело сохатенка врачуют холодные прозрачные струи Оби. Через считанные минуты это неуклюжее существо превратится в бесформенную грудку мяса. Его убьет двуногий зверь. Выросший в тайге Кирилл не был лицемером и вовсе не считал охоту варварством. Все едят мясо, в том числе и лосиное. Но губить детеньша дозвоительно разве что в единственном случае: когда человек погибает от голода.

Загонщики одновременно появились из тайги на блеклой в неверном свете белой ночи кочковатой пойме. Каждый в руках держал шест или рогатину. Они шли по мари длинной дугой, отсекая сохатенку путь в тайгу. Так по воде идет к берегу невод с полной мотней.

Сохатенок сразу учуял, услышал людей. Длинные уши взлетели торчком, горбоносая морда повернулась к берегу. Он поспешно прошел на глубину, по шее скрылся в воде. Секундное раздумье. Фыркнул, решительно повернул обратно. Когда вода дошла ему до колен, припустился вдоль берега, неуклюже выкидывая длинные ноги. Но не тут-то было. Путь преградил загонщик с шестом. Он с размаху ударил зверя по голове—сухая жердина переломилась надвое. Лосенок прокричал—точь-в-точь насмерть перепуганный человек—и шархнулся в противоположную сторону. Но там тоже стоял загонщик, вооруженный жердью.

Люди добились того, чего хотели: сохатенок бросился в реку и поплыл. Тотчас застучал «Вихрь», от берега отделилась «дюралька» с длинной сутуловатой фигурой Клыкова на корме. Свободной, не занятой румпелем рукою он, наклонившись, поднял с днища и положил на колени топор.

— Сколько ж можно молчать!—вставая со ступеньки, сам себе сказал Кирилл.

Или сейчас, или никогда. Был неосознанный страх перед Клыковым. Но было и великое презрение к самому себе за трусость, которую до сих пор не удавалось побороть.

Кирилл, придерживая самодельный кинжал в чехле, пристегнутом к ремню, побежал по тропке к берегу, к лодкам. Здесь стояла вторая моторка, на которой отвозили к плашкоутам улов. Он прыгнул в нее, завел «Вихрь». Лодка рванулась на глубину.

Клыков на своей «дюральке» был уже далеко от берега. Он выписывал на воде кренделя следом за лосенком. Зверь плыл, шархался из стороны в сторону, далеко выгибая шею. Изловчившись, Клыков бросил сеть, опутал ею ушастую голову, горбоносую морду. Мотор на его лодке вдруг захлебнулся. Лосенок, натянув обрывок сети, потащил легкую «дюральку» к тому берегу.

— Иди наперерез!—прокричал Клыков Кириллу. Он полагал, что Кирилл приплыл к нему на помощь.

Одной рукой звеньевой удерживал сеть, в другой был топор. Подтянуть сеть с пленным сохатенком, чтобы нанести ему удар по голове, Клыкову было не под силу.

Лодка Кирилла заложила крутой вираж и пошла наперерез, а борт к борту с «дюралькой». На полном ходу Кирилл, сильно перегнувшись, полоснул острейшим кинжалом скрученную сеть. Клыков, не удержавшись, с маху грохнулся на днище. Топор полетел в реку. Лосенок, почуяв желанную свободу, с обрывком сети на морде поплыл все быстрее и быстрее к противоположному берегу.

Кирилл круто развернул лодку и помчался к стоянке. Затем поднялся в рыбацкую избушку. На «дюральку» звеньевой он ни разу не оглянулся.

В избушку молча заходили рыбаки, тревожно поглядывали на Кирилла, осмелившегося пойти против самого Клыкова, со страхом переводили взгляд на дверь. Ждали.

Клыков вошел весело, вперев в Кирилла шальные свои глаза:

— Даю тебе три минуты на сборы, шенок. Не исчезнешь—за себя не ручаюсь!
— Да бросьте вы угрожать-то. Не испугаюсь.—Кирилл, собирая рюкзак, чувствовал, как перестают наконец дрожать руки, не срывается от страха голос.—Грозите тому, кто вас боится.

Сказав это, он твердым шагом прошел через горницу к двери, провожаемый злыми взглядами.

РЫБООХРАНЫ

Кирилл спустился к Оби и направился вдоль топкого берега в сторону поселка. Ожидать попутную моторку возле рыбацкой избушки, вблизи от этих жадных, жалких лодышек, ему не хотелось. Давно бы надо вот так расстаться с ними. Будто гора с плеч! А то слишком дорогой ценой приходилось платить за жизнь в этой избушке — потерянными уважением к самому себе. Что он, работу себе не найдет? Рабочие на рыбокомбинате всегда требуются. Правда, платят там меньше, чем в рыболовецких звеньях. Но много ль надо вдвоем? Прокормятся. Зато постоянно при матушке будет, тоскливо без нее...

Кирилл прошел уже версты три, когда позади раздался перестук «Вихря». По Оби мчалась «дюралка». Он крикнул, замахал руками. Лодка свернула к берегу. Кирилл сразу узнал в грузной фигуре рулевого Василия Игнатьевича Сударева.

Они пожали друг другу руки.

— Что, опять Клык в поселок командировал?

— Ушел я от этой гоп-компании, дядя Василий. Совсем ушел.

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

— Что так?

— Разругался.

Райинспектор неторопливо закурил. Подумав, сказал:

— Не жалею, парень. Тебе в коллективе жить начинать надо, а не среди этого сброда. Рыбокомбинатовское начальство тоже понять как-то можно: план горит, рабочих рук нехватка. Вот и набирают разных... Знаю, Клык на руку нечист, доходят слухи. Да его так просто не возьмешь, хитер, стервец. Честному человеку с ним не ужиться... Ну, а теперь куда?

— Не знаю. Наверное, на рыбокомбинат.

— Тебе годков-то сколько?

— Восемнадцать через месяц стукнет.

Василий Игнатьевич забарабанил пальцами по дюралевому борту.

— А если б я тебе предложил к нам, в рыбоохрану, инспектором?

— Да разве мне можно?

— А почему ж нельзя? По возрасту подходишь — почти совершеннолетний. Раз. Нашенский, не пришлый, на реке рожденный, с местностью с детства знакомый. Два. Какую рыбу да какой сетью ловить можно, а какую нельзя, не понаслышке знаешь. Три. Так что по главным статьям рыбоохране ты пригоден.

— Да я с превеликой охотой. Но вот платят, слышал, у вас маловато... Вы только не подумайте, что я куркуль. Мать слепая на руках.

— В пугину, когда самый заработок у рыбаков, я тебя отпускать бы стал. Чтоб ты у них подработал... Словом, подумай, с ответом не спеши.

...Целый месяц Василий Игнатьевич Сударев «натаскивал» новоиспеченного младшего инспектора Кедровской районной инспекции рыбоохраны Кирилла Тюменцева. В самостоятельные рейды пока не пускал, оружия не выдавал. Львиную долю времени отнимали канцелярские дела, придуманная Главрыбводом бумажная волокита, которую райинспектор не мог упростить, — бесчисленные все эти «входящие и исходящие». Каждый документ требовалось перепечатать на машинке. Машинистку инспекция не могла найти сколько уже лет — маленький оклад, и за нее был сам райинспектор, который печатал одним заскорузлым пальцем по страничке в час и при этом всякий раз нехорошо ругался. Кирилл тоже как-то попробовал поработать на машинке и, к великой радости Сударева, быстро освоил эту премудрость.

В школе в разное время, как и каждый мальчишка, Кирилл мечтал стать то летчиком, то космонавтом, то капитаном дальнего плавания. Немного повзрослев, он понял, что надо приобретать более земную профессию: жить вдали от слепой матери сын не имел права. И только теперь будущая профессия определилась конкретно. Он решил связать свою жизнь с рыбоохраной. Есть заочный рыбопромышленный техникум, в который Кирилл поедет поступать осенью, есть даже институт. Негромкое, но очень нужное дело. Разве это мало — бороться с загрязнением рек, сохранять рыбные запасы? И как-то сами собою, без боли, исчезли, забылись мальчишеские мечты о космических полетах, океанских плаваниях...

В день совершеннолетия Василий Игнатьевич Сударев вручил инспектору

Кедровской инспекции рыбоохраны Кириллу Тюменцеву личное оружие — пистолет.

— Всегда помни: люди перед тобой, не звери, — при этом сказал он.

Кирилл открыл глаза и никак не мог понять, что с ним, где он находится. Память возвращалась медленно, трудно. Он попробовал пошевелиться. Нестерпимая боль так и пронзила левую половину груди.

Перед глазами стояли фосфорические огоньки гиллушки... Как что-то давно забытое, бывшее с ним много дней назад, Кирилл вспомнил тайник, засаду, уродливые тени браконьеров в луче электрического фонаря, выстрелы, вдруг накренившиеся, освещенные огнями теплохода небо... Потом он ощутил в правой ладони холодную рукоять пистолета. Ушли, гады, ушли... Почему не добились? На что рассчитывали?..

Если бы Кирилла сейчас спросили, в какой момент ему было страшнее всего: когда сидел в засаде, когда увидел браконьеров, когда услышал первый выстрел? — он бы ответил: ни то, ни другое, ни третье. Настоящий страх, граничащий с ужасом, испытал тогда, когда узнал напарника Клыкова.

Нет, он не должен уйти, не должен!

Куда угодил пуля? Конечно, не в сердце, иначе б он уже был в мире ином. Где-то рядышком прошла. Мокро со спины, мокро на груди. Видно, навывлет прошла...

Он сунул за ремень пистолет, затем, застав, перевернулся и пополз. Рука в темноте наткнулась на ствол дерева. То, что надо. Он приподнялся, прижал левую лопатку к стволу. Потом извлек из кармана брюк платок, расстегнул на груди форменную куртку и приложил его напротив сердца. Необходимо остановить кровотечение, иначе кровью изойдешь. Все эти несложные операции заняли полчаса, не меньше — любое движение тела, рук, головы мгновенно вызвало острую боль.

Голова вдруг закружилась... В теле легкость, невесомость какая-то... Все полетело куда-то... быстро-быстро! Это он, Кирилл, падает с колоссальной высоты. Обожди, при чем здесь высота? Куда он может падать, если под ним земная твердь?

...Прошло уже часа три с тех пор, как Ворон исполнил свой долг: «посадили» медведя и «держал» его до прихода хозяина.

Но прошел час, другой, третий, а хозяин все не появлялся. Потом чуткий слух Ворона уловил далекие выстрелы. Выстрелы были пистолетные, отличные от тех, какие рождали охотничьи ружья. Старенькая двустволка-курковка всегда лежала в лодке хозяина. А из пистолета хозяин никогда не стрелял по дичи. Однажды, предупреждая сопротивление браконьеров, он выстрелил в воздух. Это Ворон помнил крепко...

Инстинкт беспokoйства за хозяина некоторое время боролся с не менее могучим инстинктом лайки-добытчицы, пока наконец не одержал верх. Ворон поднялся и, к великой радости медведя, побежал прочь от него в сторону реки.

Через полчаса, изрядно подрав о сучья бока, пес выбежал на берег реки. Залайл, подзывая хозяина. Но знакомый голос не ответил, как обычно: «Я здесь, Воронок, здесь!»

На берегу пес взял хозяйский след. Он уводил в тайгу, к тому месту, где Ворон поднял медведя, где почему-то до одури крепко пахло рыбой. Восте таежного ручья хозяйский след перемешался с двумя другими, тоже людскими. Один из них принадлежал человеку, хорошо знакомому Ворону...

Наконец пес выбежал к тайнику. На мгновение замер. Потом бросился к лежащему возле кедрача хозяину.

То, что самый дорогой, самый любимый человек попал в беду, то, что ему очень худо, Ворон понял сразу. Пес жадно облизал руки, щеки, лоб, губы хозяина и все скулил, скулил не переставая.

Кирилл очнулся. Перед глазами прыгали, мельтешили разноцветные круги, хотя вокруг стояла непроходимая темь.

— А, пришел, Воронок... — сказал он и, застав, приподнялся, опершись о ствол кедрача. — Ну, хорошо, что пришел... На тебя, брат, теперь вся надежда...

Онемевшими от холода и слабости пальцами Кирилл расстегнул планшет, извлек оттуда чистый бланк протокола, шариковую ручку. Фонаря не было; освещая листок спичками, он написал на нем несколько фраз. Имена браконьеров (имя второго браконьера он жирно подчеркнул двумя линиями). Своё местонахождение. Короткое сообщение о ранении в грудь. Листок он завернул в окровавленный платок. Платок двумя узлами привязал к ошейнику Воронка.

На беспокойной своей службе Кирилл частенько попадал в сложные переплеты, и верный пес не раз выручал хозяина. Помните, выследил он группу браконьеров в пять человек. Ясное дело, одному не взять. Написал записку, прикрепил ее к ошейнику Ворона. «В инспекцию, Воронок! К дяде Васе!» — приказал Кирилл и пустил собаку берегом. И что же? Примчался Ворон в Кедрово, влетел в инспекцию рыбоохраны. И ткнулся в колени именно к Судареву. Всех инспекторов пес знал поименно. Попросит, бывало, сидя в конторе, райинспектор Кирилла: «Прикажи-ка своему Воронку Рыжова привести. Он с Нестеренко «Вихрь» на пристани ремонтирует». Кирилл приказывает. Пес прибегает на пристань, разыскивает инспекторов и тащит зубами за штанину именно Рыжова.

... — В инспекцию, Воронок! К дяде Васе! — собрав последние силы, четко и раздельно приказал Кирилл.

И опять кедр, о который опирался спиной инспектор, вдруг накренился, бешено завертелось перед глазами разноцветные круги, затем земля под ним бесшумно раздвинулась, и Кирилл полетел в бездонную пропасть.

— Здравствуйте, товарищ инспектор! Милости просим. Как на новой службе себя чувствуете? О, да вы при оружии! И форма вам очень даже к лицу. Небось, все кедровские девки так и попадали...

Клыков явно заискивал, в настороженных глазах его таился страх, но все прятал в разбитном, слегка ироничном тоне.

Кирилл молча вылез из лодки, молча кивнул рыбакам. Следом с груди конфискованных сетей длинным прыжком выскокил Ворон, сел у ног хозяина.

— Что ж это вы, товарищ инспектор, инструкцию нарушаете — один в рейд вышли? — тем же ироническим и заискивающим тоном поинтересовался Клыков. — Нерoven час браконьер веслом по голове саданет.

— А я разве один? Все же не один. — Кирилл потрел по задрыву Ворона, который в это время сладко, во всю свою огромную пасть зевнул, показав матерые желтые клыки.

Говорил так он не напрасно. Третьего дня пьяный браконьер, здоровенный мужик, напал на Кирилла, когда тот конфисковывал перемет — запрещенное орудие лова. Повалил, подмял под себя по-медвежьи. Выручил пес. Он прыгнул мужику на спину, рванул клыками ворот штормовки. Браконьер враз протрезвел, завопил благим матом. Кирилл с трудом оттащил рассвирепевшего, словно в поединке с хищным зверем, Ворона...

— С чего начнем? — с шутовской охотливостью осклабился Клыков. — Пожелаете определить допустимый прилов молодцы? Извольте.

— Чего там мелочиться, — махнул рукою Кирилл. — Для вас четвертной выкинуть — что плюнуть. Вас сотенными бить надо. Тогда, может, и проймет.

С этими словами он быстро поднялся на пригорок и зашагал в тайгу. Кирилл точно помнил, где находился браконьерский тайник.

Едва приметная стезжка привела его к чертолому, обогнула завал и оборвалась возле корявой лиственницы. Лаз в тайник обычно маскировал аккуратно вырезанный дерновый слой, а сверху лежала куча хвороста. Хворост сейчас был на месте.

Позади раздался треск сучьев. Это пришел Клыков. Он спросил с наигранным удивлением:

— Что вас здесь заинтересовало, товарищ инспектор? Я вам, случаем, не нужен?

— Как же! Очень нужны, Клыков. Хорошо, что пришли, а то хотел позвать, — ответил Кирилл и решительно раскидал горку хвороста.

Тайник был засыпан, земля плотно утрамбована.

— Никак хворосту на растопку прихватить захотели? — усмехнулся звеньевой. — Везти-то далеко.

Кирилл молча проглотил издевку, зашагал к тоне; Ворон затрусил за хозяином.

Рыбаки успели выбрать из улова молодь, закопать дохлую разложившуюся рыбу, усыпавшую берег. Ни к чему не придерешься. Но уезжать Кирилл не торопился. Клыков отказался от браконьерства и поэтому засыпал тайник? В это Кирилл никогда не поверит. Не сможет Клыков отказаться от дармовых денег, таких уж человек. И не из пугливых, чтобы струсить перед ним, Кириллом. Вернее всего, перенес тайник в другое место. Но куда? Как его отыскать? Не будешь же ползать на четвереньках, осматривать тайгу в округе сантиметр за сантиметром.

Взгляд Кирилла остановился на Вороне. Пес взлаивал, припав носом к выворотню кедрача. Из запасного входа в норку, с обратной стороны выворотня, пулей выскочил рыже-полосатый бурундучок. Ворон услышал шорох листьев под лапками, поднял голову и увидел зверька. Тот обзудел от страха, со всех ног помчался по песчаной косе. Пес бросился за ним. Не поздоровилось бы бурундучку, если бы в это время не раздался окрик:

— Воронок, к ноге!

Кириллу внезапно пришла в голову одна мысль...

Послушная собака с большим сожалением прекратила погоню, вернулась к хозяину. Кирилл взял из улова небольшую стерлядку и зашагал по стезжке в тайгу. Рыбаки оставили работу, проводили его настороженными глазами. Клыков с озадаченным лицом поспешил за инспектором.

Возле засыпанного тайника Кирилл сунул под нос псу стерлядку, властно, отрывисто приказал:

— Ищи!

Ворон пригнул голову и пошел, пошел вокруг зигзагами. Кирилл и звеньевой внимательно следили за работой собаки. Вот она остановилась. Задрала голову. Шумно потянула ноздрями воздух. И с визгом бросилась напролом через нагромождения мертвых деревьев. Кирилл и Клыков встретились взглядами. Глаза звеньевой бритвой полоснули инспектора.

Через несколько минут в тайге раздался приглушенный расстоянием заливыстый лай.

— Предлагаю пройти со мной, Клыков, — сказал Кирилл.

— Что ж, пойдём, — чуть помедлив, бросил звеньевой.

Они зашагали, ориентируясь на непрерывный лай Ворона. Ветви стегали по лицу, острые сучья норовили вырвать глаза. Миковаля овраг. Пес лаил в молодой рошце лиственниц. Он раскидывал задними ногами жухлые листья, игольчатый слой хвои, землю. Кирилл отстранил Ворона, встав на колени, поднял аккуратно вырезанный слой дерна. Оттуда крепко пахло рыбой. Свет выхватил из полумрака шипастые спины стерлядей, плоских золотистых нельм.

Кирилл опустился на мох, не спеша извлек из планшета чистый бланк протокола, шариковую ручку.

— Присаживайтесь рядом, чего стоять, писать долго придется.

Клыков сел, потом лег, раскинул руки и начал хохотать. Вдоволь нахохотавшись, он сказал:

— Ну и промашку вы дали, товарищ инспектор! Гнать вас в три щем из рыбоохраны надо! Курам на смех!.. Вы должны были застучать меня у тайника, когда я выбирал или, наоборот, складывал туда рыбу. А так что у нас получается? Псища привела к тайнику. Ну и что? Я о нем знать не знаю, ведаю не ведаю. Мало ль в Кедрове браконьеров, мало ль в округе тайников? Ах, не надо, не надо было спешить! Спешка при ловле блох нужна...

Кирилл сидел как ослепленный. Сделать такую грубейшую ошибку! Вгорячах забыть, что по инструкции браконьером считается только тот, кто уличен на месте преступления. Да как же так получилось?! Ведь всего неделю назад браконьер преподавал ему наглядный урок. Тогда Кирилл патрулировал Керету — приток Оби. На берегу у костерка заметил рыбака, рядом отдыхала «дюралька». Завернул к нему. Рыбак чайком балуется, приглашает инспектора погреться. Кирилл прошелся по берегу и неподалеку наткнулся на перемет. Собираясь уж протокол составлять. А браконьер этак спокойненько: «Плохо свою службу знаете, товарищ инспектор. Вот если бы вы меня накрыли, когда я ставил перемет или вытягивал, тогда другое дело. А так — перемет не мой. Ясно?»

Что предпринять? Василий Игнатьевич будет в этих краях часа через два, не раньше — так они договорились еще утром. Ехать в инспекцию, звать на помощь? Но пока он будет в дороге, Клыков со своей братией успеет уничтожить тайник — рыбу сбросит в Обь, яму засыплет. Нет, ему отлучаться отсюда никак нельзя... Постой-ка, постой-ка, ведь Игнатыч, наверно, совсем и недалеко, Ворон враз добежит. Кирилл подозвал собаку, нагнулся, как будто поласкает, а сам тихо сказал: «Веда, Ворон, Василий Игнатыча найти нужно». И собака помчалась вдоль берега.

Кирилл прошел к тоне. Рыбаки только что вытянули невод, выбрали улов. Кирилл в раздумье сел в свою «дюральку».

— Товарищ инспектор! — позвал Клыков и поднял руку, показав крошечного чебака. — Как считаете, эта рыбка является молодью, ее надо выпустить?

— Да, надо выпустить.

— А эта? — Звеньевой взял из сети шустрого щуренка размером с большой палец.

Рыбаки хохотнули.

Кирилл почесал затылок.

— Хитрый вы, Клыков, все-то учили, — сказал он.

— В нашем деле без учета някак нельзя. А хитрость и нахальство — второе счастье, миленький... Поезжай-ка домой, не мозоль глаза.

Кириллу пришла в голову новая уловка, чтобы оправдать свою задержку здесь, на тоне. «Браконьера не силой и не оружием брать надо — хитростью», — вспомнились ему слова Василия Игнатьевича.

— Что ж, придется ехать! Ваша взяла, звеньевой, — с раздражением сказал он. — Так-то лучше. Скатертью дорожка!

Кирилл поднялся, зашагал к лодке. Дернул ремень завода, но при этом не вращал ручку газа. Мотор, разумеется, не завелся. Дернул еще раз. Тот же результат. Он снял кожу, перегнувшись, быстрым, незаметным для постороннего глаза движением пальцев нарушил контакт в электрической цепи. Потом дергал ремень много раз подряд, вращая ручку газа. Мотор не заводился.

— Тьфу, черт!..

Кирилл достал из багажника инструменты.

— Помочь, инспектор? — крикнул Клыков, выбирая улов.

— Обойдусь.

Полтора часа он занимался бесполезным делом: разобрал и собрал бензонасос, отщипывал гайки и вновь заворачивал их. И все украдкой поглядывал на реку, ожидая лодку с райинспектором. И, совсем почти отчаявшись, услышал знакомый перестук движка, сквозь который пробивался тревожный лай Ворона.

...Втроем прошли к тайнику. Клыков был спокоен, с усмешкой, не перебивая, выслушал рассказ Кирилла и нагло заявил:

— Давай, Игнатыч, я еще чего присочиню, а? Доказательств-то нет, прошляпил их мальчишечка.

Василий Игнатьевич не ответил, хмуро что-то обдумывал. Нависло тревожное молчание, даже лес как будто проняла тревога, приумолк — и веточкой не шелохнется.

— Ну, Кирюша, дал маху — так ничего не поделаешь, — сердито сказал райинспектор. — Давай заводим мотор.

— Да моторчик-то барахлит у младшего инспектора, — высказался Клыков. И, хохотнув, добавил: — А может, хитрость это какая, опыт у тебя перенимает, Игнатыч?

Кирилл хотел ответить нагледу, но райинспектор буквально за рукав потянул к лодкам, шепнув на ходу: «Ехать надо, Кирюша. Понял?»

Кирилл понял, когда они отплыли с версту, и Василий Игнатьевич дал знак причаливать к берегу.

Привязав Ворона к лодке, они молча, стараясь не трещать сучьями, как могли быстро пробирались к тайнику — только бы успеть!

Успели. В самый подходящий момент появились — Клыков сидел в тайнике, рассовывал рыбу в рогожные мешки, остальные носили их к Оби.

...Суд приговорил Клыкова к году исправительных работ и взъяскал большой штраф. Со звеньевых его сняли, перевели на рыбокомбинат грузчиком.

Штраф Клыков уплатил сразу — благо деньги у него водились. По работе претензий к нему не было, и похоже было, что с браконьерством покончил...

Ворон выбивался из сил. Сорок километров до поселка обрывистым берегом, пойменными дугами вовсе не пустяк даже для чрезвычайно выносливой северной лайки. Иногда пес ложился и дышал тяжело, с мокрыми хрипами, но через минуту-полтора какая-то неведомая сила поднимала его и заставляла бежать, бежать. Десятки лаковых запахов встречались на его пути, и в другое бы время Ворон не упустил случая поохотиться, но сейчас дичь не занимала его вовсе. Хозяин в беде!

Светало. На востоке серую наволочь облаков пробили рыжие неяркие лучи. Свищовую Обь будто кто тронул голубыми и золотистыми мазками. Легкие расцветные полосы легли на тайгу, на бесконечные клубы туманов.

Наконец на излучине реки показались еще с ночи освещенная огнями пристань, темные, как бы разбухшие от избытка влаги избы на высоком берегу.

Ворон отлично понял приказ хозяина: бежать в инспекцию. Но сейчас он нарушил его. Умный пес сообразил, что враги ушли в поселок на лодке, потому что на такое большое расстояние никто из поселка не хаживал пешком. Стало быть, следы врагов нужно искать на причале.

Ворон запеллял между множества «дюралек», вытасненных на берег. Он обнюхал с полсотни «прогрессов», «казанок», «обей» и «амуров», прежде чем в нос емушибанул ненавистный вражий запах. Он исходил от битой рыбацкой лодки «казанки». Лодка была вытаснена из воды в том месте, где обычно оставляли свой транспорт инспектора рыбоохраны. Ворон бросился по следам от бахил, рубчато отпечатанных на влажном песке. Вскоре видимые следы исчезли, но на твердой тропке, карабкавшейся на обрыв, остались незаметные, запаховые.

Прохожие, спешившие в это раннее холодное утро на работу, озадаченно провожали взглядами собаку с бело-красной тряпкой на ошейнике, мчавшуюся неведомо куда.

Ненавистные следы оборвались возле неказистой избушки. Ворон ткнул голову в дощатую дверь и оказался в полутемных сенцах. Таким же образом он попробовал открыть обшитую толстым войлоком дверь, ведущую в горницу. Она не поддавалась. Пес догадался, что она открывается не вовнутрь, а наружу, точно так, как и дверь, ведущая в контору инспекции рыбоохраны.

Тогда он вцепился острыми клыками в войлок и потянул на себя — дверь, громко скрипнув, открылась.

Клыков спал пьяным мертвецким сном. Он очнулся лишь после третьего, особенно болезненного укуса в ногу. С похмелья ему показалось, что на него напала не собака, а медведь, неведомым образом забравшийся в избу, потому что морда Ворона была широкая, вся заросшая шерстью. Клыков заорал благим матом и пулей выскочил на улицу, а пес неотступно преследовал его, захлебываясь злобным лаем.

Со дворов повскакивали перепуганные хозяева, камнями и палками отбили человека от собаки. Клыков сидел на земле, стонал, зажимая ладонями рваные кровотокающие раны. Вокруг слышалось:

— Сбесился пес!..

— Милиции надо сообщить. Пусть пристрелят.

— Пока сообщать будешь, он скольких покусает...

— Сами управимся! Бегу за ружьем.

— Беднягу-то в лечебницу бы надо...

А Ворон между тем взял свежий запаховый след второго браконьера и мчался что было мочи. След вел к избе, в которой размещалась инспекция рыбоохраны.

Рассмотрев в бинокль две лодки на песчаной косе, Кирилл направил к ним свою «дюралку». Рыбаки — их было двое — спали возле погасшего дымящегося костерка. Один с головой завернувшись от лютовавшей мошки в плащ-палатку, другой лежал прямо во мху, раскинув длинные ноги в бахилах, бросив на лицо тряпку. В прокопченном котелке съела, подернувшись жирной, с блестками пленкой, ущица, возле костерка валялись две порожние поллитровки, граненый стакан.

Рыбаки не проснулись от звонкого стрекота мотора рыбацкой лодки: видно, были «готовы».

Кирилл огляделся. Ни переметов, ни браконьерской сети, ни других запрещенных орудий лова не было, лишь на косе стояла единственная донка. Ясно. В воскресный день под видом рыбалки мужики сбежали из дома от дотошных, всевидящих жен, чтоб как следует погулять. Кирилл решил не будить рыбаков, пусть хорошенько проспятся, протрезвеют, хотя по инструкции обязан был сделать им замечание: почти все несчастные случаи на воде происходят по вине пьяных водителей моторок.

Он уже было направился к своей лодке, когда один из рыбаков, на лицо которого была брошена тряпка, захлебнулся в мощном храпе, закашлялся и проснулся. Он сдернул с лица тряпку, и Кирилл узнал Клыкова.

Клыков продрал кулаком глаза, разглядел Кирилла и метнул беспокойный взгляд на своего напарника. Тот продолжал спать.

— Все вынохиваешь, инспектор? — хриплым спросонья голосом поинтересовался Клыков.

— Проверю, — поправил Кирилл. — Такая уж служба.

— Ну, проверил? А теперь двигай отсюда.

— А это уж мое дело. Захожу — спать здесь лягу, — разозлившись, ответил Кирилл.

Клыков опять настороженно посмотрел на собутыльника и, очевидно, решил не связываться с настырным инспектором.

Кирилл не спеша перелез в свою лодку и начал заводить мотор. Старенький моторишко, как всегда, прежде чем завестись, усердно почихал. Резкие звуки разбудили второго рыбака. Он зашуршал плащ-палаткой и что-то спросил Клыкова. Голос показался Кириллу очень знакомым. Он оглянулся и даже рот от удивления раскрыл: на земле, уставившись в пространство мутными, похмельными глазами, сидел инспектор рыбоохраны Рыжов. Мужичонка малорослый, сухощавый, бойкий, с рыжими волосами, красноватым от сплошных веснушек лицом, он походил, несмотря на свои пятьдесят, на вертячего мальчишку-подростка. В рыбоохране служил уже лет двадцать и был на хорошем счету. Браконьеры его боялись не меньше, чем Василия Игнатьевича Сударева. И на берегу и на воде умел Рыжов подкрасться к ним по-кошачьи бесшумно и осторожно, брал их хитрой изобретательностью. После рейда самую толстую пачку протоколов выкладывал на стол райинспектора А. Рыжова.

— Здравствуйте... — растерянно сказал Кирилл. — Что вы тут делаете?..

Рыжов узнал Кирилла. В глазах его на мгновение промелькнул страх. Он сразу отрезвел.

— А, Кирюша, здравствуй! — бодро ответил он. — Понимаешь, какое дело... Третьего дня продуло на Оби, нынче с утра шибко знобило. Дай, думаю, полечусь малость, ущицей побалуясь. Глядь — Клыков к берегу пристает... Ты, Кирюша, уж не скажешь Василь Игнатычу, ага? Он не любит, когда на службе себе позволяют... А ты, Клыков, что возле меня торчишь? Не к лицу мне, инспектору рыбоохраны, не то что разговаривать — даже находиться с отъявленным браконьером. Поехал, поехал отсюда, река большая, места всем хватит...

Клыков почесал лысеющую голову, лениво процедил:

— Нужны вы мне. — И направился к своей лодке.

Когда он уехал, звонко затрещав мотором, Рыжов окончательно протрезвел и еще раз попросил Кирилла:

— Ты уж не скажешь Василь Игнатычу. Уговорились?

— Ладно, — пожал плечами Кирилл.

Райинспектор Сударев проводил планерку. Все инспектора были в сборе, за исключением Кирилла Тюменцева. Отсутствие Кирилла не вызывало у Василия Игнатьевича беспокойства. Инспектор, смотря по обстоятельствам, мог задержаться в рейде и на сутки и на двое суток — такова служба.

Каждый, получив задание, не спешил уходить. К рыбацким лодкам на пристань инспектора всегда шли вместе. Они сидели рядком напротив письменного стола начальника, заваленного бумагами, все в форменных фуражках, бахилах, при пистолетах в кобурах на поясе поверх непромокаемой и непродуваемой рыбацкой одежды — комбинезона с наплечными ляжками и курток с кашпонами.

Василий Игнатьевич уже собрался было сказать свое обычное, что всегда говаривал в конце планерки: «Ну, товарищи, счастливого рейда, возвращайтесь живыми и невредимыми», — когда за дверью инспекции раздался громкий злобный лай и царпанье когтей по дереву косяка.

— Откройте дверь, — беспокойно попросил Василий Игнатьевич. — Это Ворон. Никак с Кирюшкой что приключилось?..

Ворон влетел в контору. Желтые глаза его горели бешеным огнем. Ни секунды не раздумывая, он с разгону бросился на инспектора Рыжова, повалил его на пол вместе со стулом. Падая, Рыжов успел выхватить из кобуры пистолет и дважды выстрелил в широкую мускулистую грудь северной лайки. Ворон сразу обмяк, скатился с человека, глухо ударившись головой, ногами, всем туловищем о половые доски. Задние лапы его быстро-быстро задергались, затем вытянулись в струнку, и пес замер с оскаленной пастью.

Все произошло так быстро и неожиданно, что никто не успел ничего предпринять, даже вскочить со стула.

Рыжов продолжал лежать на полу в нелепой позе, сжимая в руке пистолет. Рука сильно дрожала, дуло пистолета плясало. Он что-то хотел сказать, но не смог, только промычал.

Василий Игнатьевич первым склонился над мертвой собакой. Развязал окровавленный платок на ошейнике. Из него выпал свернутый листок. Он развернул листок и пробежал глазами по буквам-каракулям. Резко поднялся. Выдернул из кобуры пистолет. В упор глянул на Рыжова, приказал:

— Брось оружие, ублюдок!

Клыкова взяли возле больницы, когда он уже вышел на улицу с перебинтованными ногами и руками, неотрез отказавшись от госпитализации.

«Ярославец» ткнул носом в песчаную косу. Бросили трап, сошли на берег, поспешили к месту происшествия. Впереди шел Рыжов. Дорогу к тайнику он знал хорошо. Главврач нес на плече носилки, в руке — старомодный саквояж.

Василий Игнатьевич, шагая за Рыжовым, тяжело глядел в затылок бывшего подчиненного, украдкой расгирал ладонью левую половину груди. Потом сунул под язык таблетку валидола, сошел с едва приметной стезжки, прислонился к широкому стволу кедрача.

К нему поспешил районный прокурор, беспокойно спросил:

— Что, Василь Игнатыч? Сердце?

— Пустяки... ничего. Погоди-ка... — Василий Игнатьевич вытасил из кобуры пистолет и передал оружие прокурору. — Возьми от греха.

— Да зачем?..

— Ежели Кирюшка мой мертвый, боюсь, не совладаю с собой.

ЭНЕРГИЮ ТЕПЛА ЗЕМЛИ,
ПОКА ЕЩЕ
МАЛОДОСТУПНУЮ,
УЧЕННЫЕ НАЗЫВАЮТ
ПЕРВОЙ ВАЛЮТОЙ
НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Олег ДЗЮБА. Фото автора

ПОДЗЕМНАЯ НОЧЕГАРКА

С гребня, рассекавшего долину, хорошо виден был черный шлейф пепла над подраставшим конусом вулкана. Заблудиться было невозможно. Лучшего ориентира, чем извергающийся вулкан, не придумать, но как отыскать в подступавшей темноте лагерь вулканологов, скрытый каменными бастионами — выветренными останками лавовых потоков?!

Осенние сумерки быстры. Я и оглянуться не успел, как набежала ночь. Оранжевое зарево еле высветило одинокую скалу на пригорке. В ней оказался неглубокий сухой грот. Я натаскал сушняка для костра, нарубил пружинистых лап кедрача, поверх них бросил свой полшубок и устроился до рассвета под скалой.

Лава давно миновала склон вулкана и змеилась в сторону реки Камчатки десятикилометровой огненной рекой. Над руслом этой дьявольской реки висела сизая дымка; силуэтами проплывали остывающие лавовые острова. Иные превосходили высотой среднюю загородную дачку. Той ночью я, верно, был единственным зрителем грандиозного вулканического представления. Тут нечего и мечтать о сне. Я проверил пленку в старенькой «Москве» и пошел к огню.

Стоило забраться на сложенную остывшими лавовыми глыбами «насыпь», как перед глазами разбежался страшноватый орнамент. Поверхность бороздили трещины, из каждой удушливо било жаром. Когда-то я читал, как цыгане дрессировали медведей для ярмарок: зверя заставляли ходить по нагретому листу железа. Бедному медведю поневоле приходилось пританцовывать.

Теперь вулкан Толбачик дрессировал меня. Примостив фотоаппарат на камнях, я собрался нажимать кнопку затвора, да не тут-то было. Устоять на месте даже несколько секунд, необходимых для нормальной выдержки, никак не удавалось. Наконец, отыскав площадку попрохладней, я отснял несколько пленок и заторопился в свой грот, к гаснущему костру.

Через несколько дней после ночлега близ лавового потока долину посыпал снег. Только склоны рождавшегося конуса — вплоть до берега огненной реки — по-прежнему светились ночью и чернели днем.

Энергия, которую невообразимо трудно даже представить, ушла в атмосферу, в застывшие конусы, в окаменевшие потоки лавы.

С точки зрения практической ушла в никуда, как сотнями тысячелетий терялась энергия других камчатских вулканов — высочайшей в Евразии Ключевской сопки, постоянно извергающегося Карымского, знаменитого катастрофическим взрывом Безымянного, Ксудача, Швелуча... Всех и не перечислить.

Собственно говоря, энергия камчатских недр, тепло земли, как ее чаще всего называют, находит немало применений. Даже если не упоминать ставшую уже хрестоматийным примером первую в СССР Паужетскую геотермальную электростанцию, турбины которой работают на перегретом в земных глубинах паре, можно назвать бесчисленное множество выходов термальных вод, на которых построены и крупные санатории и издавна освоенные коренными жителями Камчатки крохотные самодельные лечебницы. Насыщенные многими элементами периодической табли-

НИКОГДА НЕ ЗАМЕРЗАЕТ
ОЗЕРО В КАЛЬДЕРЕ
ВУЛКАНА УЗОН.

КРУТЛЫЙ ГОД ВЫЗРЕВАЮТ
ОВОЩИ В ТЕПЛИЦАХ
СОВХОЗА «ТЕРМАЛЬНЫЙ».

цы, воды обладают целебным бальнеологическим эффектом.

Горячая вода из глубинных скважин согревает дома нескольких сел. Круглый год вызревают овощи в теплицах совхоза «Термальный». Проблему отопления теплиц непросто было бы решить, не будь в этом районе избытка подземных водяных «котлов».

Неподалеку от Петропавловска-Камчатского, близ горячих ключей Паратунки, расположен стационар Камчатского отделения Тихоокеанского института морского рыбного хозяйства и океанографии. В бассейнах, где обычная речная вода слегка подогрета водой из термальных источников, резвится молодь лососей. Температура воды всего лишь на несколько градусов выше привычной для рыб, но и этого вполне достаточно для резкого ускорения роста мальков. В случае удачной экспериментов уже через год после появления из икринки лосось сможет «скатиться» в море, а в обычных природных условиях для этого требуется несколько лет.

Пожалуй, перечень исчерпан. Не принимать же всерьез приготовление яич-

ницы на лавовом потоке, без которого не обходится ни одна кинолента о вулканологах.

А между тем это лишь крохи с фантастически щедрого вулканического стола. Вот только щедрость вулканов пока еще никому не впрок.

На XIV Тихоокеанском научном конгрессе, проходившем в прошлом году в Хабаровске, я не раз слышал упоминания о ценнейшей валюте нашего времени. Чаще всего имелась в виду энергия, в том числе и энергия тепла земли, по-прежнему малодоступная.

...Ночь была тихая и звездная. Стоял август, но к утру ожидалась заморозки. Снова передо мной пылал костер, но было это в сотнях километров от угасшего извержения Толбачика. У подножия другого знаменитого вулкана — Авачинской сопки.

В наши дни Авача спокойна, разве что в сильные морозы заметно курчавится над конусом белый шлейф, но в минувшие времена вулкан не раз обрушивал на окрестности россыпи раскаленных бомб. Знаменитому путешественнику, автору книги «Дерсу Узала» — Владими-

вушку из другого туристского табора, молча указавшую нам на тропу, сбегавшую к ручью. Прихватив из костра пылающие головни, мы раздвинули ветки. Перед глазами промелькнул рыжий медвежий бок и послышалось раздосадованное рычание. К счастью, мишка решил не искушать судьбу и предпочел благосклонную темноту. А люди продолжали беспечно расхаживать по шлаковым полям, где в рощицах кедрача росли крепельники маслята, и не слишком задумывались, что прямо под ними таится магматический очаг вулкана. Очаг, к которому не в таком уж далеком будущем должны устремиться буры проходчиков.

Конус Авачи громоздился за догорающим костром, заслоняя звезды. За девять лет, прожитых на Камчатке, я смотрел на него и в утренние часы, когда солнце, едва проглядывая из-за горизонта, золотило склоны; смотрел вечерами — если с океана наползал туман, то, отрезанный белесой пеленой от подножия, конус словно повисал в небе. Видел вулкан с моря, входя в бухту на корабле. Пролетал над ним. Мок под дождем на его склонах. И, кажется, ни разу Авача не повторялась в своих ежедневных явлениях.

За стеклами кабинета заместителя директора института вулканологии Виктора Михайловича Сугрובה розовел привычный любому из камчатцев конус Авачинского вулкана. С ним связан проект, о котором рассказывал мне Виктор Михайлович. Проект, осуществимый в достаточной степени в будущем. Речь идет об энергии, сконцентрированной в магматических очагах вулканов, которые располагаются достаточно близко к поверхности земли. Например, магматический очаг Авачинской сопки находится на глубине около двух с половиной километров. Такие глубины вполне доступны для современной буровой техники. По данным геофизиков, магматический очаг Авачи, раскаленный по меньшей мере до шестисот градусов, возможно, достигает в объеме пятидесяти кубических километров.

Теоретические разработки получения его энергии уже существуют. Схема достаточно проста: в скважину закачивается вода под соответствующим давлением. Пар выходит наружу по трубопроводу и подается либо на лопатки турбин, либо в отопительные системы. Может быть, удастся использовать опыт нефтяников, когда для повышения отдачи нефтеносного пласта вглубь закачивают воду, как бы разрывающую породы.

На энергии магматического очага Авачинского вулкана могла бы работать геотермальная электростанция мощностью по меньшей мере в 500 тысяч киловатт. А реальность проекта будет проверена уже в грядущем десятилетии после запланированного учеными пробного бурения.

...С рассказа об извержении Толбачинских вулканов я начал этот репортаж. Извержение стихло, оставив четыре потухших конуса вулканов. Но и кроме них, дол буквально усеян остывшими конусами, следами древних прорывов. Иные успели зарости березняком, другие сотнями лет мрачнели среди зелени. Но все они излили в лавовых потоках лишь около одной десятой своей магмы. Значит, и поныне раскалены недра. А особенности геологического строения позволяют предполагать существование в этом районе глубинных плоскостей, как бы бассейнов. В них вполне могло сформироваться огромное месторождение термальных вод. А их использование — дело довольно освоенное. Недаром в разных точках полуострова гидрогеологи ведут разведку месторождений парогидротерм.

Энергетиков главным образом интересует пар. На скважину ставится сепаратор, разделяющий пароводяную смесь. Пар подается на турбины, а вода, увы, пока еще просто сливается в реки. А ведь этой водой можно не только отапливать дома, но и получать из нее

же тепловую энергию. Один из возможных путей проверяется сейчас в кальдере вулкана Узон. Специалисты института вулканологии и научно-исследовательского института источников тока установили на скважине небольшой термоэлектрический генератор. Для его работы необходима лишь разность температур. Через центральную титановую трубку пропускается вода или пар из горячего источника, а наружная «рубашка» охлаждается водой из ручья. Расходуя всего только пятнадцать граммов пара в секунду, он вырабатывает около 500 ватт энергии. А следующая модель термоэлектрического генератора «Гейзер-2», тоже испытанная на Узоне, уже обеспечивала энергией автоматическую самопишущую станцию для регистрации температур воздуха и воды.

Существуют разработки использования для нужд энергетики и постоянного теплового потока, идущего из глубин земли. Принцип здесь тот же, что и при использовании тепла магматических очагов. Фон теплового потока несравненно ниже, чем в вулканических термоаномалиях, зато наблюдается он по всей планете, да и исчерпать его практически невозможно. А если удастся создать замкнутый энергетический цикл, когда вода и пар будут циркулировать по трубопроводам, то подобную систему так и тянет назвать вечным двигателем.

Эта перспектива пока еще далека, но вполне реальны буровые вышки, поднявшиеся близ вулкана Мутновского, в берегах Охотского моря, где намечается строительство мощной геотермальной электростанции на месторождении парогидротерм.

— Смотри, там на гребне, — пытался перекричать вой дизелей гидрогеолог Кошелевской партии Вячеслав Звягинцев, — большая скала — «Дед», а чуть подальше «Баба».

Вездеход мотало. Чем выше поднимались мы к буровым, где ведут разведку Кошелевского месторождения гидрогеологи, тем прозрачнее становился воздух. «Дед» да «Баба» на горизонте сначала покачивались в дальней туманной дымке, будто горшкам и впрямь довелось посудачить о своем, доверительно склонившись друг к другу. Но стоило вездеходу миновать рощу кедрача и свернуть на дорогу, приоткрывшуюся на кромке ущелья, стремительные контуры хребтов придвинулись вплотную. Ущелье и горная речка, рокотавшая внизу, уходили к Охотскому морю. В штормовые дни ущелье, видно, превращалось в подобие гигантской вытяжной трубы. Я вспомнил перевернутый бак с соляной на прибрежной буровой. Десятикубовая посуда была наполнена на две трети, но ветер без усилия сбросил ее с фундамента.

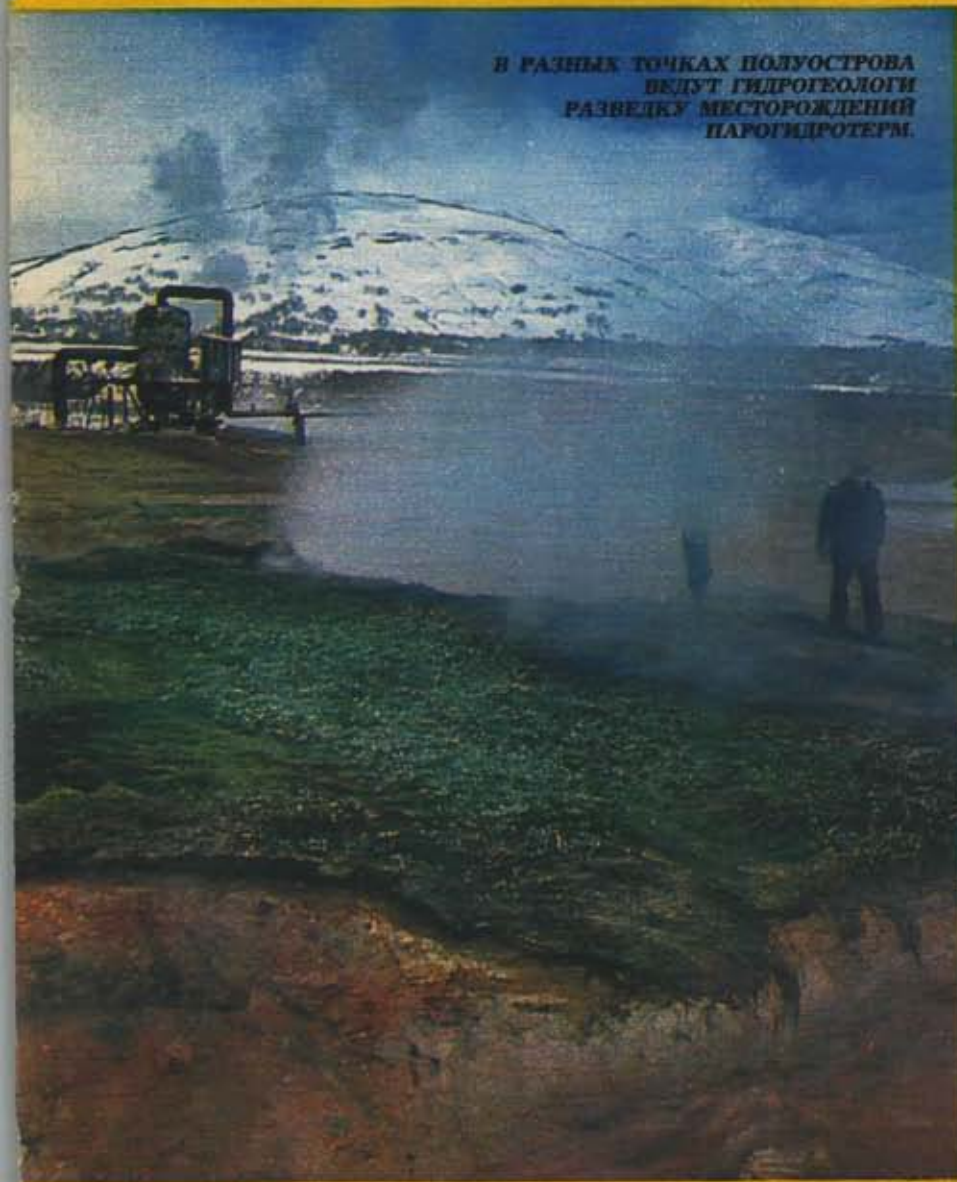
Очередной «восток» свистел, налетая на крепельные канаты, а по транзистору, будто в насмешку, мы слышали о температуре на черноморских курортах и про урожаи клубники в Ташкенте.

Я спустился на дно расселины, откуда беспрестанно выносило туман.

Над теплым озерком бился метровый фонтан кипятка, извергаемый маленьким гейзером, глинистый склон был покрыт желтыми разводами; навверное, дымы шкворчащих фумарол были насыщены серой. Теплый ручей перегораживал снежный оползень, снега было слишком много, и вода не смогла растопить его, промывала только невысокий туннель.

Над соседней буровой вставал свистящий фонтан пара. И на этой, на «девятке», ждали, когда встретит бур кипящее подземное озеро. По предварительным подсчетам, на Кошелевском месторождении можно будет строить электростанцию, а пока идет разведка, и, несмотря на то, что на глубине нестерпимо горячо, до самой середины лета не сходит снег, и только на прогалинах зеленеет трава и набухают бутонны желтых камчатских цветов рододендронов.

В РАЗНЫХ ТОЧКАХ ПОЛУОСТРОВА ВЕДУТ ГИДРОГЕОЛОГИ РАЗВЕДКУ МЕСТОРОЖДЕНИЙ ПАРОГИДРОТЕРМ.

ру Клавдиевичу Арсеньеву, поднимавшемуся к вершине вулкана в двадцатые годы, сопка предстала «исполненной огня».

Зато сейчас летними воскресными днями ватаги туристов беззаботно штурмуют конус, стремясь своими глазами заглянуть в дымящееся горло кратера. Туристы и... медведи. Неизвестно, что тянет камчатских мишек за облака, но следы их порой отпечатываются едва ли не на кромке кратера.

Не успел я поудивляться медвежьему альпинизму, как от соседнего костра донесся растерянный вскрик. Проломившись сквозь кусты, мы выбежали на прогалину и застали ошеломленную де-

Борис СОКОЛОВ

Время В пути

1
А день был жаркий.
Пыль вилась,
но как-то медленно и сонно.
Нашептывал транзистор вальс,
в начале века сочиненный.
Автобус не бежал, а плыл.
И плавился асфальт, казалось.
Я был в автобусе,
но был
во всем, что позади осталось.

2
Я там, у поезда, стою,
с разлукой свякшись неминуей,
и вспоминаю жизнь свою,
мешая логику и случай.
Как будто переверосиш
потери и приобретенья,
мы ожидаем для души
нечаянного обновленья.
Подобно птицам кружим возле
гнездовий перелетных лет...
Мы, ошибаясь,
верим: после
исправим все.

А если нет?
И в том автобусе,
спеша
из города в командировку,
я чувствовал:
моя душа
с трудом оживалась в обстановку.
Тут объявили остановку.

3
Я вышел посмотреть село,
в котором я ни разу не был.
Дорогой пыльной стадо шло,
и в лужах отражалось небо.
И показалось, что давно
мне это все уже знакомо —
девчонок ставка у кино,
и кружевной налчинок дома,
и в сквере бронзовый солдат,
и мотоцикл у магазина,
и гуси сдержанно шипят:
не местный, мол, идет мужчина.
Я закурил, остановясь,
и неожиданно, как выстрел,
над улицей взметнулся вальс,
что час назад играл транзистор.

Рисунок Рудольфа Ключкова

4
Он из окна райкома плыл,
то нарастая, то стихая,
там, вероятно, отдыхая,
районный комсомол грустил.
И я вдруг вспомнил вчерашних
вопросов и ответов разных,

свои стихи, из-под пера
легко летящие под праздник.
О, как отчаянно играла,
восторг влюбленности даря,
та радиолы, что стояла
по будням у секретаря!
Что в танцах был я неуклюж —

Опубликован в семнадцатом номере журнала необычно большую подборку стихов Алексея Мальцева — это была дебют поэта в рубрике «Новое имя», — редакция и автор с волнением ждали читательских откликов. И вот они стали поступать — десятки писем из разных городов, от людей самых разных возрастов и профессий. Это письма-откровения, письма-признания со словами благодарности к поэту, пробудившему в сердце читателей добрые и светлые чувства.

Настоящее искусство бесценно своей исповедальностью, когда мысли поэта, художника или музыканта обращены как бы к тебе лично, когда они так глубоко-верны, интимны, что кажется, словно рождены твоим собственным сердцем. Тогда возникает счастье, творческое состояние причастности к высокой поэзии.

Так случилось и в этот раз: в каждом из присланных писем прозвучал голос человека, озаренного счастьем приобщения к творчеству. Интересно, что каждое письмо — ответная исповедь поэту, вызвавшего чувство откровения в душе читателя; письма — своего рода стихотворения в прозе: столько в них искреннего чувства, глубоких раздумий, даже стиль, слог как бы подсказан строем стихов полюбившегося поэта. Можно было бы напечатать почти любое письмо — так они интересны. Но, стесненные журнальной площадью, мы вынуждены дать лишь небольшую часть откликов, пришедших на подборку стихов.

Читаю стихи А. Мальцева и удивляюсь тому, что сама наша жизнь, наш родной край, наши простые человеческие отношения заключают в себе столько поэзии. Сердце поэта не может жить без волнений и движения. И какая при этом удивительная простота в стихе, какое величественное спокойствие в его мелодии, ритме. Чувство так полно, а мысль так глубока, что не требует никакого убранства.

Самый емкий, на мой взгляд, образ осени. Осень как бы замыкает круг вечного движения природы, осень — главный в человеческой жизни этап, когда и «смотрится, и видится далеко», когда человек «схватывает суть» бытия. Осень прекрасна в своей величавости, в спокойной мудрости. Очень глубокое в этом плане стихотворение «Облака». Его плавный ритм, нежные краски, мягкие глаголы — все создает такое впечатление, будто тебя качают в колыбели. Удивительно спокойно и мужественно звучит голос поэта, даже не голос, а тихое раздумье. Это в наше-то время стрессов и страстей, обнаженных нервов!

Да, все, чем живет мир и что живет в мире, находит свой отклик в душе поэта. Это и «столбик межевой», который неожиданно превращается в символ крепости жизни, верности своему назначению, силы и спокойствия, способности выстоять в любых невзго-

дах, если знаешь, что смысл жизни — в выполнении своего назначения на земле, в понимании своей нужности. Это и судьбы всего человечества, его прошлого, настоящего и будущего. Это и сознание своей личной причастности ко всему.

К. Ф. ПОЛУЕКТОВА,
г. Истра Московской обл.

Дорогая редакция «Смены», здравствуйте!
Большое спасибо за публикацию подборки стихов А. Мальцева. Чувствуется: в нашу литературу пришел зрелый мастер, знающий, что волнует современного читателя. В нашу эпоху — эпоху промышленной интеграции, огромных скоростей жизненного потока, неимоверного напряжения трудовых будней — многие стихи А. Мальцева напоминают об истоках человеческого бытия, о красоте жизни на земле, зовут к размышлению о прошлом и настоящем.

Н. ЛАШКИН,
с. Балашейка Куйбышевской обл.

Однажды я прочитал стихотворение А. Твардовского «Откровение», оно потрясло меня своей исповедальностью. После этого я понял: стихи, не прочтенные мною раньше, — это тропки, которыми я не прошел, но которые могли бы привести к прекрасным, неповторимым ощущениям. С тех пор, увы, с сознанием чего-то потерянного и невозможного я с большим вниманием читаю подборки стихов в журналах, альманахах, чтобы встретить то стихотворение, которое могло бы вновь вызвать однажды испытанное чувство.

И вот вдруг А. Мальцев. Он сразу взял в плен. Я ни в коем случае не собираюсь разбирать каждое стихотворение Мальцева в подборке, на это у меня не хватит ни времени, ни литературного багажа, но, бесспорно, можно сказать, что эти стихи — дети человека трудного военного времени. Но оттого-то его стихи и удивительны. Удивительны тем, что Мальцеву удалось избежать «предметности» в своих стихах. В них не слышится грохот пушек, нет гуда станков, не ослепляет блеск лемехов. Нет, это стихи не крестьянские, хотя автор, без сомнения, от земли, не производственные, хотя по роду службы он, видимо, частый гость цехов, не на злобу дня, хотя он в круговороте событий и явлений. И это в то же время не мурлыканье под нос, это не то, что, как говорят, «для себя». А просто человек сдал «сорокалятки» в музей, выключил станок после смены, провел последнюю борозду на пашне и, уставший, бесконечно все понимающий, с доброй улыбкой на лице, вышел к нам и повел нас в открытый им мир, увиденный по-своему.

Поздний дебют. Что это? — задаете вы вопрос. Это доверительная интонация, истинная теплота и задушевность, счастливая доброта, печаль и грусть. Каж-

ЩЕДР

Читатели о стихах

дое стихотворение А. Мальцева — это выдох, исторгаемый при раскопках драгоценных «залежей», скопившихся в его душе за долгие годы. Я не боюсь последней фразы, то, что я пишу, — не упражнение в «умственности». Я никогда не писал таких писем. А вот сейчас отважился и волнуюсь: поймете ли вы меня, что я хотел сказать, это суматошное изложение мыслей, овладевших мною при знакомстве со стихами Мальцева. Все в них — для меня и мне подобным. Нам, перешагнувшим рубеж 50-летия, очень понятна притягательность созданных им светлых и печальных образов прошлого и настоящего: борозды, как стрела, проложенная когда-то мальчишкой, табуна, гонимого на бойню, войны, которая до сих пор ранит, реки детства, увиденной впервые, рассвета, который не утратил красоты для человека с душевной раной...

Обращение Мальцева к ровесникам легло мне на сердце. При первом прочтении его стихов я был буквально наполнен ощущением витающей в них какой-то душевной обнаженности, беззащитности человеческой судьбы. Как будто я оказался свидетелем жизни трудной, но наполненной красотой.

Б. В. АНДРИАНОВ,
Омск

Не все стихотворения этой подборки кажутся вполне самостоятельными. В стихотворении «Ровеснику» мелодия стиха напоминает евшушенковские «Не надо». Правда, это ничуть не мешает, ибо содержание, тема, лексика совершенно иные у вас, ваши личные. А вот в «Осени» одно лишь соседство слов «роща» и «оторрели» сразу напоминает есенинское «Отговорила роща золотая...», и от этого ощущение схожести уже не отделяешься до конца. То же происходит в «Эх, лошади» из-за стальных коней, трактора, в средней части стихотворения. Стихи «Учительница», «На вид довольно молодая» тоже не принесли мне ничего нового ни по мысли, ни по форме.

Простите меня за смелость суждений, но два обстоятельства могут меня оправдать: я очень люблю поэзию и считаю ее самым мощным средством самовыражения. Это первое, а второе — я убеждена, что

процалось мне за нрав веселый.
Я был газетчик и к тому ж
член комитета комсомола.
Казалось ясным все до дна,
нет поводов для слез и охов,—
еще не знал я, как сложна
и этим велика эпоха.
Ей недосуг порой прощать,
не до нее порою люду,
она ж—и в тех, кого рожать
еще когда-то только будут...
А вечер подходил к селенью.
И вальс меж тем сходил на нет.
И закрывался райсовет,
под красным флагом учреждение.
Давно пора мне уезжать,
уже сигналит мой автобус,
но снова жду я вальса, чтобы
воспоминанье удержаться...
Хоть в кабинетах вальсы петь
не полагаются, быть может,—
но почему меня тревожит
старинных звуков грусть и медь?

5
И снова в путь!
Мы все—родня
в автобусе: закон дороги.
«Да вот он!»—увидав меня,
вскричал шофер не без тревоги.
Он волновался, что отстал
«тот, справа у окна, очкастый».
Наверно, каждый испытал:
в пути еще острее братство...
Сиюю, а за окном поля,
нелюбо в сумерках мерцают,
тушаном у реки пыла,
задумались об урожае.
И завтра—новое село!..
...Пускай положено расстаться,
над тем, что было и прошло,

ты никогда не святотатствуй!
И каждый день твой—не пустяк,
и ты—всего народа малость.
Уехал я. Пусть будет так.
Но ты во мне навеки осталась,
как этот вечер над землей,
где жили прадеды и деды,
уйдя, останется со мной,
хоть мне дано другой изведать.
Мы не живем на свете зря,
ты только вдумайся построже—
жизнь, боль и радости дая,
тебе тебя понять поможет.

6
Я помню класс пустой и темный,
и мы с тобою у окна.
Какой тогда была огромной
и абсолютной тишина!
А ты во взрослой белой блузке—
еще по моде наших мам—
ловила чутко ветер музыки,
из зала долетавший к нам.
Тогда старинных вальсов русских
любили мы и ритм и лад...
О, этот вечер детской грусти
тысячелетия назад!
Июнь во глубине России.
Бал выпускной, а мы—одни...
И за окном плывут скупые
послевоенные огни.

7
Конечно, там была не ты!
И как давно все это было!
Но почему же ты черты
той школьницы в себе носила?
Не обижайся! Вновь и вновь
прошу к себе я снискожденья,
хоть жаль, что детская любовь—
лишь эпизод без продолженья.

Но сколько о ни изведаль встреч
и где б разлуки нас ни ждали,
нам никогда не пренебречь
тем, что мы в детстве испытали...
Легонько раздвигая ночь,
свет фар колыхнется тревожно,
и я не в силах превозмочь
уже усталости дорожной.
Приеду только в полночь я
в колхоз, куда командирован...
А вот звезда упала. Чья?
Что загадать? Какое слово?
И, я загадывал пока,
звезда сгорела, растворилась.
Но как она была ярка
и как к моей земле стремилась!..
Еще сказать я не берусь,
что ждет меня.
Хочу удачи.
Хочу, чтоб был отраден груз
сполна исполненной задачи.
Мне кажется, что мы всегда,
с рождения—в командировке,
нам всем отпущены года
и для любви, и для труда,
для плуга, но и для винтовки!
У каждого, конечно, свой
пункт назначения.
Но каждый
из нас рожден землей одной
и возвратится к ней однажды.
И чтобы Время шло верней,
мы от лица
живых и павших
командируем сыновей
навстречу жизни
внуков наших!

8
Полное бремя
тягот и забот

выдало мне Время
на сто лет вперед.
Я же не в обиде:
трудно было, но
все, что я увидел,
Временем дано.
В то, что не хватает
времени,—не верь:
Время обнажает
глубину потерь—
не было, чтоб всеми
был бы ты прощен,
как в любое время,
легких нет Времен!
Каждый рядит-судит,
а, глядишь, порой
замолкают люди
над одной строкой.
И в ночную темноту
прекрати ныть:
ты уйдешь, а Время
будет жить твоим!

9
Вот так я думал...
Рядом спал
студент, домой спешащий,
к маме.
Он в стройотряде побывал,
и много разных песен знал,
и даже говорил стихами.
И вот уснул он, утомясь,
щечкой к транзистору прижался,
а тот шептал чуть слышно вальс,
и все кружилось в ритме вальса.
И слышал звездный небосклон,
глядясь в излучины речные,
старинный вальс,
что был рожден
еще до нынешних времен,
но и для будущей России.

ОСЕТЬ

Алексея Мальцева

вы скажете своим читателям еще очень многое, очень важное и ценное!
Желаю вам больших успехов, плодотворной работы и необходимого для этого здоровья. Спасибо!

Э. БУРЫШКИНА,
Одесса

Редко бывает так, что, прочитав одно стихотворение, хочется прочитать и другие. Но здесь, дочитав последнюю страницу, хотелось, чтобы они продолжались дальше. Стихи такие простые, понятные и вместе с тем раскрывают всю противоречивость и сложность жизни. В подборке стихи на разные темы, и каждое читаешь с интересом, каждое заставляет задуматься.

Сотрудники Сибирского отделения
ВНИПИэнергопром, Иркутск

Подборку стихов Алексея Михайловича Мальцева прочла не только сама, но и мои ученики—члены литературного кружка Дворца пионеров и школьников Чернигова. За строчками жизнь, есть большое умение сказать по-своему о вещах известных.

М. БОГУСЛАВСКАЯ,
Чернигов

Мне по душе стихи А. Мальцева: «Ровеснику», «Бессмертие», «Дневник», «Счастье», «У мальчишки сломалась игрушка», «Щедрость».
Передайте автору спасибо. В моем лице он приобрел единомышленника.

Р. Ф. ЦАПУН,
рабочий, 37 лет,
Житомир

Подборку стихов Алексея Мальцева «И смотрится, и видится далеко» я прочел, находясь на излечении после перенесенного инфаркта в Центральной городской больнице г. Друскининкай Литовской ССР.

Ремонтировать человеческие сердца—что может быть прекраснее профессии доктора-кардиолога! И эти слова в полной мере можно отнести к поэзии Алексея Мальцева: в ней столь высок процент кислорода, что она действует наравне с самым сильнодействующим лекарством...

Виктор БОГДАНОВ,
ветеран Вооруженных Сил СССР, старший инженер Министерства связи Литовской ССР, подполковник запаса, Вильнюс

До сего времени моим любимым поэтом был Александр Блок, а теперь им станет и Алексей Мальцев. Прочитала его стихи, но хотелось читать их еще и еще, и я читала, пока не заучила наизусть. Да и заучивать не надо долго, так как они запоминаются сами собой, как будто эти стихи сочинила сама.
Обязательно должен выйти сборник стихов Алексея Михайловича: по-моему, их многие уже ждут, и я также. Спасибо ему за стихи!

ТАНЯ Х.,
16 лет,
Тюмень

Считаю, что большая семья советских поэтов обогатилась еще одним самообытным и ярким талантом—Алексеем Мальцевым. Передайте ему самые искренние пожелания сохранить зоркость глаз и чуткость сердца и чаще дарить нам новые стихи.
Спасибо вам за открытие Алексея Мальцева.

Р. А. БАКАЛО,
консул СССР в г. Хошимине,
Социалистическая Республика Вьетнам

Стихи А. Мальцева отражают прозу жизни, поэтому, может, в них нет громкости, звучности, присущей современной поэзии. Но стихи Мальцева тревожат, затрагивают что-то глубоко спрятанное в душе, пробуждают хорошие начала в сердце человека. В их неброских строках видны зрелость и большой жизненный опыт автора, его нелегкий путь и вместе с тем тонкая лиричность. Мне кажется: поздний дебют Алексея Михайловича—это не только закономерность развития, но и его скромность, требовательность к своим стихам.

Сергей ВОРОНЦОВ,
рабочий, 22 года,
Ленинград

У меня рано не стало отца, а тут как будто с ним поговорила. А недавно у меня родился сын. Я на все

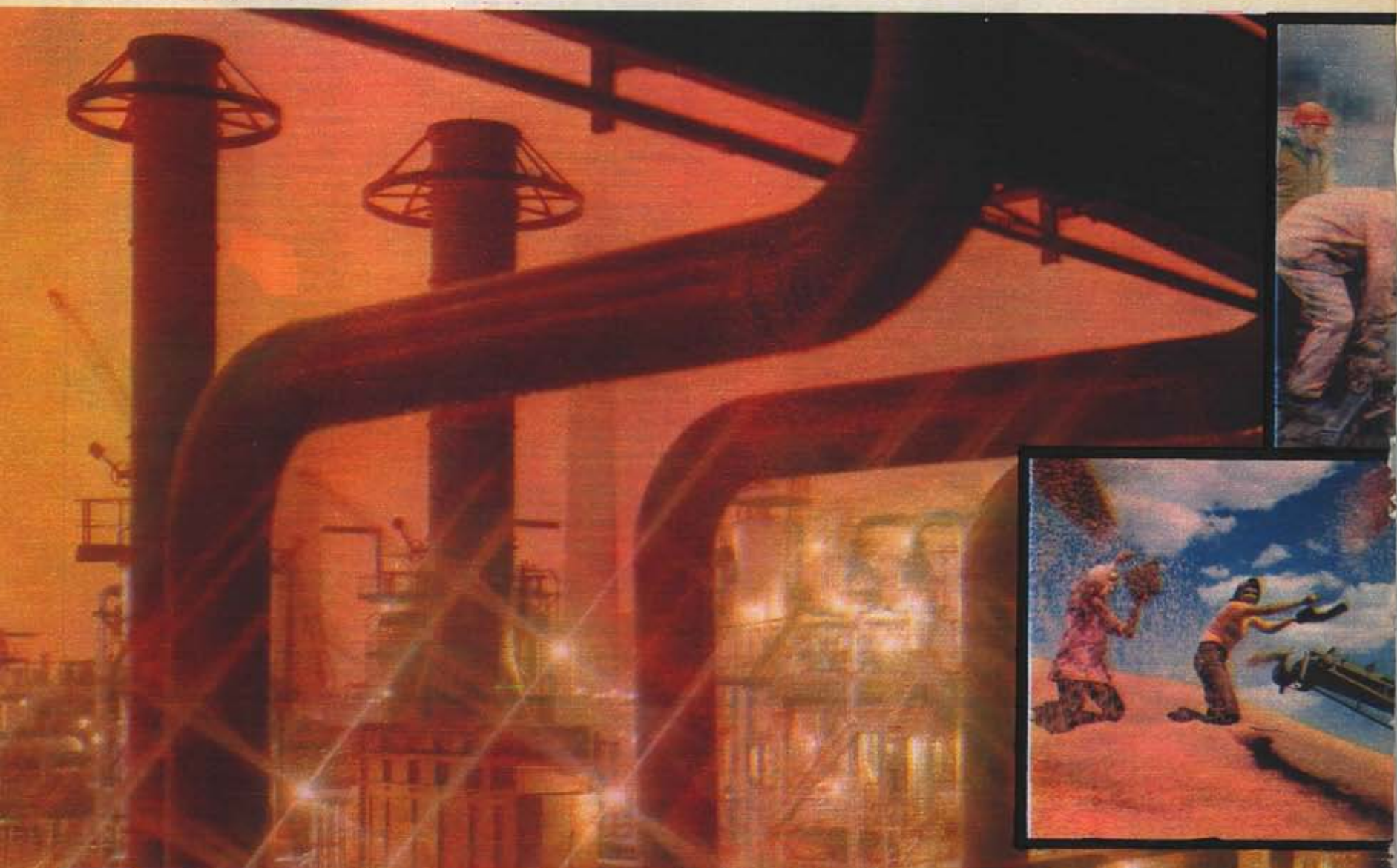
стала смотреть другими глазами, думать о будущем моего Володи, как он будет жить в этом мире, что мы ему оставим, будет ли мир. И в ваших стихах я нашла созвучие своим мыслям и чувствам. Может, вышло что не так, извините. По-другому написать не сумела. Большое спасибо.

Наташа КУЗНЕЦОВА,
пос. Вьюжный Мурманской обл.

По-моему, поэт—тот самый человек, который может подсказать тебе в нужный момент нужные мысли, подсказать верную оценку чего-то случившегося с тобой: на работе, на отдыхе, в семье, в мире; указать точный маршрут для исправления каких-то ошибок, поднять настроение музыкой, песенным строем стиха или окунуть в прошлое, да так умело, что вы забываете обо всем окружающем. По-моему, Алексею Мальцеву это удалось, и очень удалось. Мне кажется, что поэт—это Человек с большой буквы, какой-то в некотором смысле волшебник, заставляющий вновь и вновь вчитываться в притягательные, непонятно-понятные строчки и разыскивать какой-то нужный вам клад мыслей, очень требующихся в данный момент. Стихи А. Мальцева обладают именно такой силой.

Владимир СИЛАКОВ,
техник-геодезист,
Красноярск

Свои отзывы прислали также читатели: штурман А. Марчуков из Мурманска, ветеран Великой Отечественной войны В. Г. Голобородько из пос. Фрунзе Ошской области, машинистка А. Липская из Тулы, журналист М. Карпенко из г. Ташауз Туркменской ССР, инженер-конструктор М. Самоделкина из Свердловска, студентка Е. Храмова из Ташкента, З. Габестро и И. Чумак из Одессы, бывший учитель Н. Лучинский из пос. Кодино Архангельской области, Г. Голева из Сыктывкара Коми АССР, А. Румянцев из г. Запрудни Московской обл., М. Щербакова из Макеевки, инженер И. Чаусовский из Киева, Е. Никитина, П. Подгорный и Е. Ким из Москвы, В. Кондратьева из Новомосковска, Е. Выстрова из Саратова, преподаватель техникума А. Карпова из Кинешмы, В. Шмурьева из Великих Лук, учительница-пенсионерка Н. Д. Орлова из г. Сумы УССР, ветеран Великой Отечественной войны и труда В. А. Черствин из Харькова, Ф. Неборячок из Полтавы, С. Бронякина из г. Донского Тульской обл., Р. Колесникова из Донецка, Н. Д. Гончаренко из Евпатории, Г. Абдуллаева из Баку, Н. Барсуков из Воронежа, В. Поляков из Якутска и несколько читателей, пожелавших остаться неизвестными.

ПРИВОЛЬЕМ ДЫШИТ

Владимир МУССАЛИТИН
Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Вглядываясь в вагонное окно, я ждал появления Волги.

*Далеко, далеко
Степь за Волгу ушла,
В той степи широко
Буйна воля жила.*

Почему-то всегда этот раздольный напев приходит под стук колес, когда, перевалив через железнодорожный мост у Куйбышева, поезд, как мне всякий раз кажется, словно бы ускоряет свой бег на восток, навстречу солнцу. В оренбургских степях оно встает на два часа раньше, чем над Среднерусской равниной.

И час и два можно простоять у вагонного окна, и не наскучит вглядываться в эту землю, начавшуюся за Волгой, землю, кажущуюся особой, потому, как уже знаешь ты, связана она со многими страницами истории государства Российского, со многими именами славными.

Два с лишним века тому гуляла здесь буйная воля Емельяна Пугачева, а веком позже по тракту, как бы встречь Емельянову войску, катил на перекладных Александр Сергеевич Пушкин. А спустя полстолетия в эти степи под Бузулук приезжал лечиться кумысом Лев Николаевич Толстой, который имел к тому же намерение купить в этих краях имение. «Для покупки здесь имения особенно облагоняет простота и честность, наивность и ум здешнего

народа,— писал он Софье Андреевне.— Заманчиво тоже здоровый климат и простота хозяйственных приемов».

Пробыв в 1871 году в этих краях шесть недель, он уже успел и привязаться к ним и хотел, чтобы Софья Андреевна увидела эту землю его глазами. «Погода здесь такая, о какой мы в Туле не имеем понятия. Жар приятный, и дождь, грозы, которые никогда не сделают грязи больше, чем на полчаса...» И, предвидя возможные возражения и желая убедить супругу, в другом уже письме из этих мест добавлял: «Все будет, как Бог даст. Только понятие твое о степи ложное. Жить без дерева за 100 верст в Туле ужасно, но здесь другое дело: и воздух, и травы, и сухость, и тепло делают то, что полюбишь степь. Ты представь себе, что в 5 недель мы не видели грязи, не чувствовали сырости и холоду».

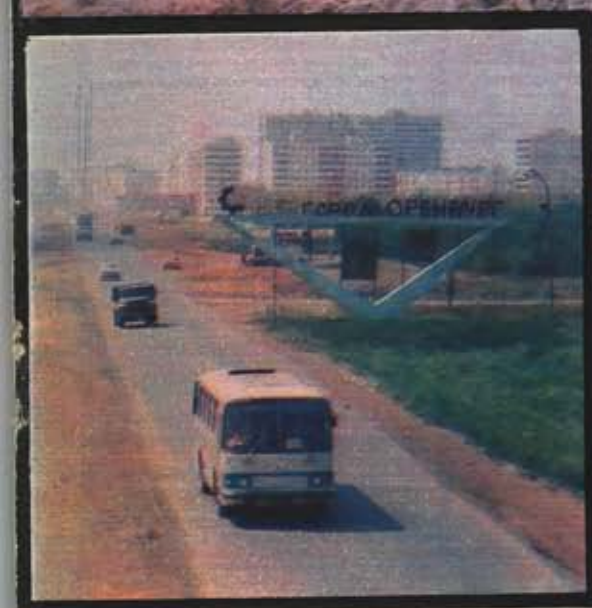
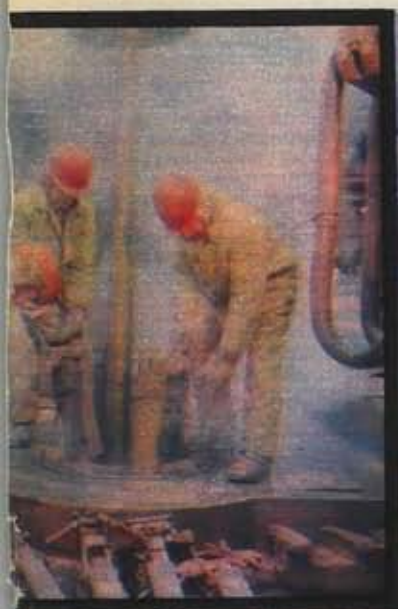
Степь оренбургская красива в любое время года: и зимой, когда ломит глаза бескрайняя белизна снегов, и весной, когда качаются на ветру веселые огнистые или отдающие в желтизну тюльпаны. Но все же красота оренбургской степи, пожалуй, никогда так щедро и полно не раскрывается, как летом, на урезе его, ближе к осени. Именно в эту пору по-настоящему сможешь ощутить и понять всю неповторимую прелесть этих мест, почувствовать ту мощную жизненную силу, что заложена в пластах этой земли.

В Оренбург мы приехали около десяти

утра. Первый же попавшийся на глаза термометр показывал плюс тридцать в тени. И невольно подумалось: каково же сейчас на комбайне? Кондиционеры там, даже на усовершенствованной «Ниве», пока не предусмотрены. И нужно выдерживать и эту духоту и колкие, обжигающие тело остья...

Торопиться мне в первый день было некуда, и, приняв холодный душ в гостинице, я отправился не спеша по городу. Еще в первый свой приезд сюда, десять лет назад, удивился я простоте планировки Оренбурга, особенно старой его части. То была простота и рациональность города-крепости, место для которого первый губернатор Оренбурга Неплюев облюбовал на высоком берегу Яика, где стояла Бердская крепость, основанная в 1736 году. Вот как было доложено о том императрице: «Изо всех по Яику мест лучше тут хлебопашество усмотрено и пахотной земли, сенокосов, рыбных озер, одним словом, всего того при великом городе к довольству и жительству людскому на всегдешнее время нужно, тут... на продажу хлеба довольно привозят и недорогою ценою продают».

Копию этого документа, положившего начало строительству в 1743 году города-крепости Оренбурга, как и сам план города, составленный неким Ригельманом несколько позже, в 1760 году, увидел я вновь в Оренбургском областном краеведческом музее. Несмотря на будничность дня, в музее было довольно

ВОЗДУХ ЗДЕСЬ

людно. Шумными стайками перебежали от экспоната к экспонату школьники, неспешно двигались по залам взрослые, с любопытством вглядываясь в свидетельства минувших веков, вслушиваясь в слова экскурсовода:

— Оренбург нужен был царскому правительству как база для развития торговли с Башкирией, Казахстаном, среднеазиатскими народами и Индией. Для ведения торговли в центре города был возведен Гостиный двор. В летнее время Яик затруднял проезд среднеазиатских купцов в город, и потому за рекой построили Меновый двор, ставший пограничным рынком, где русские и среднеазиатские купцы обменивались товарами. С ранней весны до осенних холодов двигались к воротам Менового двора караваны верблюдов, навьюченных восточными товарами. Тут можно было встретить купцов из Хивы, Бухары, Хорезма, Самарканда. Частыми гостями Менового двора были нижегородские, киевские, московские, ростовские торговые люди.

Спокойным, хорошо поставленным голосом экскурсовод — молодой, по-спортивному подтянутый мужчина — продолжал свой рассказ о том, как рос молодой город, ставший вскоре центром огромной губернии, границы которой простирались от Волги до Иртыша, от Уфы до Каспийского моря, как набирали силу железодельные и медеплавильные заводы.

Копии с рисунка путешественника

П. П. Свинына «Добыча соли в Илецкой Защите» и картина художника Г. К. Савицкого «Привод крестьян на уральский завод», муляж ошейника, предназначавшегося для каторжного работника, солерубные топоры, дубовые колотушки, топоры, клинья, ломы, брус с железным наконечником — все это, во множестве представленное в зале музея, давало понять, насколько тягостна и горька была планета заводского крестьянина, рабочего человека.

И глаз невольно отыскивал лук, стрелы, пики, топоры, кистени, гасило, с которыми «буйна воля» вскоре начала гулять в этих краях. В углу на деревянном лафете, окованном железом, стояла медная пушка повстанцев. На казенной части в окружении знамен виднелась буква «П», которую историки истолковали как инициал вождя восстания, крестьянского царя Петра III — Емельяна Пугачева.

Под стенами Оренбурга держал осаду Емельян Пугачев, разместив свою ставку в Бердской слободе. В Бердах же стоял и дом казака Ситникова, именуемый «Государевым дворцом» и «Золотой палатой», поскольку был обит внутри золотой бумагой. Сюда, в стан повстанческой армии, насчитывавшей 20 тысяч человек, оренбургским губернатором был подослан 3 октября 1773 года каторжник Афанасий Соколов по прозвищу Хлопуша. Губернатор обещал Хлопуше, взятому из острога, свободу и большое вознаграждение, если он уго-

ворит повстанцев покинуть Пугачева, а самого его живым или мертвым доставит в Оренбург. Про Хлопушу мы все знаем. Он перейдет на сторону Пугачева и станет его верным соратником, как и Салават Юлаев, который в начале ноября того же 1773 года приведет в пугачевскую армию двухтысячный отряд башкир.

Под стенами Оренбурга даст Пугачев свой первый бой, под Татищевой крепостью 22 марта 1774 года будет последнее его сражение в оренбургских степях.

Желая вытравить из памяти народа пугачевский бунт, Екатерина повелела переименовать Яик в реку Урал. И реку переименовали. С памятью же людской императрица совладать была не в силах.

...Полдневный зной заметно спал, когда я вышел из краеведческого музея. Увиденное там прочно держало в плену воображение, и каждый стоящий здесь, на Советской улице, старый дом, закрытый зеленью деревьев, казался исполненным значимости и тайны. Вот в этом доме под № 32 побывал Пушкин, совершивший осенью 1833 года путешествие в Оренбургский край для сбора материала о Пугачевском восстании. Вместе с В. Далем, жившим тогда в Оренбурге, он отправится в Берды — бывшую пугачевскую столицу, чтобы побеседовать со старой казачкой Ириной Афанасьевной Бунтовой, которая видела и помнила то, что волновало поэта. В письме к жене

ЗЕМЛЯ ОРЕНБУРЖЬЯ КРАСИВА И СВОИМИ БЕСКРАЙНИМИ ХЛЕБНЫМИ НИВАМИ, И СОВРЕМЕННЫМИ КОРПУСАМИ ЗАВОДОВ И ФАБРИК, И ВЗМЕТНУВШИМИСЯ ВВЫСЬ ГОРОДАМИ.

он напишет: «Я посетил места, где произошли главные события эпохи, мною описанной, поверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев, и вновь поверяя их дряхлеющую память исторической критикой».

В том же доме № 32 четырьмя годами позже случится быть и другому русскому поэту — Василию Андреевичу Жуковскому. А поднявшись вверх по той же Советской улице, можно увидеть и другой дом, № 3, связанный с именами Т. Г. Шевченко и Н. Г. Чернышевского. Не столь древняя старина Оренбурга хранит в себе много такого, что будит и волнует душу. Сколько прекрасных имен связано с этим городом: А. Н. Плещеев, С. Т. Аксаков, А. А. Алябьев, Н. М. Пржевальский...

А постройки Оренбурга! Чего стоит, например, один Караван-сарай, высокий минарет которого, своими очертаниями напоминающий ракету, виден, пожалуй, из любого конца города. Построенный в 1846 году по проекту академика архитектуры А. П. Брюллова, он долгое время, как и все караван-сарай, служил

Главная должность

В одном белорусском профтехучилище я попал на первое занятие будущих слесарей. Мастер, долгие годы работавший на знаменитом тракторном заводе, был из тех слесарей, кого все не в шутку зовут «королями». Он тоже впервые видел своих учеников, присматриваясь к ним, знакомился, листал анкеты, где мальчишки делились своими мечтами о будущем, и очень ярко рассказывал о своей и их будущей профессии. «В нашем деле и голова понятливая нужна, и рука крепкая, и глаз верный. И еще обязательно душа должна в наличии иметься. Потому и должность у нас самая что ни на есть творческая, главная должность на земле».

Размышлениями об этой самой «главной должности» пронизана новая повесть Марины Колесниковой «Наш уважаемый слесарь» («Советский писатель», 1979 г.). Своей причастностью к рабочему классу гордятся и ветеран Федор Завгородний, и молодой бригадир Василий Касьянов, и жена его Варя, ставшая электросварщицей, и

даже нипутевый Спирька, умеющий лучше всех застропить тяжелый груз.

Гордится своим мастерством и главный герой книги Николай Васильевич Касьянов, от имени которого и идет повествование. Опытный слесарь, больше сорока лет проработавший на стройке, он тем не менее считает, что «рабочий есть рабочий» и хвататься здесь нечем. Скорее жалеть надо тех, кто не смог получить диплом инженера. Так думает старый слесарь. Поэтому и детьми-инженерами он гордится больше, чем своими высокими профессионализмом. Его старший сын, Юрий, — главный инженер строительного управления, младший, Костя, — заместитель начальника цеха, дочь, Лида, — инженер-химик. «А Вася в рабочие подался. Ради чего в таком случае я живот надрывал?» — жалует Касьянов своему старинному другу Федору Завгороднему, на дочери которого и женат Василий. Эта вера в силу и волшебство диплома, будто бы мгновенно делающего человека и выше и лучше, и не дает главе династии Касьянов сразу понять те новые отношения, которые внедряет на стройке Василий.

«Наш уважаемый слесарь-монтажник Касьянов Николай Васильевич», — представляет его корреспондентом молодой инженер Прокофьев, — сын того самого знаменитого Касьянова и отец известного строителя Касьянова». «Так и болтаюсь между двумя рабочими-знаменитостями: своим отцом Василием, который прославился на всю страну умением класть заводские трубы, и собственным сыном, выдвинувшим какой-то там метод бригадного подряда, сути которого я до сих пор не могу понять. И в голову Прокофьеву не приходит сказать обо мне: «Отец трех инженеров Касьяновых».

Конечно, трудно человеку, всю жизнь мечтавшему о том, чтобы его дети ходили «по ковровой дорожке», сразу изменить свои понятия о ценности. Но если под дипломом подразумевать пресловутую ковровую дорожку, то ценность эта чисто материальная. В ценности же духовных Николай Васильевич разбирается лучше, потому что

здесь он все взвешивает на весах своей рабочей совести. А так как в «воздержавшихся он никогда не ходил», то старается все же как можно лучше и честнее разобраться в сущности борьбы, развернувшейся между сторонниками нового и любителями тихой, спокойной жизни. Сделать правильный выбор ему не просто, тем более что во главе противоборствующих сторон стоят его родные сыновья.

«Наш уважаемый слесарь» болезненно переживал и разрыв дочери с Петром Балашовым, но все же по-своему понимал Лиду: она ведь инженер, а зять «только бригадир». В разгар борьбы, развернувшейся на стройке, он по-другому воспринимает и эту семейную драму: «можно жить и по рецепту Балашова — без риска, но жить так скучно».

Действие повести Марины Колесниковой почти целиком происходит на стройке, но эту прозу нельзя назвать «производственной». Эта книга философская, и дружиной действия здесь служит вовсе не производственный конфликт, хотя он как будто и на виду, а противоборство чувств — осторожности и смелости, эгоизма и доброты, ненависти и любви. И книга эта о любви к человеку, о непреходящих ценностях человеческой души.

Анатолий БАРАНОВ

Тот, кто рядом с тобой

«О любви материнской, дочерней, возвышенной и земной» — название новой книги

молодой писательницы Надежды Кожевниковой («Советский писатель», 1980 г.), в которой она затрагивает очень важные проблемы современной жизни — проблемы взаимоотношений людей в семье, проблемы человечности и любви. Порой ведь нам некогда остановиться и разобраться в самих себе и в своих чувствах, и мы тревожим, обижаем, а подчас и тераем в суматохе жизни своих близких.

Книга включает в себя повесть и рассказы. Повесть, одноименная названию книги, состоит из новелл, каждая из которых — небольшой эпизод из окружающего нас жизни. Милые и точные подробности быта подчеркивают современность прозы Кожевниковой. Но Надежда Кожевникова — не просто бытописатель. Она остро и четко ставит психологические проблемы.

Вот перед нами девушка, готовящая стать матерью. Теперь, когда на ней лежит ответственность за жизнь другого человека, она задумывается, а сможет ли она стать для него опорой в жизни, как была для нее мама, сможет ли она хоть немного приблизиться к ней. Сумеет ли запастись терпением, чтобы «удержать себя от заведомой несправедливости, от беспощадности к тем, кого дороже для тебя нет». Автор насыщает опытом своей души, богатой и щедрой, раздумья героини — и повествование приобретает философские черты.

В каждой новелле — разные судьбы, разные люди, но их объединяет одно — стремление к любви, к доброте, способность находить счастье там, где, казалось бы, оно невозможно.

Новелла «Женщина с рыжей челкой» — исповедь человека с необычайно трудной судьбой. Она нашла смысл своей жизни в борьбе за близкого человека: сын родился немый. И когда в одной компании она стала рассказывать о себе, то вместо ожидаемой исповеди о сложившейся жизни мы услышали рассказ женщины, сумевшей узнать настоящее счастье. Она отдала всю себя, всю свою жизнь сыну, она стала его ушами, его связующей нитью с миром. Чтоб ни на минуту не оставлять сына, она научилась шить, превратилась в домашнюю хозяйку. А

когда учителя сочли возможным перевести его в нормальную школу, она устроилась туда няней. Каждый, даже незначительный успех сына был победой этой самоотверженной женщины. Может быть, рассказ о ее судьбе заставит призадуматься тех, кто болел манией исключительности.

Очень важная тема затрагивается в новелле «Двое» — способность человека сохранить любовь на всю жизнь. Сын неожиданно открывает для себя любовь своих родителей друг к другу, которой он раньше не замечал, думая, что с годами она проходит, остается только привязанность, привычка. Заболела мать, и именно в этот момент мальчик узнает о силе любви отца к матери. Он понял, что самые сильные чувства не требуют постоянного проявления, напоминания о себе, они проявляются в самые критические минуты жизни: «Отец стоял на коленях перед постелью матери, уткнув в ее ладони лицо. «Ты — вся моя жизнь», — услышал сын приглушенный и даже, ему показалось вдрог, незнакомый отцовский голос».

Рассказы Надежды Кожевниковой написаны в основном на документальной основе. В них повествуется о людской доброте, чуткости, с другой стороны — о равнодушии людей друг к другу: когда из-за халатности врача гибнет семнадцатилетний юноша, когда девушка, чьи мечты о чистой, возвышенной любви рушатся, наталкивается на стену равнодушия.

Мудро и ненавязчиво, открыто и доверительно ведет Надежда Кожевникова своих читателей за собой, открывая им в самых обыденных явлениях повседневной жизни глубину и значимость, возможность проявлять высоту и силу, одаренность человеческой природы.

Есть прекрасное изречение: «Человек — это радость другого человека». Поистине счастлив тот, кто сумел пронести через всю жизнь негасимый огонь любви человеческой — материнской, дочерней, возвышенной и земной.

Марина СИЛАКОВА,
участница
«Литературно-критической
мастерской «Смены»

гостиницей для приезжих купцов, разных именитых людей. В Караван-сараях, при квартире генерал-губернатора Н. А. Крыжановского, были обширные покои для гостей. Предполагают, что в них останавливался в свой приезд в Оренбург в 1876 году Лев Николаевич Толстой. Генерал был старым приятелем писателя, его севастопольским сослуживцем. И с ним, как вспоминает один из историков, Л. Н. Толстой очень приятно провел время в воспоминаниях давно пережитого. Встреча эта не прошла для генерала бесследно: считают, что после беседы с Л. Н. Толстым, воспоминаний о севастопольской страде, рискнул себя испытать в литературе и сам Крыжановский. Уйдя в отставку, 68-летний автор предложил «Русской старине» очерки «Севастополь и его защитники в 1855 году» и «Севастополь в ночь с 27 на 28 августа 1855 года», которые и были напечатаны в 1886 году.

Что-то вынес для себя из этих бесед с давним приятелем и Лев Николаевич Толстой. В 1878 году он писал: «У меня давно бродит в голове план сочинения, местом действия которого должен быть Оренбургский край, а время Перовского». Судьба Василия Алексеевича Перовского, участника Отечественной и Турецкой войн, крупного военного и государственного деятеля, управляющего Оренбургским краем, занимала писателя. Он читал «Записки В. А. Перовского о пребывании его в плену в 1812—1814 гг.». И эти записки помогли ему, когда он писал «Войну и мир».

Л. Н. Толстой не застал В. А. Перовского в живых, потому важен был всякий рассказ об интересовавшей его личности, которая должна была стать прототипом главного героя задуманного писателем произведения. Исследователи творчества Л. Н. Толстого считают, что судьба Перовского могла лечь в основу романа о декабристах. Мог он, по-видимому, стать и прототипом главного героя задуманной повести «Князь Федор Щетинин».

Поездка в Оренбург была необходима Л. Н. Толстому и для того, чтобы ощутить, почувствовать самобытность этого разноязычного города, расположенного на стыке Европы и Азии. И, конечно же, в памяти великого писателя не могли не отпечататься многокрасочность и многоликость Менового двора, деловой шум и гомон оренбургских базаров и многочисленных торговых лавок. Надо думать, запомнился ему и этот, легко уходящий ввысь минарет Караван-сарая и голос казаха-возницы, настойчиво выкрикивающего с мостовой в вечерней тиши: «Бел глин, бел глин». Эти запряженные верблюдами повозки, развозящие по дворам белую глину для побелки домов, были неотъемлемой частью города, как, к примеру, нынешний троллейбус, шестеластый шиномы по горячему асфальту Паркового проспекта.

Интересна и самобытна история Оренбурга, но перед днем сегодняшним бледнеет она. Немало примечательного открывает для себя в этом городе каждый, приехавший сюда сейчас. Ну, например,

то, что в Оренбурге много студенчества. Тут и политехнический вуз и сельскохозяйственный... Только на одной Советской сразу два института — медицинский и педагогический, а повыше их, на берегу Урала, — одно из старейших учебных заведений Военно-Воздушных Сил страны — Оренбургское высшее военное авиационное Краснознаменное училище летчиков имени И. С. Полбина. 260 Героев Советского Союза, девять удостоены этого звания дважды — вот что такое Оренбургское летное. Первый космонавт Юрий Гагарин — тоже его выпускник.

На учебном аэродроме, вдали от города, я видел, как учатся летать курсанты оренбургской «летки». Видел, как уверенно заходят на посадку тяжелые машины. Говорил с курсантом, старшиной звена, двадцатилетним Сергеем Спириным после его очередного самостоятельного полета. Сергей мял в руках шлемофон, не отрывая глаз от посадочной полосы, где с небольшим интервалом одна за другой заходили на посадку машины его товарищей по училищу, ярко блестя на солнце фюзеляжи и большие, включенные, несмотря на день, прожекторы. Почувствовав мое удивление, Сергей пояснил: «Это чтобы отпугнуть птичек». Он так и сказал: «Птичек» — и улыбнулся. Улыбка вообще не сходила с его лица. То ли он радовался успешному выполнению задания, то ли тому, что сегодня будет вечерять со своими. Как я узнал, отец и мать Сергея живут здесь неподалеку, в

селе. Мать — нянечка в детском саду, отец — механизатор, сейчас на комбайне. Сергей только что сверху видел отцовский комбайн, может быть, и отец его заметил.

В Оренбурге 256 солнечных дней в году, как утверждают синоптики, гораздо больше, чем в Крыму. Такая солнечная погода хороша и для совершенствования мастерства летчиков и для тех, кто занимается хлеборобством.

Стоял август, его вторая половина. Над степью дрожало марево. Полдненный жар земли сливался с горячим дыханием комбайнов, медленно движущихся навстречу густым желтым валкам хлеба, и казалось, темно-красные кожаные комбайнов вот-вот расплавятся в этой августовской духоте.

Был самый разгар жатвы. Область жила страдой. В Оренбурге, на площади перед Домом Советов, установлен «экран страды». Каждый день появляются на нем цифры урожайных гектаров, намолоченных центнеров. И каждый день оренбуржцы ревностно следят за «экраном» на площади, за газетной страницей, жадно лова вести с полей, радуясь и переживая за успехи хлеборобов.

Всякий вступивший в эти дни на оренбургскую землю невольно становится свидетелем, а то и участником большой битвы за хлеб. Сравнение это, пушенное, видимо, в ход кем-либо из фронтовых газетчиков, очень верно передает характер того, что происходит в оренбургских степях. Представьте себе огромное поле в пять миллионов гектаров,

Тайна древнего замка

Книги румынского писателя Константина Кирица давно уже стали чрезвычайно популярными не только на родине прозаика, но и за рубежом. Герои автора — мальчишки и девочки с Черешневой улицы одного из румынских городов, или, как их называют, чирешары, — превратились поистине в любимцев румынской детворы. Тысячи школьников зачитываются книжками К. Кирица: «Рыцари с Черешневой улицы», «Колесо счастья», «Снежные крылья», «В добрый путь, чирешары!». По этим произведениям был создан многосерийный телевизионный фильм, а в Бухаресте даже открылся магазин под названием «Чирешары».

В чем же секрет такого успеха писателя, такой популярности его книг?

Попробуем ответить на этот вопрос, познакомившись с романом «Рыцари с Черешневой улицы, или Замок девушки в белом», выпущенной недавно издательством «Детская литература».

Завязка повести занимательна: в городок, где живут ребята с Черешневой улицы, прибывает таинственная девушка в белом. И только чирешары решают познакомиться с ней, знакомка исчезает при загадочных обстоятельствах. Повествование настолько увлекательно с самого начала, что читатель уже не может отложить книгу, не узнав, что же случилось с девушкой.

Вскоре чирешары получают от знакомки письмо: «...Я

приглашаю вас всех в мой замок, мы станем вместе любоваться его красотой и сокровищами. Вы развеете мое одиночество, освободите из заточения, которое отравляет всю мою радость».

Что же это за таинственный замок? Что за сокровища он таит? И почему героиня повести пишет о каком-то заточении? Ответы на эти все вопросы так и хочется немедленно узнать! Но Константин Кирица, мастерски выстраивая сюжет повести, не спешит с открытием тайны древнего замка, а проводит своих героев — чирешаров через массу препятствий по пути к их раскрытию. Они идут сложной, но интересной дорогой, полной опасностей и неожиданностей, требующей от чирешаров мужества, ловкости, умения дружить, приходиться друг другу на помощь. Пригодились им глубокие, разносторонние знания и настойчивость: ведь ребятам приходится разгадывать таинственные грамоты, зашифрованные еще в восьмом столетии!

Герои К. Кирица — незаурядные представители румынского юношества. Им свойственны верность дружбе, взаимовыручка, преданность идее. Может, поэтому они так импонируют читателям, которые хотя бы похожими на рыцарей с улицы Черешен. Виктор, Лучия, Тик, Мария и другие чирешары — как личности все очень разные, но, вместе взятые, составляют коллективный портрет современных румынских ребят. Они воссозданы автором настолько правдиво, что кажутся не вымышленными персонажами, а реально существующими мальчишками и девочками. И писатель «предлагает» присоединиться к ним, быть рядом, перенести их жизнь в свою. К. Кирица как бы соединяет реальное и вымышленное. Даже Лаура, новая героиня цикла, девушка в белом, собираясь поехать в городок, где живут чирешары, уже знала о существовании знаменитых ребят и мечтала с ними познакомиться. Таким образом, у читателя создается иллюзия действительного существования рыцарей с улицы Черешен, что придает достоверность всему произведению. Этот при-

ем — один из секретов популярности книг К. Кирица.

Но главное, что покоряет сердца юных читателей, — увлекательность повествования, исключительность условий, в которые поставлены чирешары, короче говоря, приключенческая нить повести.

Однако автор, стремясь сделать повесть все более и более таинственной, на мой взгляд, в ущерб художественности и достоверности повествования осложняет иногда «борьбу» ребят с подозрительными личностями, которые ищут сокровища в замке.

Это вызывает некоторое недоумение, так как речь, оказывается, идет об экспедиции археологов, работающих в замке в поисках сокрытых там сокровищ, а «главарь» — не кто иной, как отец Лауры, оберегающий ее от многих опасностей, подстерегающих в старом замке.

В целом же книга К. Кирица необычайно интересна и, несомненно, завоевывает большую популярность среди советских юных читателей.

Елена СЕТУНСКАЯ,
студентка, участница
«Литературно-критической
мастерской «Смены»

ПОЭЗИЯ

Вершинный час жизни

Пора зрелости, полуденный час человеческой жизни — чего мы ждем от него, стремясь при-

близить и осознать это время высших достижений и невозможных утрат? Какими мы должны подойти к нему — ведь это будет для нас проверка на самоценность нашей личности, проверка делами, которые мы совершаем, идеалами, которыми мы служим. Кажется, что такой вопрос задавала себе не раз Раиса Романова, поэтесса, наша молодая современница. Ответом на этот вековой и для каждого человека важный вопрос стала, на наш взгляд, новая ее книга «Под утренним лучом» («Советский», 1979 г.).

Из глубины веков текущая, жизнь любого народа пополняется все новыми истоками — рождением людей; старые родники иссякают, уходят поколения, но река не оскудевает и течет, верная своему руслу. И каждый человек как бы погружен в жизнь и в историю своего народа. Его индивидуальное бытие открыто всем заботам и тревогам современности, и вместе с тем достоинством его души становится память о великих событиях и людях его родины.

Раиса Романова родом из Курска. Эта древняя русская земля много видела сражений, много крови впитала, растила богатые хлеба и травы. Любость поэтессы к лугам и рекам, которые она знала ребенком, — не просто тяга к родному гнезду, по-детски непосредственная. Свою «малую родину» она осознает как частицу Родины — России; в ратных и трудовых подвигах предков-курян видит славу русской истории и производит свой характер, свое мироощущение от народного русского характера: «Победа взлелеяна этим пространством, печаль поражения потухла в пыли. Старинные стены глядят с постоянством из всех бурь порубежной земли» (стихи о Курске). Часто лирические стихотворения Романова складывают как русские песни с их завораживающей напевностью: «Сыпуче-зубучие пески в твоём краю... Плакучая-горючая беда на груди твою». Ей, как поэту и человеку, свойственно кровное, дочернее отношение к родному народу. Стихи, посвященные друзьям и землякам, раскрывают лучшие стороны души русского человека: трудолюбие, гордость,

скромность, затворяющую уста в минуты душевного волнения. В ее стихах тревожно звучат проблемы человеческого общежития, вызванные заботой о доброте, о взаимопонимании, которым противопоставлена разобщенность, отчуждение: «А если судьба повернет своею спиной в горнило сражений Отчизну мою, — о ком будут стоны твои, Ярославна, а Игорь чье имя прошепчет в бою?»

Свойство характера или прима возраста — вкладывать в дела и чувства все силы, не скупиться ни на радость, ни на гнев, расточая своим близким и дальним неиссякаемое тепло сердца? В этой самоотдаче — в материнской любви («Дочери»), в поэтическом творчестве («О голубях», «Прискаатель») черпает стойкость, «мужество жить» лирическая героиня Романовой. Ее образ создается перед нами, сотканный из раздумий и признаний поэтессы. В прерывистом ритме стихотворения «Знойный полдень» чувствуется бурное дыхание, трезовая насыщенность полудня — переломного момента в течении дня — в человеческой судьбе.

Обогащенная мудрым, жизнеутверждающим пониманием своего места в мире людей, поэтесса приобретает и нас, читателей, к плодотворному раздумью о смысле нашего существования, о нашем долге перед самими собой и перед родным народом, перед той порой нашей жизни, которую мы отважно называем ее вершиной.

Елена ВАСИЛЬЕВА,
аспирантка,
участница
«Литературно-критической
мастерской «Смены»

окутанные облаками пыли десятки тысяч жаток, комбайнов, автомашин, ропок которых не смолкает даже ночью.

Будучи в гостях у оренбуржцев, космонавт Борис Волюнов рассказывал, что, пролетая в августе 1976 года над оренбургскими степями, он вместе с Виталием Жолобовым был изумлен тысячами загадочных, волшебных огней. Такая она, ночная оренбургская степь, в горячую страдную пору.

Тесно в эти дни на пыльных проселках и отполированных до блеска автомобильными шинами большаках, по которым ходко идут тяжело груженные траллеры с зерном. Идет хлеб, идет оренбургская пшеница, снискавшая прочную славу на мировом рынке. Еще в 1862 году на Лондонской международной выставке она была признана превосходной и удостоена золотой медали. Не нашлось у нее конкурентов и на Всемирной выставке в Париже в 1867 году и на Всемирной выставке в Москве в 1882 году. Качество зерна, как известно, определяется степенью содержания в нем белка. Мировой стандарт по белку в пшеницах установлен 12,5 процента. Канада — крупнейший в мире поставщик хлеба — идет на уровне стандарта. В зерне Аргентины и Франции 14 процентов белка. В оренбургской же твердой — 18—20 процентов!

Ну, и, коль дело дошло до сравнения, стоит привести и такое: твердых и сильных пшениц, тех, что составляют красу и гордость Оренбуржья, здесь высеивают больше, чем Западная Германия,

Англия, Ирландия, Бельгия, Нидерланды, Швеция, Финляндия, Дания, Норвегия, Австрия и Швейцария, вместе взятые.

Два ордена Ленина на знамени Оренбургской области. Так высоко оценила Родина подвиг хлеборобов.

Богата и щедро хлебная нива Оренбуржья. За эту пятилетку хлеборобы области сдали государству свыше 19 миллионов тонн зерна. В этом году, весьма сложно по погодным условиям, сдано 2 миллиона 800 тысяч тонн.

Как известно, хлеб сам по себе не растет. Одному земледельцу известно, каких трудов стоит хороший урожай. Сколько хлопот и тревог придется испытать ему, пока не нальется колос, пока не зашумят, не заходят под ветром набравшие силу хлеба, вселяя в душу одному ему известную радость, которую он и не всегда-то решится высказать вслух. И его суеверие понятно. Вырастить хороший хлеб — половина дела, ибо с детских лет, от отца-матери, от деревенских стариков усвоил он истину: не тот хлеб, что в полях, а тот, что в закромах. И то, что другим представляется на первый взгляд невероятным, немислительным — провести тринадцать, четырнадцать часов кряду в духоте и жаре за штурвалом комбайна, — ему кажется естественным, нормальным.

— А как же иначе, — скажет мой давний знакомый комбайнер, звеньевой, коммунист Николай Бегеба, к которому я снова заехал в совхоз «Чебеньков-

ский» в самую важную для него, хлебороба, пору, — ведь это же хлеб!

И мне вспомнился его давний рассказ в первую нашу встречу о том, как писал он в школе сочинение и слово «хлеб» написал с большой буквы. И учитель не посчитал это за ошибку. Давно это было, Николай Бегеба уже сам стал отцом, уже у самого сын-школьник, но, мне думается, он и поныне пишет хлеб с большой буквы. Таково к нему отношение у Николая Бегебы, который работает в уборочно-транспортном отряде Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии СССР Александра Михайловича Юдина. Да и как работает! Два года назад на своем поле Николай Бегеба установил своеобразный рекорд, который пока что никто в Оренбургском районе не побил. За 23 часа непрерывной работы из бункеров двух комбайнов его звена было выдано 3210 центнеров зерна. А всего в ту памятную страду звено Николая Бегебы намолотило 15 тысяч центнеров и, закончив жатву в своем хозяйстве, выехало на помощь в Тюльганский район, ибо поле соседа, как принято считать здесь, не чужое. Для многих оренбургских комбайнеров поля соседей стали своими. И породила между собой знакомых людей земля, общая забота об урожае, о хлебе насущном. Каждую страду приезжает Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР, член Центральной ревизионной комиссии КПСС, комбайнер колхоза «Рассвет» Сакмар-

ского района Василий Макарович Чердинцев в далекий целинный совхоз «Кульминский» к своему давнему другу Михаилу Кулькову, кавалеру двух орденов Ленина, бригадиру комсомольско-молодежной бригады, которая и родилась и складывалась в дружный, ладный коллектив на его глазах. Как и бригадира своего, ребята из комсомольско-молодежной бригады уважают Чердинцева за простоту, открытость души, добрый, веселый нрав.

Закончив страду, вся бригада непременно сойдется в доме Кулькова, чтобы отпраздновать очередную жатву. И будут тут песни и будут пляски до утра. И будет переходить из рук в руки от Кулькова к Чердинцеву гармошка, раззадоривая, призывая здесь, на веселье, как и там, в поле, к соперничеству.

Василий Макарович Чердинцев... Но есть и другой Чердинцев — Григорий Васильевич. Тоже комбайнер. Член ЦК ВЛКСМ, орденноносец, лауреат премии Ленинского комсомола. О нем, сыне, достойном отца, в эту минуту по дороге на Переволоцк рассказывало радио. Автомобильный приемник потрескивал, но разряды эти воспринимались не как помехи в эфире, а как дающий себя знать накал страды.

По радио говорили, что нынешняя страда для Григория Чердинцева в своем роде особая. Рабочие «Ростсельмаша» вручили ему именную «Ниву». И на этой «Ниве» он уже сумел добиться высоких показателей.

Отец и сын Чердинцевы. Но есть еще

Басовы, Мешковы, Юдины... Немало славных династий в Оренбуржье, судьба которых безраздельно связана с хлебной нивой. У оренбургской страды молодое лицо. Только за последние три года в сельское хозяйство области пришли работать почти 14 тысяч выпускников средних школ. Я встречал их за штурвалом комбайна, за баранкой грузовика, на току. А вообще на страде было занято более восьмидесяти тысяч парней и девочек.

Хлеб-соль — известный символ русского гостеприимства. И хлебом известен Оренбург стране и солью своей, что добывается в семидесяти с небольшим километрах от областного центра, в Соль-Илецке. В 1745 году в Петербург было отправлено несколько сортов илецкой каменной соли для лабораторного исследования. Производил всесторонний физико-химический анализ этой соли М. В. Ломоносов. Вот что он писал в отчете: «Илецкая натуральная соль

Солоня вода Развала, солоня земля Соль-Илецка... И так же солоня были слезы тех каторжных, колодных людей и приписанных к соляному промыслу солерубов, что за копейки работали в Илецкой Защите. Как свидетельствуют исторические документы, положение илецких каторжников было гораздо тяжелее, чем каторжников Сибири. Последние по истечении определенного срока могли переходить в государственные поселяне, цеховые и мещане, ссыльные же рабочие на Илецкой Защите должны были оставаться там всю жизнь, передавая кандалы по наследству детям своим. «От сего столь явного преимущества сибирских поселенцев перед ссыльно-рабочими Илецкой Защите, происходит то, что сии последние совершают неоднократно побеги и преступления, дабы быть сосланными в Сибирь», — констатировал на своем заседании кабинет министров 22 июля 1837 года.

железные руды, нефть, добывается асбест... А четырнадцать лет назад геологами здесь же, в оренбургских степях, было обнаружено богатое месторождение газа. По самым скромным подсчетам запасов его вполне хватит на тридцать лет. Жемчужиной в газовом ожерелье месторождений страны назвал его один из наших крупных ученых. По масштабам работ, их значению для народного хозяйства оренбургский газовый комплекс стоит в одном ряду с такими гигантами, как Камский автомобильный завод.

К Оренбургскому газоперерабатывающему заводу из города едешь по широкому, как взлетная полоса, проспекту братьев Коростелевых. Ощущение взлетной полосы усиливается за городом, за мостом через Сакмару, где буйствует мощная зелень поймы, сливающаяся от быстрой езды в сплошную зеленую ленту. Открытие Оренбургского газового вала дало поистине взлет

весьма внушительна. Достаточно сказать, что с вводом его в строй производство гелия в стране значительно увеличится.

Говоря о богатствах земли оренбургской, никак нельзя не вспомнить знаменитую орскую яшму — удивительный по красоте камень, которому люди издревле приписывали чудодейственные свойства: найдешь яшму — обретешь счастье, а уж если наберешься терпения и ограничишь, отшлифуешь да и станешь неразлучно носить при себе — забудешь про хвори и беды.

А добывают «веселый камень с Ори» в семи километрах от Орска, на горе Полковник. «Возьми кусочек камня, опусти в воду, и ты увидишь, что камень этот действительно замечательный. Все цвета ты отыщешь в нем, кроме одного — синего», — писал об орской яшме А. Е. Ферсман. — И какие цвета, какой причудливый рисунок — незабываемый и непередаваемый, то резкий в своих

всех прочих солей тверже и, будучи истолчена, получает очень белый цвет и с воздуха в себя влажности отнюдь не принимает. Она имеет сильную алкалическую материю, которая есть основание и твердость материи соли. Для таких свойство надобно сию соль в твердости, силе и споризне предпочесть прочим солям».

Приходилось ли вам бывать на соляном руднике, спустившись на глубину 250—280 метров, бродить под высокими сказочными сводами белоснежного дворца, видеть в лучах прожекторов загадочное сияние свисающих с потолка или как бы вырастающих из земли сталактитов и сталагмитов? Загадочно, красиво и немного жутковато в этом подземном дворце. Жутковато — а вдруг окажешься невольным пленником этого сказочного дворца, но и любопытно: а что там дальше, за тем длинным коридором, под темнеющими впереди сводами?

И это ощущение волшебства и таинства еще какое-то время не покидает вас и на поверхности, среди птиц, деревьев, людских голосов. Да и может ли быть иначе, если вы в эту минуту стоите на берегу озера Развал! Единственного в мире. Не своей длиной, шириной, глубиной выделяется оно среди других. В мире есть и больше и глубже. И все же другого такого озера в мире нет. Озеро на поверхности никогда не замерзает благодаря большому содержанию в воде соли. Если летом температура воды на поверхности 18 градусов, то на дне — 12 градусов ниже нуля. Там вечная мерзлота. В озере нет ни растений, ни рыб. Но его вода приносит добрую пользу больным людям: соленая вода озера (рала) обладает лечебными свойствами. Вот и сейчас поплавок (полтуловища над водой — глубже при всем желании не погрузишься) виднеются десятки людей, ищущих исцеления в водах Развала. На курорте Соль-Илецка ежегодно лечатся около 800 человек.

Соленый тракт, слезный тракт... По нему шли сюда, на вечную каторгу, позванивая кандалами, «ненадежные» и неудобные. Трудно поверить, что это было всего полтора века назад. Вообще было...

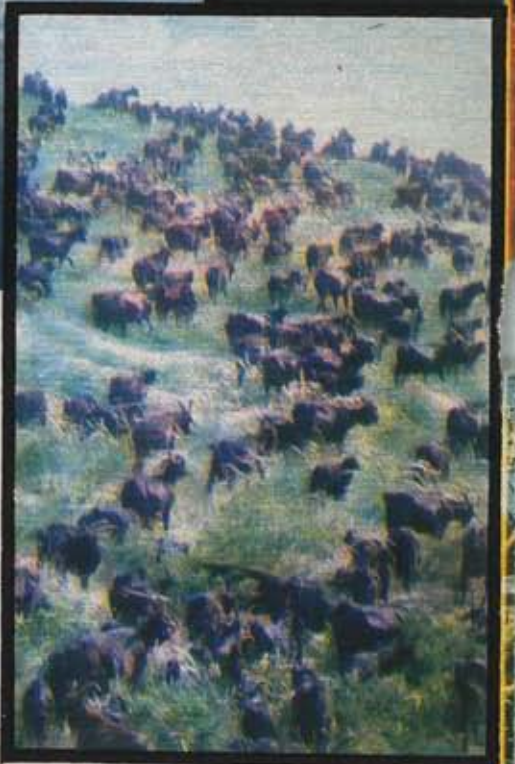
Не верилось, что на этих солнечных безмерных просторах, словно бы дарованных человеку на вечную радость и счастье, он, человек, не мог найти своей доли. Но это же было! И фото 70-х годов прошлого века из архива Илецкого Госсолерудника сохранило вид торжественного замка, вознесенного на вершину Гипсовой горы. Замок этот мрачно и угрюмо зиял своими воротами, словно бездонным провалом, властвуя над всей округой...

Удивительно богата земля Оренбуржья. Есть тут медные, никелевые,

всей промышленности области. 45 миллиардов кубометров газа в год ежегодно перерабатывает завод в Холодных Ключах.

— Какие уж тут холодные — горячие ключи! — сказал с улыбкой один из давних моих знакомых, Антон Федорович Захаров, главный инженер треста «Оренбурггазстрой».

И мне вспомнилось недавнее прошлое, когда начиналась эта большая и трудная стройка, объявленная с первых же дней Всесоюзной ударной комсомольской. Как непросто все было, и как настойчиво шли люди к победе! А сейчас вот стоят в степи на семи ветрах огромные корпуса мощного производства, а рядом, на следующем взгорке, строятся новые — гелиевого завода, проектная мощность которого тоже

кричащих тонах, то мягкий, переливающийся без тени и графики. То какие-то таинственные крылья неведомых птиц, снятых со сказочных картин Врубеля,—это были мощные, смелые мазки природы на целых метрах сказочного камня, писавшей свои узоры в замечательной гармонии красок».

Яшма—красивый отделочный камень. И если вам удастся побывать в Орском драматическом театре имени Пушкина, вы убедитесь в этом.

Но яшма хороша не только для отделки. Она и прекрасное украшение для женщин—брошки, браслеты, кольца, кулоны из яшмы не залеживаются на прилавках. И невольно подумаешь: сколько полезных, нужных людям ве-

ХЛЕБ И СОЛЬ, НЕФТЬ И ГАЗ, МЕДЬ И ЖЕЛЕЗО—ВСЕ ЭТО ДАЕТ ЧЕЛОВЕКУ ЗЕМЛЯ, ПРИВОЛЬНО РАСКИНУВШАЯСЯ ПО БЕРЕГАМ ДРЕВНЕГО УРАЛА.

щей можно сотворить из этого камня! Еще в петровские времена из яшмы делали и «черенья кортишные, охотничьи, сабельные, ножные и вилочные, табакерки и другие мелкие изделия».

Разве меньше сноровки и таланта у наших ювелиров? Именно ювелиров. Изделия из «веселого камня с Ори» были высоко оценены на международных выставках. И сейчас Всесоюзный трест «Цветные камни» поставляет орскую яшму в тринадцать зарубежных стран.

Краса земли в красоте дел человеческих. И как тут не вспомнить об оренбургском пуховом платке! О невесомых, прямо-таки воздушных паутинках, ажурных палантинах, теплых, мягких шалях. Вяжут платки, разумеется, не только в Оренбуржье, вяжут их под Воронежем, в Ставрополе, даже в Подмоскovie... Очень даже неплохо вяжут. И все же, не в обиду всем мастерам будет сказано, таких платков, как в Оренбуржье, нигде не сыскать. Ибо нигде нет такого тонкого, мягкого пуха, который вычесывают лишь с коз, что бродят в «оренбургской горной стране»—Губерле. Специалисты считают, что именно тут, в травах, воздухе, солнце Губерлинских гор, и сокрыта тайна оренбургского пухового платка. Но это всего лишь половина разгадки, другая же—и, пожалуй, самая главная—в непревзойденном мастерстве вязальщиц, вызывавшем постоянное восхищение как соотечественников, так и заморских гостей. Да и как не изумиться, если пуховый платок размером около восьми квадратных метров проходит сквозь обручальное кольцо!

Такие вот тут были мастера, имена

которых, к сожалению, история не сохранила. Зато мы можем назвать современных искусниц, которые в мастерстве своем не уступают безвестным прародительницам: мастера-художника первого класса Скопцеву, мастеров высшего класса Мухаметову и Абдулину. Все они с Желтинского пуховязального производства. Прекрасных мастеров встретишь и в других местах. Тут необходимо пояснить, что комбинат оренбургских пуховых платков объединяет 22 пуховязальных производства. Расположены они в 13 районах и 116 селах и поселках области. И другие цифры хочется привести попутно. Производительность комбината—85 тысяч пуховых платков в год, семь тысяч из них—ажурных. Платки комбината только первой и высшей категории. Десяти артикулам присвоен государственный Знак качества.

Помимо комбината, есть в Оренбурге на улице Расковой еще и фабрика пуховых платков. И работает там комсомольско-молодежная бригада Валентины Кархалевой, депутата Верховного Совета СССР девятого и нынешнего, десятого созыва. Знаю я эту бригаду давно, и потому мне интересно было узнать, как живут нынче девчата. Многого могло измениться в жизни каждой: вышла замуж, появились другие интересы—и прощай, бригада. Смотришь—от коллектива осталось одно лишь название.

Но я, к счастью, ошибся. Знакомые все лица. Без труда узнал Тамару Щанкину, Галину Сачкову, заместителя бригадира Тамару Огурцову, Машу Еланину, Тамару Пуцаеву—тех, кто и прежде составлял костяк комсомольско-молодежной, тех, кто и сейчас является надежной основой бригады, которая те-

перь к тому же стала еще и бригадой коммунистического труда.

Новостей в бригаде—хоть отбавляй. —Только за полгода пять новорожденных в бригаде,—смеется Валя Кархалева.—У Ким Оли, Габзалиловой Зои, Андрейченко Вали... На фабрике шутят: и как, мол, вам все это сразу удается. План-то свой наша бригада все время выполняет и перевыполняет...

Утром мне предстояло вылетать в Москву. И вечером, как и загадал раньше, я пошел на набережную Урала. Тут былолюдно. В нескольких местах играли гитары, слышались песни. То были негромкие песни. Те, которые поют перед разлукой. На одной из скамеек сидели ребята. Зеленые «поплавки» на лацканах пиджаков говорили о принадлежности их к сельхозинституту.

Гитарист извлек последний аккорд из своей гитары и слегка прищелкнул ее пятерней.

—Ну что, братцы, тронулись! До поезда остался час.

Парни нехотя встали и направились к троллейбусной остановке, но неожиданно с полдороги вернулись.

«Чего это вдруг?»—подумал я, видя, как они начинают спускаться по лестнице к Уралу. Я последовал за ребятами.

Над рекой в полную силу светила луна. Золотым недвижимым столбом стоял в воде у моста ее след. Я видел, как коротко и сильно взмахнули руки парней, и тут же в разных местах послышался чуть слышный всплеск. Мне все стало ясно. Я тоже спустился к воде. Достал из кармана медь и бросил в реку, подальше от берега. Мне тоже хотелось еще не раз вернуться в Оренбург.

ПЕСНЯ:

ПУТЬ К ПОПУЛЯРНОСТИ — ПОДЛИННОЙ ИЛИ МНИМОЙ

КОМПОЗИТОР

Серафим ТУЛИКОВ:

ТО, ЧТО МОЖЕТ СДЕЛАТЬ КАЖДЫЙ?

Вопрос о популярности песни равнозначен для меня вопросу, как я вообще представляю себе идеал советской песни. Думаю, что популярность песни только тогда имеет истинную ценность, когда она отвечает трем основным требованиям — глубокому содержанию, высокому художественному уровню, национальному колориту.

Ведь что такое популярность? Это значит, что народ выбирает из многих звучащих песен несколько, которые ему понравились, которые ему близки, которые его затронули своим содержанием, мотивом или тем и другим вместе. Стало быть, одна из основных задач композитора — искать и находить те необходимые сочетания мелодии и текста, которые могут задеть лучшие струны человеческого сердца.

Сочинить популярную песню — это значит написать броскую, яркую мелодию. Но яркость, броскость мотива — это нечто неподвластное музыкальной терминологии. Это то, что не запишешь и не прочтешь в нотной записи, как можно прочесть, скажем, длительность и силу звука. Это свойство чувства, присущее тому или иному композитору. И если нет умения точно и ярко выразить эти чувства, то нет и не может быть популярности.

Но, повторяю, броский мотив непременно должен отвечать всем тем трем основным требованиям, которые я перечислил вначале. Были времена, когда больше всего были нужны массовые песни. А чтобы пели все, нужны были простые, всем доступные, даже упрощенные мотивы. Эти времена дали своих замечательных композиторов-песенников: таких, как братья Покрасс, Матвей Блантер, Анатолий Новиков. Теперь песня ушла далеко от тех романтических упрощенностей. И это естественно. Стало сложнее само время, усложнились переживания, и в простых формах их не выразить. Современная песня стала сложнее и по ритмике, и по гармонии, и по мелодическому рисунку. Соответственно усложнились и задачи авторов — хорошую песню становится написать все труднее.

Мне кажется, что в настоящее время обнаружился какой-то перекосяк в сторону развлекательности, это видно из радио- и телепрограмм. Думаю, что более правильно потребности современных слушателей и зрителей отражают передачи «Песни года», которые включают песни разных жанров и направлений, в том числе героические и патриотические.

Меня эта сторона, естественно, волнует особенно, потому что считаю патриотические, мажорные песни своим главным и любимым делом. К сожалению, авторы нередко подходят формально к созданию песен этого жанра, ограничиваются умелым и профессиональным переложением текста на музыку. Это

недостаточно для любой песни, но, конечно, особенно сказывается на судьбе песни патриотической. Народ не воспримет недостаточно остро пережитое, особенно когда речь идет о самом важном и святом для каждого — о Родине, о родной земле, о героических делах народа.

Успех песни зависит главным образом от искренности авторских чувств, от созвучия с общим народным чувством.

Лично я всегда писал и пишу яркие, плакатные песни. И не только потому, что этого требует время. Этого требует мое собственное сердце. Оно же подсказывает и особенности формы. Мои плакатные песни всегда мажорны и в то же время всегда широко распевны, пронизаны национальной русской раздольностью. Думаю, это одна из главных причин популярности таких песен, как «Родина», «Ты Россия моя», «Ленин всегда со мной».

А я и не могу писать иначе. Вырос я в Калуге. В семье нашей всегда звучала музыка. С раннего детства я слушал и сам играл сочинения Баха, Бетховена, Листа. И в то же время у нас культивировалась народная песня. Сколько себя помню и осознаю — всегда русская песня слышится где-то внутри, в душе. Такое не уходит. Считаю, что обязательный для моих сочинений элемент мелодизма, русского лиризма жив, а главное — творчески силен в основном благодаря ранней заправке, искренности ощущений, впитанных с детства.

Органично входят в нашу жизнь и простые мелодии городских романсов. Многие из них давно и надолго завоевали заслуженную любовь и популярность: они такие тактичные, трогательные... Не случайно на их основе часто писали свои вальсы талантливые капельмейстеры — руководители городских духовых оркестров, очень распространенных и популярных в свое время. Эти мелодии часто использовал и Петр Ильич Чайковский. Мне кажется, что успех и популярность моего «Бамовского вальса» во многом определились благодаря его близости к этому давно любимому нашим народом жанру. Эта общность настолько очевидна, что даже не сразу вычлениаются и осознаются как цитата введенные туда такты из известного вальса «Осенний сон» — так естественно они вписались в основную мелодию новой песни.

Вот уже лет пятнадцать как я обратился непосредственно к жанру лирической песни. За эти годы многие из моих сочинений этого плана тоже стали популярными: «Девчонки, которые ждут», «Не повторяется такое никогда», «Любимые женщины»... Что же удивительно: лирику народ всегда любит, романтика любви бессмертна, у каждого из нас есть своя интимная сторона жизни — и каждое искреннее переживание непременно найдет свой путь к другим сердцам. Искренность — это обязательное и постоянное условие популярности любого вида песен, любого музыкального жанра вообще.

Было время, когда популярными называли только те песни, которые все поют. Думаю, что это примитивное представление о популярности. Чайковского на улицах не поют, между тем это один из самых популярных композиторов во всем мире. Сегодня это особенно применимо и к жанру песни. И сегодня есть песни, которые поют повсеместно: например, «Подмосковные вечера» Соловьева-Седого, которые по популярности могут быть сравнимы разве что с блантеровской «Катюшей». Автор нашел особенно удачные сочетания музыкального строя, архитектоники с текстом, которые дали совершенно поразительный результат. Большую роль сыграли великолепная партитура Кнушевицкого, завораживающий вокализ вначале и, конечно, задушевное звучание голоса Владимира Трошина.

Надо сказать, роль исполнителя в популяризации

песни огромна: вспомним только судьбу знаменитого «Арлекино», получившего второе рождение в пении и игре Аллы Пугачевой. Я очень люблю исполнение Иосифа Кобзона, Муслима Магомаева, Льва Лещенко, Валентины Толкуновой, Софии Ротару, Людмилы Сенчиной. Все они умеют понять и подать песенный образ, на высоком художественном уровне раскрыть содержание песни, найти ударные места, усилить музыкальные краски, а главное — по-своему пережить песню, стать соавтором композитора и поэта. Как видите, опять главное — искренность сопереживания.

Кстати, в репертуаре любимых певцов много песен, которые массы не поют и не могут петь по причине сложности: скажем, такие песни, как «Журавли» и «Русское поле» Френкеля, «Нежность» Пахмутовой, «Баллада о красках» Фельцмана и многие другие. Но значит ли это, что эти песни не популярны? Думаю, они так же популярны, как и массовые, которые поют на улицах. Их любят многие и знают все. Да, пожалуй, они и звучат повсюду — только в исполнении профессиональных певцов в записях на пластинке или магнитофонной ленте. Собственно, не всегда то, что может спеть каждый, действительно популярно. Блантеровской «Катюше» хватило ее огромного потенциала истинной яркости и броскости на многие десятилетия. А случается, что песня, вдруг всеми запета, быстро забывается — потому что она без смыслового стержня, без художественного вкуса. Я называю такие песни не популярными, а прилипчивыми. Абсолютно все ведь поют наиболее легкое и удобоваримое.

Короче, я за истинно популярную песню, то есть за такую, которая рождается в поиске на основе всех трех названных мною качеств. Всех трех, без исключения хотя бы одного из них.

Хочу высказать всем своим собратьям по профессии пожелание создать как можно больше именно таких песен. Сам я недавно в соавторстве с поэтом Доризо закончил «Песню о фронтовой дружбе», а теперь мы с ним же работаем над новой песней о Родине — навстречу XXVI съезду КПСС. Очень хочется, чтобы они тоже стали популярными.

ПЕВЕЦ

Олег АНОФРИЕВ:

„КРЮЧОК“ — НЕ САМОЦЕЛЬ

Однажды, когда я был еще совсем молодым исполнителем, я пришел к Леониду Осиповичу Утесову и принес ему свою новую песню.

— Вы знаете, — сказал я радостно, — эту песню одобрили и даже записали на радио. Скоро она будет исполняться везде.

Леонид Осипович прослушал песню и как кипяток меня ошпарил:

НЕ ГНАТЬСЯ ЗА МОДОЙ

На творческих вечерах, в письмах, при встречах с композиторами и поэтами им нередко задают вопрос: в чем секрет популярности песни?

В дискуссиях по песенным проблемам, то затихающих, то возникающих с новой силой, эта тема дебатруется непременно. Но ответа, мне кажется, до сих пор не найдено. Я не берусь раскрыть, в чем же секрет популярности. Но и ответить, что не знаю, было бы излишне осторожным словом. Неужели многие десятилетия участия в создании песен и наличие нескольких популярных песен в моем поэтическом багаже не натолкнули на раздумья, не привели к выводам, которые могли бы прояснить вопрос? Давайте попытаемся разобраться...

Но прежде надо условиться о терминологии.

Популярность — достаточно широкое понятие, смысл его неоднозначен. Иные ценители ставят знак равенства между популярностью, известностью, знаменитостью, а другие относятся к популярности с иронией. Что ж, основания для иронии есть. Рассуждая о популярности песен, мы оставляем на втором плане вопрос, на мой взгляд, важнейший: хороша или плоха популярная песня? Умна или глупа? Оригинальна или повторна? Значительна или пустякова? И еще немаловажное обстоятельство — сроки популярности: концертный сезон или жизнь одного или нескольких поколений?

Еще одно предварительное условие: будем говорить о советской песне. Согласимся, что это особый жанр, что у него есть история, что у песен, о которых мы будем говорить, есть или может быть биография, сплетенная с человеческими судьбами.

Я отнюдь не против эстрадной песни — «нóмера», «шлягера». Эстрадные песни существовали раньше, чем утвердилась советская песня, эстрада, и зритель в них нуждается, почти с самого своего истока советская песня шла к людям и с эстрады тоже.

Но эстрадное исполнение для советской песни — лишь один из путей в народ, одна из модификаций, что и отличает ее от чисто эстрадной песни.

Популярность той или иной песни еще не есть Знак качества. При всем уважении к радиослушателям и их

письмам я не считаю главным критерием эти письма. Когда оценка подводится по количеству голосов, личная песня заранее имеет преимущество. На эстраде получила все права (говорю серьезно!) — песня-пустячок, шутилка пропевка, песенка-танец.

У этих произведений все шансы понравиться. Вновь требуется уточнение: понравиться или полюбить, стать спутницей жизни всерьез и надолго или вскорости оказаться ненужной, поскольку уже появилась новая песенка, зазвучал новый пустячок?

Я считаю важнейшей, едва ли не главной проверкой песни ее долговечность.

Правда, разговор наш о секрете популярности песни осложняется: появилась песня, широко распространилась, но тут вмешивается скептик и говорит: подождите лет эдак десять — пятнадцать — только помноженная на время песня оправдывает свою популярность.

Конечно, современникам не терпится, они убеждены в неопровержимости своих сиюминутных оценок, а все же...

Ну, а в чем секрет популярности песни?

Знай я разгадку, наверное, в моем творческом багаже были бы только популярные песни. Однако ни у меня, ни у моих товарищей, поэтов и композиторов, нет и не может быть сплошных удач. Чередуется удача и неудача, популярные песни по-прежнему редкость.

И все же есть определенные предварительные условия для песни, которая может стать популярной, может стать знаменитой.

Песня должна быть новой, непохожей на песни, ранее известные. Обманчивая легкость повторения чужого успеха безнадежна. Только изобретение, только открытие! Песне противопоказано следование моде. Она не следовать моде обязана, а создавать ее...

Песня, какой бы она несерьезной ни была, написана может быть только всерьез! По душевной необходимости, вдохновенно, с полной душевной отдачей!

Чего греха таить, в среде начинающих поэтов бытует мнение, будто песню написать легче, чем, например,

стихотворение. Три строфы, а может, даже две, ну, и короткий припев — как просто! Я считаю, что песню сочинить очень трудно. В песне невозможны пустые, проходные слова — каждое слово под нагрузкой, каждое слово значительно. Порядок слов в предложении, в строке обязан быть единственно необходимым.

И все же в чем секрет популярности песни?

Есть обстоятельства, зависящие от авторов, но есть и объективные.

Вот, например, своевременность появления песни: атмосфера тридцатых годов вызвала к жизни и «Марш веселых ребят», и «Песню о Родине», и «Каховку», и «Марш энтузиастов».

То же можно сказать и о песнях Великой Отечественной войны. При всех не подлежащих опровержению заверениях и утверждениях, что песня — наше оружие, не громкие марши, а проникновенные лирические песни получили невероятное распространение на фронте. Думали ли авторы об этом? Вряд ли! Просто они жили жизнью народа, то, что было нужно ему, необходимо было и его поэтам и композиторам.

Песня не всегда напрямую и прямолинейно отвечает на запросы времени. Вот, к примеру, «Подмосковные вечера». Казалось бы, простенькая лирическая песня, а звучит она по всему миру как свидетельство прочности и человечности советского строя.

Я пишу песни давно: «В далекий край товарищ улетает», «Ты ждешь, Лизавета», «Моя любимая», «Все стало вокруг голубым и зеленым», «Морской ястреб», «Песня о Днепре», «Случайный вальс» выступают в свое пятое десятилетие, а «Ленинские горы», «Сормовская лирическая», «Родина слышит», «Если бы парни...» перешагнули за четверть века.

Размышляя о судьбе собственных песен, могу признаться, что при их создании не возникало тщеславных мыслей об успехе — просто необходимо было высказать то, что на душе.

По-разному шли они к людям. Одни внедрялись мгновенно, другие годами ждали своего часа.

Откровенно, я боюсь быстрого признания песни. Ведь случается, что песня воспринимается легко из-за того лишь, что идет путем проторенным, что в ней нет ничего нового. К новому еще надо привыкнуть, оно должно завоевать признание.

Проблема исполнительская тоже достаточно сложна. Сколько песен загублено неправильным, неточным, случайным выбором первого исполнителя! Хорошо, если адекватное исполнение находило песню позже. Но и в этих случаях не всегда удавалось исправить первое впечатление.

Нельзя слепо поддаваться исполни-

тельской моде. Мне, как поэту, особенно больно бывает слышать, как иные певцы из вокально-инструментальных ансамблей придают советской песне эдакий иностранный оттенок путем очень акцентированного произнесения самых обыкновенных русских слов. Каков смысл такой интерпретации?

А потом получаются конфузные ситуации: на каком-нибудь зарубежном фестивале наши артисты из всех сил стараются быть похожими на западных коллег.

Видно, не там иные наши молодые и одаренные исполнители ищут успеха. И вообще не слишком ли много думаем мы об успехе? Достигают ли цели бесконечные конкурсы, фестивали, смотры? Есть песни, испорченные пышным исполнением в духе циркового антре. Пришлось мне не так давно засесть в жюри Всесоюзного конкурса молодых исполнителей советской песни. Знакомство с красивыми и звонкоголосыми юношами и девушками радовало всех нас, оказавшихся в положении маститых...

Одна из исполнительниц, прошедшая на второй тур, появилась с тремя песнями — каждую из них она исполнила в другом платье. Добавлю, что мы ее не узнали на сцене — на первом туре были еще две песни и соответственно еще два платья.

Так я и не понял, что происходило — показ мод или показ песен? Мы смотрели прилежней, чем слушали. Будь этот случай единичным, не стоило бы о нем вспоминать: какой красавице не захочется показаться в оригинальном новом наряде? В чем я вижу здесь опасность для песни? В том, что ее отводят на второй план или на третий план, выводя на первый зрелище.

А песня должна быть главным, если уж о ней речь.

Не слишком ли увлеклись на телевидении облуживанием отдыха, устройством развлечения и увеселения? Советские люди благодарят за то, что их веселят и развлекают. Хорошо! Ну, а почему такое пренебрежение к песне-раздумью, к трагической или драматической песне? В области политической песни дело обстоит так: наш опыт дал прекрасный импульс, выросла и окрепла политическая песня на Западе. Отлично! Но мы несколько отстали, не поощряем, недостаточно пропагандируем политическую песню. В наше время торжества магнитофона, радио и телевидения исполнение песни играет немалую роль в ее популярности.

Вот сколько ответов набегало на вопрос о том, в чем секрет популярности песни. Разъясняют ли они мою позицию? Возможно. Но на вопрос все же исчерпывающе ответить не могут.

Может быть, и не надо? Пусть остается тайной?

— Она не будет жить долго. В ней нет ударной, запоминающейся фразы.

Тогда, в пылу молодого задора, я не согласился со старейшим мастером нашей эстрады. «Почему обязательно должна быть эта самая фраза? — думал я. — Ведь есть много популярных песен и без какой-то моментально запоминающейся строчки». Но как показало время, Леонид Осипович оказался прав. Песня «не зазвучала».

Тем не менее для меня до сих пор вопрос «крючка» остается спорным. Думаю, для популярности песни это условие не обязательное. Одно время для многих композиторов это самое слово «крючок» стало самоцелью. Они пытались использовать поговорку, пословицу, какую-нибудь присказку или же привычное, неоспоримое выражение типа «на тебе сошелся клином белый свет». Согласитесь, против такой формулы трудно что-либо возразить, к тому же она быстро запоминается, и ее поют. Я и сам искал для своих песен подобные выражения, чего греха таить. Иногда удавалось. Песню подхватывали, она жила несколько лет. Но чаще проходила мимо слушателей. Стало быть, дело не в «крючке» или не только в «крючке». Но тогда в чем?

Почему иные не заслуживающие того песни становятся популярными? Почему их поют и с эстрады и напевают повсюду? Видимо, это происходит потому, что такую песню не надо разучивать. Она не

сложна ни мелодией, ни стихами, не заставляет задумываться. Чаще всего в ней заключены какие-нибудь «жесткие» страсти. Один очень известный молодой композитор как-то сказал мне: «Не тем вы все занимаетесь! Надо взять модную интонацию, которая сама будет лезть в голову, да к ней легко запоминающиеся стишки — и шлягер готов». И еще он говорил: «Я пишу только шлягеры».

Вот здесь и заключена, на мой взгляд, опасность. Опасность примитивизации. Когда авторы сознательно бросаются в погоню за шлягерами. Не думаю, что главную роль играет финансовая сторона. Скорее честолюбие, желание прославиться. Человечески это вроде бы и понятно. Обидно, когда твоё произведение не «подхватывают». Ведь когда задумываешь и пестуешь свое дитя, конечно, хочешь, чтобы его любили и другие, как любишь ты сам. Но если для автора важен только сиюминутный успех — это непорочно. Ведь шлягер страшен не популярностью, а всеядностью. Как лавина, он грозит заполнить мир музыки. Хорошим песням порой трудно выжить под таким бешеным напором безвкусицы. И здесь важен контроль людей, от которых зависит, появится песня на людях или нет. Они должны быть не только музыкально образованы, но просто обязаны иметь вкус.

Хорошо, если автор обладает деловыми качествами и сам может проследить за своим дитяцем до

конца, до встречи со слушателем. А если нет? Ведь одна и та же песня может прозвучать по-разному. От исполнителя тоже зависит, убить песню сразу же или дать ей долгую жизнь. Не меньшую роль играет аранжировщик. Тогда песню не только прекрасно исполнят, это само собой разумеется, но и привнесут в нее что-то новое, оригинальное.

Радостно наблюдать, что ребята увлекаются музыкой, создают вокально-инструментальные ансамбли. Я часто езжу по стране, видел такие ансамбли и в небольших городках и в деревнях — всюду. Все это прекрасно. Что же плохо? То, что нет никого, кто бы помогал самостоятельным коллективам. Чтобы ребята знали, что такое хорошо. Ведь в подобных ансамблях репертуар зачастую не просто скверный — вопиюще пошлый. А они играют на танцплощадках, в клубах, дворцах культуры — среди людей большей частью молодых и очень восприимчивых. Каждый музыкант обязан помнить о своей ответственности перед аудиторией, знать, что его «неудача» — назовем это так — тоже воспитывает те вкусы молодых, которые точнее всего определяются словом «дурные».

И считаю, думать надо не о популярности, не о моде. Главное — совесть художника. И если это для музыканта действительно главное в его творчестве, то, говоря словами одной хорошей песни, «слава его найдет».

Улица Асула — обыкновенная улица; она не в старом Таллине и не в самом новом, а как бы в «среднем», куда не возят туристов: считается, что ничего тут особенного нет. Обычные дома, похожие друг на друга, обычная архитектура. Второй этаж, квартира четыре, на маленькой табличке маленькие буквы: «Йоала», и сам он распекает за дверью. Я стояла и слушала. Две девчонки пробежали мимо и засмеялись. Счастливые, каждый день слушают знаменитость, и билет покупать не надо. Пожилая женщина замедлила шаг: «Хорошо поет сосед».

— В Таллине я редкий гость, — грустно заметил Яак в начале разговора, — на дом «приходится» всего четыре дня в месяц. Жена обижается: «Это ужасно! Нам с сыном только и остается видеть тебя по телевизору и беседовать с тобой по телефону. Январю уже шесть, ему нужно побольше бывать в обществе отца». Конечно, Дорис права, плохо, когда люди постоянно разлучаются. Они там, в Таллине, а я где-нибудь за тысячу верст. Все думал: вот возьму отпуск — уже два года без него, — поедem куда-нибудь втроем. Опять не получилось. После Сопота сразу начались гастроли...

— Ваша работа сделала вас настоящим путешественником.

— Я всегда жил в небольших городах. Сначала в Виллянди, где родился, потом переехал в Таллин. У нас в Эстонии города такие компактные, уютные. И вот я жил в своем «игрушечном» Таллине и далеко никуда не отлучался. А стал ездить на гастроли, понял, какая огромная моя страна, какая красивая, какие в ней живут хорошие, добрые люди. И даже когда зимой вдруг попадаешь куда-нибудь на север и на улице мороз под тридцать — тебе тепло. Ведь главное, чтобы люди холодными не были. Знаете, я уже вполне мог бы стать обладателем значка «Турист СССР»: только за год побывал в Киеве, Одессе, Челябинске, Ташкенте, Ростове-на-Дону, Казани, Волгограде, Перми. Но только артисты или их близкие знают истинную цену всему этому. Истинную цену «легкомысленной» эстраде.

Яак Йоала:

КАЖДАЯ ПЕСНЯ — МАЛЕНЬКАЯ ИСТОРИЯ ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ

— Яак, и перед вами когда-то стоял вопрос: кем быть, который вы решили счастливо. Но легко ли это было?

— Счастливо, но не совсем легко. Долго я разрывался между двумя страстями — между нежной флейтой и грубым автомобилем. Но все по порядку. Музыка окружала меня с детства благодаря маме — она музыковед. В три года я спел арию из оперы «Аида». Близкие пришли в восторг и решили, что судьба моя определена. Родители стали водить меня на концерты классической музыки, а я на них упорно засыпал. Но они не отчаивались. Когда мне исполнилось семь, записали не в простую общеобразовательную школу, а с музыкальным уклоном — взрослые всегда своего добиваются. Я же совершенно этого не хотел. Мне было ужасно тоскливо сидеть дома и петь сольфеджио, когда за окном друзья запускали змея или гоняли мяч. Словом, в эти годы я, как самый типичный вундеркинд, «варился» в Бахе и Моцарте. Но потихоньку от мамы пел под гитару на школьных вечерах. А однажды в летние каникулы устроился на авторемонтный завод и увидел там «карты». С этого все и началось. В общем, к тому времени и музыка для меня стала делом серьезным и картинг — тоже не шуткой. Я продолжал разрываться на части, и казалось, в конце концов рухну от напряжения, потому что если я что-то делаю, то выкладываюсь максимально. И все-таки я поступил в училище по классу флейты. Но пока картинг оставался, он шел параллельно...

— А вы ноктюрн сыграть могли бы на флейте водосточных труб?

— Тогда, конечно, — вполне серьезно ответил Яак. — Я действительно был так увлечен тем и другим, что слышал свои ноктюрны, играя на

флейте и сидя за рулем «карта». И все-таки подступил выбор. Я понял: нельзя идти сразу по двум дорогам. И выбрал музыку. Но спорт не помешал, а помог мне в пении. Ведь спорт — это воля, собранность, дисциплина, а все это необходимо певцу.

— Почему все-таки из всех музыкальных инструментов вы выбрали именно флейту?

— Знаете, хороший флейтист «на вес золота» в любом джазовом ансамбле. А я считал: уж если быть музыкантом, то непременно джазовым. И потом казалось, на маленькой флейте быстрее и легче научиться играть, чем на большом фортепиано. Я тогда и не подозревал, какой это сложный и коварный инструмент, как будет от него немать губы и деревенеть пальцы. (В музыкальном училище освоил еще гитару, юнику, фортепиано.) Но ничто даром не проходит. Этот маленький деспот, как я иногда называю свою флейту, все-таки сослужил мне добрую службу: научил правильному дыханию. Дыхание — существенный момент в пении, над его постановкой бьются годами в музыкальных училищах и консерваториях. Игра же на флейте требует большого объема легких и умения рационально использовать запас воздуха.

— Когда и как вы впервые вышли на сцену?

— Дебютировал в ансамбле «Кристалл». В его составе выступил впервые в жизни на республиканском телевизионном конкурсе инструментальных ансамблей. Это случилось в 1966 году. «Кристалл» стал победителем, и Кикерпуу, известный эстонский композитор и редактор музыкальных передач на телевидении, предложил нам выступить с часовой программой на голубом экране. «Только с одним условием, — сказал Кикерпуу, — кому-то придется петь. Целых шестьдесят минут инструмен-

Фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА

Рассказывает журнал «Элан» (ФРГ)

Вечер с Сантаной... Захватывающий концерт — и интересный разговор: у Карлоса Сантаны есть что сказать, нечто иное, нежели рекламные заклинания...

Пульсирующий ритм. Песни словно заряжены энергией. Кому удастся во время исполнения «Джинго» держать руки на коленях, тот или глух или парализован. Виртуозное владение гитарой, похоже, заставляет откликаться какие-то внутренние струны в тебе самом. Необыкновенное сочетание латиноамериканской ритмики и джаза, рока и блюза — настоящее музыкальное пакомство! Новая пластинка группы — «Марафон» — так и искрится жизнерадостностью, юмором, новыми идеями и находками. При всем успехе, «золотых дисках» и переполненных залах, эта группа сохранила то, что многие другие так называемые «суперзвезды» уже давно выкинули за борт: естественность, скромность, свежесть, удовольствие от музыки и от выступлений. И это замечать не только во время концерта, не только когда они многократно «бисируют» свои номера, но и в разговоре после концерта. Карлос Сантана, признанный «гигант рока», оказывается внимательным и терпеливым собеседником, который не смотрит ежeminутно на часы, он откровенен и точен в своих ответах, дружелюбен и прост в поведении.

Какую музыку он предпочитает? Карлос Сантана: «Музыка всего мира во-

гальной музыки — это многовато для слушателей». Тогда я сказал: «Ладно, я попробую». И спел несколько песен. С поры той телепрограммы я — эстрадный певец. И, скажу вам, по-моему, это довольно опасная профессия — для тех, кого излишне поначалу обласкивают. Три-четыре года успехов — и иллюзия, что стал «кем-то», а потом часто разочарование чуть ли не на всю жизнь, и многие, увы, не могут понять, почему спустя некоторое время никто уже не предлагает им выступления, почему вдруг исчезли толпы поклонников, друзей... А на эстраде, известное дело, вакантное место занимает кто-то другой, так сказать, новый «идол», которого после нескольких лет успехов заменит следующий «микрочфонный» голос. Я знаю об этом, как теоретически об этом знают все. И потому часто заставляю себя убежать от некоторых на первый взгляд «соблазнительных» предложений: не соглашаюсь на записи, выступления в случайных развлекательных программах, отказываюсь от многих песен, если они кажутся мне слабыми, заставляю себя работать, когда не очень хочется.

— С какими композиторами вам было интересно сотрудничать? С какими хотелось бы работать снова?

— Я работал со многими композиторами и с большинством из них снова хотел бы встретиться. Это мои земляки: Кикерпуу, Ойт, Кармо. И еще Мартынов, Тухманов, Зацепин, Журбин. Особенно мне повезло с Раймондом Паулсом. Я спел в Сопоте его песню «Подберу музыку», и она стала лауреатом.

Когда меня спрашивают о причинах моего успеха в Сопоте, я отвечаю, что много работал, старался, а про себя думаю: все это так, конечно, но, наверное, еще и потому все так удачно получилось, что, когда пел: «Подберу музыку к глазам. Подберу музыку к лицу», — представлял Дорис и пел именно для нее.

— По какому принципу вы отбираете песни в свой репертуар? Что тут для вас важнее: мелодия или текст?

— Не знаю, назовешь ли это принципом... Самое главное: песня должна мне понравиться с первого взгляда. Да, как человек. Потому что в песне, как и в жизни, для меня важно первое впечатление. Теперь что важнее? Песня — музыкально-поэтическое произведение. Значит, здесь одинаково важны и текст и мелодия. Они друг без друга не могут жить в этом случае. Необходимо, чтобы стихи были настоящие, чтобы в них мысль и чувства были, чтобы заставляли думать. А не набор слов в рифму. Как-то я услышал по радио песню, в которой без конца повторялось: «Понимаешь, милый?» Я так ничего и не понял. Без музыки стихи не споешь, понятно. И потому она тоже должна быть настоящей. Ведь музыка — особая форма отражения жизни, ее проблем. Не помню, кто сказал: «Музыка

выражает отношение к происходящему, выражает всегда, даже тогда, когда кажется, что она ничего не выражает». Хорошо? Словом, каждая песня — маленькая история из жизни, может быть, даже из моей. Так получилось с песнями «Подберу музыку» Паулса и Вознесенского, «Фотографии любимых» Тухманова и Харитоновна.

— Говорят, Йоала «повзрослел». Это как-то отразилось на репертуаре?

— Разве можно сказать про человека «повзрослел», если он стоит на пороге своего тридцатилетия. Так что я уже... в возрасте. И беззаботного Йоала эпохи «Солнечных часов» нет. Сегодня стал строже относиться к репертуару. Не хочу «шедевров» на один день. Я получаю много хороших песен, но спеть все и не пытаюсь: нельзя объять необъятное — во-первых, а во-вторых, не все они мои, не все созвучны моей душе.

— У вас есть кумиры, Яак?

— Клифф Ричард. Был и есть. Артист с яркой индивидуальностью. Смотрите, сколько всяких течений и направлений родилось и умерло, сколько «звезд» погасло, а он есть. Из наших эстрадных певцов с большим уважением отношусь к Софии Ротару, Алле Пугачевой.

— Вы как-то заметили: «На гастролях день очень длинный, намного длиннее, чем дома». И чем вы его заполняете? Ведь концерты только вечером?

— Смотрю город, окрестности. Вообще столько всего нового узнаешь! Часто приходится бывать с концертами на заводах и фабриках. Я уже познакомился с массой всяких производств. Знаю теперь, как делают тракторы, макароны, гвозди. Недавно в Куйбышеве побывал на шоколадной фабрике «Россия». Очень интересно и... вкусно.

— Яак, вам так часто приходится выходить на сцену, вы, наверное, уже привыкли и вовсе не волнуетесь?

— Когда я еще только начинал петь на профессиональной эстраде, перед выходом я бывал сам не своей, холодели руки, из головы, казалось, все вылетало, и я думал: скорее бежать отсюда подальше, к чему мне эта нервозность?! Так, в Сопоте выхожу на сцену Лесной оперы, ноги ватные, думаю: международный конкурс, такой масштаб, я-то здесь при чем... Но все кончилось хорошо. И уже, казалось бы, ко всему пора привыкнуть, но все равно волнуешь перед каждым выступлением. Какой-то крохотный чертик сидит внутри и не дает никогда успокоиться. Вообще если артист за пять минут до выхода преспокойно уплетает яичницу, если ему плевать на все, значит, дела его плохи, он уже ремесленник.

— Кстати, влияет ли на ваше выступление «величина» сцены?

— Хотите сказать, на маленькой провинциальной эстраде я могу меньше растрачиваться, побережечь про запас силы, энергию? Так?

— Примерно.

— Нет, не могу. И выкладываюсь одинаково в залах любого размера. Ведь есть масса людей, которые не могут приехать в большой город на концерт. Но этим людям тоже нужна песня. И я должен спеть для них ничуть не хуже, а даже лучше, чем на солидной эстраде. Чтобы люди, уходя с концерта, не сказали: «Потерянное время». По-моему, это самые обидные слова для артиста. Значит, его искусство не дошло до ума и сердца слушателей, то есть вечер прошел впустую. В общем, если люди пожертвовали для меня свободным временем, я не имею права их разочаровать. И еще: там, в провинции, не такой уж богатый выбор для зрителей, часто мы, гастрольная группа, единственное вечернее культурное мероприятие в маленьком городе. Тут уж надо стараться изо всех сил: ведь по нас судят обо всей эстраде.

— Яак, когда вы возвращаетесь в Таллин...

— То у меня бывает полно работы. Во-первых, выступаю со своей группой «Радар». Мы постоянно готовим что-то новое. Летом принимали участие в культурной программе Олимпиады. Основная наша концертная площадка была на Таллинской регате, но ездили также в Москву, Ленинград. Сейчас снова готовим «премьеру», но это пока секрет.

Во-вторых, когда возвращаюсь в Таллин? Я иду на радио. Там у нас со звукорежиссером Эдуардом Каттаем тоже дел хватает. Работа в студии звукозаписи доставляет мне истинное удовольствие. И если со мной что-нибудь случится вдруг — видите, я говорю уже как старик — ну что-нибудь такое, из-за чего я не смогу выступать, вдруг потеряю голос, тогда пойду... в звукорежиссеры. Это самая интересная работа... после пения, конечно.

— Работа, работа — это слово чаще всего встречается в ваших ответах. Но ведь есть же, наверное, и хобби?

— Если появляется свободное время, люблю посидеть в четырех стенах собственной квартиры, чтобы вокруг ни зрителей, ни слушателей. Но эта жажда одиночества быстро проходит. Впрочем, это не хобби. Тогда вот так. Мое хобби: музыка, музыка, музыка! Слушать, играть, сочинять, импровизировать. Но свои сочинения пока никому не показываю, прячу в «дальний ящик».

— Некоторые ваши читатели считают, что лишь классическая музыка будит мысль, заставляет ра-

Карлос САНТАНА:

ЕСЛИ БЫ Я БЫЛ ПРЕЗИДЕНТОМ

одушевляет и обогащает меня — это касается и немецкой, и русской, и американской, и мексиканской музыки. Сам я пытаюсь рассказать о том, что чувствую, что у меня на сердце. Музыка — мое оружие».

Карлос Сантана, мексиканец по происхождению, с детства познакомился с бесправием горькой жизнью самых бесправных среди сельскохозяйственных рабочих Калифорнии — «чиканос». Выходцы из Мексики и Пуэрто-Рико и в больших городах Америки относятся к беднейшим из бедных, населяющих кварталы трущоб. Аварийные дома с замызганными, обшарпанными стенами, рекорды детской смертности и безработицы, наркотики и болезни — вот приметы безрадостных будней. И дискриминацию своих земляков в США Карлос Сантана не может забыть: «Конституция Соединенных Штатов провозглашает: «Каждый человек обладает равными правами». Но этого равенства не существует, — говорит Сантана. — У нас не хватает сил, чтобы добиться его... Власть в Америке в руках тех, кто имеет много денег. Президент — марионетка. Он не располагает властью. Его контролирует тот, у кого деньги. Сегодня мы знаем, что правительство — на одной стороне, а народ — на другой...»

Религиозные и гуманистические взгляды Карлоса Сантаны с неизбежностью должны были привести и привели его к конфликту с американским аппаратом власти. «Они не могли заставить

меня пойти в армию, — рассказывает наш собеседник. — Мне заявили: «Мы отправляемся во Вьетнам». Я сказал: «Нет». Они спросили: «Почему?» Я ответил: «Это не моя война. Это не мои враги. Вы, а не они — вот кто мои враги. Это вы лишаете нас равных прав». Они не призвали меня в армию, должно быть, опасались, что я буду подрывать моральный дух остальных солдат...»

Начало его пути — выступления в дешевых пивных калифорнийских «гетто». Но и выбравшись «наверх», став признанной международной «звездой» рок-музыки, Сантана не изменил себе. Он дает концерты, сборы от которых идут в пользу жертв землетрясения в Никарагуа, для школьников «цветных гетто» Сан-Франциско, заключенных калифорнийских тюрем...

У Карлоса Сантаны отчетливые и ясные представления о том, какой могла бы стать его страна, если бы жизнь в ней определялась не стремлением к деньгам и власти, не невежеством и эгоизмом. «Для меня, — говорит он, — власть означает ответственность. Власть — не вопрос бюрократов. Если бы я был президентом, я попытался бы открыть всем подлинное сердце Америки, в котором живут правда, справедливость и равенство. Если бы я мог, я объяснил бы людям, что нам нужно не оружие, нам необходим свет мудрости и образования. Слишком много тьмы. Свет разума — вот в чем мы так нуждаемся в Америке...»

ботать мозг, а эстрадная, в особенности рок-музыка, кроме нескольких приятных минут да расширяющей впоследствии нервной системы, ничего не дает. Что вы думаете по этому поводу?

— Начнем с того, что сам я люблю разную музыку. И в зависимости от настроения с удовольствием слушаю Баха и импровизации Элтона Джона. Ну, а рок-музыка? Явление незаурядное. Это не только мое личное мнение, а мнение критиков-профессионалов. Не согласен, будто только классическая музыка «будит мысль», а рок только «расшатывает» нервную систему. Все зависит от качества музыки и доз, в которых ее воспринимать. Звуковой хаос, усиленный при помощи современных технических средств, нервы, конечно, не укрепляет. Но опять же не знаю, как я стану воспринимать любимого Баха, если он будет звучать в моей комнате двадцать четыре часа подряд.

Мои музыкальные пристрастия со временем меняются. Сегодня меня очень интересует джаз-рок. Его называют «высшей ступенью рок-музыки». Это все, конечно, спорно. Но определено одно: ранний рок-н-ролл, тот, который прапрадедушка джаз-рока, превратился в многосложную музыкальную форму. Тут и исполнители должны быть профессионалами в лучшем смысле слова, и слушателям требуется определенная подготовка. Помните, что сказал Дмитрий Дмитриевич Шостакович? «Современная музыка сложна. Но разве так уж просто сразу и до конца были понятны современникам Бетховен, Мусоргский, Скрябин?»

Современный рок напоминает губку. Ансамбли, исполняющие джаз-рок, используют в своих песнях обработки и интерпретации произведений Баха, Бетховена, Чайковского. И получаются вовсе не пародии на классиков, а интересные, достойные внимания вещи.

Я слышал, например, как один японец исполнил «Картинки с выставки» Мусоргского с помощью сложного синтезатора. «Картинки» я сразу и не узнал. Они совершенно преобразились, в хорошем смысле, в них появилось что-то фантастическое. Несколько странно, но любопытно. Каким будет рок в будущем? Кто предскажет? Может, исчезнет вовсе, уступив место старине, классике. А скорее всего достигнет наивысшего подъема, вобрав в себя самые различные стили. Ведь он уже «заинтересовался» ближневосточными мотивами, английскими детскими песенками, деревенскими балладами, классикой. И у этого направления в музыке все больше почитателей. Клифф Ричард, выступая в нашей стране, сказал: «Когда-то меня слушала только молодежь, теперь — люди от 15 до 50». А Клифф — «рокер» с двадцатилетним стажем.

В общем, я за эксперименты в музыке, ведь возможности ее невероятны.

— Нескромный вопрос, Яак. Вы когда-нибудь проваливались на концертах?

— Никогда. А если бы такое вдруг случилось, перестал бы выступать и занялся бы чем-нибудь другим, ну, может быть, картингом или водными лыжами, которые тоже очень люблю.

— Ваши пластинки спрашивала в Куйбышеве, Таллине, Ленинграде, Москве... Продавщицы из отделов грамзаписи пожимают плечами: «Яак, наверное, не любит записываться». Когда же будет большая пластинка?

— Одна была в 1975-м. Но это уже далекое прошлое. Новый диск не записываю не потому, что не люблю записываться. Просто пока не хочу «гиганта»: боюсь надоесть. Представляете, если из каждой квартиры многоэтажного дома будет разноситься мой голос. Яак Йоала превратится в стереотип.

— Вы, наверное, «в сорочке родились», Яак? Вам везет в вашем деле. У вас есть Дорис и Янар, которые всегда вас ждут. И люди на улицах узнают. Чего еще желать?

— Видели, наверное, по Таллину ходят трубочисты? Так вот, есть примета: оторвешь пуговицу от куртки этого черномазого приятеля — будешь счастлив. Я пуговицу оторвал еще мальчишкой. И вообще-то везло. Как-то неудобно говорить, но я счастлив. Когда узнают на улице — приятно. Но это не самое главное, это в конце концов временное явление: сегодня узнают, завтра перестанут. Быть счастливым и удовлетворенным не одно и то же. И собой я вовсе не всегда доволен. Послушаю иногда себя со стороны, и кажется, плохо. Надо больше работать. Тогда, может быть, решусь приехать в Москву со своим сольным концертом. Пока это для меня как далекий Олимп. Но я до него попробую добраться.

Беседу вела Елена МИХАЙЛОВСКАЯ

Литературный глобус «Смены»

СТАВКА НА МЕРТВОГО ЖОКЕЯ

Ирвин ШОУ

ПОВЕСТЬ

Перевод с английского
Ли Завьяловой

Смит вздохнул.

— У вас еще не пропал интерес?

— Еще не пропал, — ответил Барбер.

— Хорошо, — сказал Смит голосом, полным раскаяния. — Вот как все произойдет. Вам надо будет примелькаться. Вы несколько раз взлетите и сядете в каирском аэропорту. Ваши бумаги всегда будут в полном порядке. Они вас запомнят. Ваше появление на летном поле станет обычным. И когда вы полетите уже один, все пройдет так же, как обычно. У вас будет с собой только небольшая сумка с личными вещами. На вашей летной карте будет отмечено, что пунктом назначения являются Канна и что вы сделаете промежуточные посадки на Мальте и в Риме только для заправки. Вы взлетите с каирского аэродрома. Затем отклонитесь от курса всего на несколько миль. Чуть в сторону от побережья — и вы полетите над пустыней. Вы сядете на старой взлетной полосе английских ВВС, которой не пользовались с 1943 года. Там вас встретят несколько человек... Вы слушаете?

— Слушаю, — ответил Барбер. Он отошел к окну и стоял там, глядя на улицу, освещенную солнцем, повернувшись спиной к Смит.

— Они погрузят ящик в самолет. Все это займет не более десяти минут, — продолжал Смит. — На Мальте вас никто ни о чем не спросит, вы не покинете самолет и пробудете там ровно столько, сколько надо для заправки. То же самое в Риме. Вы прибываете на южный берег Франции вечером, до восхода луны. И тут вы еще раз, — Смит говорил, как бы смакуя слова, — немного отклонитесь от курса. На небольшой высоте вы перелетите холмы между Каннами и Грассом. В условленном месте вы увидите огни, расположенные в определенном порядке. Вы снизитесь еще больше, откроете дверь и с высоты ста футов выбросите ящик. Потом закроете дверь, повернете в сторону моря и сядете в Каннах. Ваши бумаги будут в полном порядке. Никаких отклонений от намеченного маршрута не произойдет. Вам не придется ничего предъявлять на таможене для досмотра. Вы покинете самолет раз и навсегда, и за это мы заплатим вам двадцать пять тысяч долларов, о которых я вам уже говорил. Чудненько, правда?

— Просто замечательно, — ответил Барбер. — Планчик лучше не придумаешь. — Он повернулся от окна. — А теперь скажи мне, Берти, что же будет в этом ящике?

Смит захихикал так, будто его распирало от веселья и он не мог сдержаться.

— Деньги, — сказал он. — Всего лишь деньги.

— Сколько?

— Весом в двести пятьдесят фунтов. — У глаз Смита от удовольствия образовались морщинки. — Пачки английских банкнот, плотно упакованные в легком, но прочном металлическом ящике. Пятифунтовые купюры.

В этот момент Барбер подумал, что говорит с лунатиком. Но перед ним сидел Смит, пылуший здоровьем и деловой, непохожий на человека, который хоть раз в жизни усомнился в своей психике.

— Когда мне заплатят? — спросил Барбер.

— После доставки ящика, — ответил Смит.

— Слушай, Берти... — Барбер покачал головой.

Смит захихикал.

— Я всегда говорил себе, что вы не глупы, — сказал он. — Ладно. Мы переведем двенадцать тысяч долларов на ваше имя в швейцарский банк еще до первого полета в Египет.

— Ты мне так доверяешь?

Улыбка сползла с лица Смита.

— Да, мы вам доверяем. — Тут улыбка появилась снова. — Сразу после доставки груза мы переведем остаток. Превосходная сделка. Твердая валюта. Никакого подоходного налога. Вы станете богатым. Полубогатым. — Он захихикал собственной шутке. — Всего небольшой полет на самолете. Чтобы

помочь египтянину, который обожает юг Франции и не без основания озабочен неустойчивой ситуацией у себя на родине.

— Когда я встречу с этим египтянином?

— Когда вы придете на взлетное поле и отправитесь в первый полет, — сказал Смит, — он уже будет там. Не волнуйтесь. Он уже будет там. Вы что, еще колеблетесь? — опасно спросил он.

— Я думаю, — ответил Барбер.

— Учтите, все это не имеет никакого отношения к вашей родине, — сказал Смит. — Я бы даже не предложил ничего такого человеку, который сражался за свою родину на войне. И это не имеет никакого отношения к англичанам, к которым вы, возможно, питаете любовь. Ну, а египтяне... — Он пожал плечами, нагнулся и поднял конверт из плотной бумаги. — Здесь у меня все карты, если вы хотите с ними ознакомиться? Маршрут отмечен, но, разумеется, в конечном счете полет совершаете вы.

Барбер взял толстую пачку карт и открыл одну наугад. На нее были нанесены подходы к Мальте со стороны моря и расположение взлетно-посадочных полос. Барбер подумал о двадцати пяти тысячах долларов — и карта дрогнула в его руках.

— Все это до смешного просто, — сказал Смит, наблюдая за Барбером. — Детская игра.

Барбер положил карту.

— Если это так просто, за что вы мне платите двадцать пять тысяч долларов?

Смит рассмеялся.

— Признаюсь, что существует небольшой риск. Это невероятно, но поди знай. Если хотите, то мы платим вам за ничтожно малую долю риска. В конце концов, война должна была выработать у вас иммунитет к риску.

— Когда я должен дать ответ?

— Сегодня вечером. Если вы откажетесь, нам, естественно, придется изменить свои планы. А мой египетский друг такой нетерпеливый.

— Кто это мы? — спросил Барбер.

— У меня, конечно же, есть коллеги, — ответил Смит.

— Кто они?

Смит развел руками, выражая сожаление.

— Мне ужасно неприятно, но я не могу ответить на этот вопрос.

— Я позвоню вам вечером.

— Хорошо.

Смит встал, застегнул пальто, надел мягкую итальянскую шляпу чуть набок, так что она сидела на нем немножко старомодно. Он провел пальцами по ее полям, выверяя наклон.

— Сегодня после обеда я собираюсь на ипподром. Может быть, вы присоединитесь ко мне?

— А куда именно?

— В Отейе. Там сегодня скачки с препятствиями.

— У вас есть уже какие-нибудь сведения?

— Кое-какие. Там будет кобыла, которую выпускают в первый раз. Жокей говорит, что она очень хорошо показала себя на тренировках, но подробности я узнаю только в три часа.

— Я приду.

— Хорошо, — обрадовался Смит. — Хотя это и не в моих интересах — чтобы вы разбогатели раньше времени, — захихикал он, — но дружбы ради... Оставить вам карты?

— Да, — ответил Барбер.

— Увидимся в три, — сказал Смит, когда Барбер открыл перед ним дверь. Они пожали друг другу руки, и Смит вышел в коридор — одетая в твид фигура богатого человека, от которого пахло духами, в тусклом свете слабых лампочек.

Барбер запер за ним дверь, вынул из конверта карты и разложил на смятых простынях и одеялах.

Давнишнее он не видел авиационных карт. Северный Египет. Средиземное море. Мальта. Сицилия и побережье Италии. Генуэзский залив. Морские Альпы. Он внимательно рассматривал карты. Средиземное море показалось ему очень широким. Ему не нравилось летать над открытым морем на одно-

Окончание. Начало в № 23.

Рисунок Владимира ДЕЛБЫ

моторном самолете. По правде говоря, ему вообще не хотелось летать. После войны он старался делать это как можно меньше. Он не искал объяснения, но, отправляясь в поездку, всегда предпочитал автомобиль, поезд или пароход.

«Двадцать пять тысяч долларов!» — подумал он. Он аккуратно сложил карты и спрятал их обратно в конверт. В данной ситуации карты не могли ему помочь. Он снова прилег, откинувшись на подушки и заложив руки за голову. «Открытое море, — подумал он, — пять раз». Но и это не самое страшное. А вот как насчет египтянина? В войну Барбер побывал в Каире. Он вспомнил, что ночью полицейские ходили там по двое, вооруженные карабинами. Ему не нравились страны, где полицейские носили карабины. А египетские тюрьмы...

Он заворочался на кровати. Кто знает, сколько человек замешано в таком деле. И достаточно одному наступать. Один недоброжелательный слуга или какой-нибудь жадный и пугливый сообщник... Он закрыл глаза и почти наяву увидел, как толстые полицейские в темных мундирах, вооруженные карабинами, подходят к блестящему новому самолету.

Или, предположим, спустит шина или сломаются шасси при посадке. Кто знает, в каком состоянии посадочные дорожки, заброшенные в пустыне с 1943 года.

Двадцать пять тысяч долларов. Или, предположим, ты согласишься. Ящик лежит с тобой рядом на сиденье, позади, все ниже и ниже, остается Египет, под тобой простирается голубое море, и двигатель работает как часы. И... вдруг патруль. Колеблющаяся точка вдали вырастет... На чем летают египетские ВВС? На «спитфайерах», оставшихся с войны, предположил Барбер. Они быстро нагоняют тебя: их скорость в два раза больше, подадут сигнал поворачивать...

Он закурил, занявшись в уме подсчетом денег в чудесном ящичке, который он должен сбросить между Каннами и Грассом. Сумма получалась кругленькая, особенно в пересчете на доллары.

У Барбера пересохло во рту. Он встал и выпил два стакана воды. Потом заставил себя сесть на стул и унять дрожь в руках. Если произойдет авария или по той или иной причине ему не удастся выполнить задание... Если деньги пропадут, а сам он сумеет спастись... Смит не походит на убийцу, хотя кто знает, как выглядят убийцы в наши дни. И кто знает, что представляют собой люди, замешанные в это дело. Мои коллеги, как назвал их Смит, кто они — его будущие коллеги? Богатый египтянин, несколько человек на старой взлетной дорожке британских ВВС в пустыне, люди, которые должны в условленном порядке расставить огни на холмах за Каннами. Сколько еще других, которые тайно переходят границу, незаконно перебираются из одной страны в другую, вооруженные пистолетами и с золотом в чемоданах — всех, кто уцелел от войны, тюрем, закона. Сколько еще других неизвестных, которых ты увидишь лишь мельком в отблесках яркого африканского солнца или бегу-

щими по темному склону французских холмов, с кого и взятки гладки, но от кого зависит твоя жизнь. Они рискуют угодить в тюрьму, ссылку, пасть от полицейской пули ради своей доли в этом ящике, набитом купюрами...

Барбер вскочил, оделся и вышел, закрыв за собой дверь. Ему не хотелось сидеть в холодной, небранной комнате и рассматривать карты.

Весь остаток утра он бродил по городу, невидящими глазами смотрел на витрины и думал о вещах, какие купил бы, будь у него деньги. Отворачиваясь от витрин, он увидел полицейского, который смотрел на него безразличным взглядом. Барбер приоткрылся к нему: небольшого роста, ничем не примечательное лицо, тонкие усики. Глядя на полицейского, Барбер вспомнил рассказы о том, как они расправляются с подозрительными при допросах в задних помещениях участка. И американский паспорт не выручит, если они задержат тебя с кругленькой суммой английских фунтов под мышкой.

«Впервые в жизни, — думал Барбер, медленно шагая по запруженной улице, — я собираюсь преступить закон». Его удивило, что он думает об этом так спокойно. «Почему бы? Может, из-за газет и кино? Преступления становятся обыденным явлением, приемлемым для тебя. Ты не думаешь о нем, но когда вдруг оно входит в твою жизнь, осознаешь, что подсознательно воспринимал мысль о преступлении как почти нормальное явление повседневной жизни. Полицейские должны знать, что все люди однажды смотрят на вещи с другой стороны — противоположной закону. Они должны вглядываться во все замкнутые лица прохожих, чтобы распознать, кто собирается совершить кражу, убийство или уклониться от явки в суд. От такой работы можно рехнуться, и у них, наверное, появляется желание арестовывать всех подряд».

Когда Барбер наблюдал, как лошади переступали по размытой площадке на дрожащих ногах перед началом шестого заезда, он почувствовал, что его кто-то хлопнул по плечу.

— Берти, — не оборачиваясь, сказал он.
— Извините за опоздание, — сказал Смит, пристраиваясь рядом с Барбером у барьера. — Вы болялись, что я не приду?

— Что говорит жокей? — спросил Барбер вместо ответа.

Смит опасливо огляделся. Потом улыбнулся.
— Он совершенно уверен и ставит сам.
— На какой номер?
— На пятый.

Барбер посмотрел на номер пять. Это была гнедая с породистой благородной головой и тонкой костью. Грива и хвост были у нее заплетены, шкура блестящая. Она ступала напряженно, но не слишком нервно, изящно. Ее жокей — человек лет сорока с удлиненным французским носом — был уродлив, а когда он открывал рот, обнаруживалось, что у него почти нет передних зубов. На нем была каштановая жокейка, закрывавшая уши, и белая шелковая блуза с каштановыми звездами.

Глядя на него, Барбер пожалел, что такие уродливые люди скачут на таких красивых животных.

— О'кей, Берти, — сказал он, — пошли к окошку.

Барбер поставил десять тысяч франков на одну лошадь. Ставки были приличные — семь к одному. Смит поставил двадцать пять тысяч франков. Они пошли рядом и вместе поднялись на трибуну, пока лошадей выводили на дорожку. Зрителей было немного, и так высоко, на дорожных местах, оказалось всего несколько человек.

— Ну что, Ллойд, — спросил Смит, — ты смотрел карты?

— Да, смотрел.
— Ну и как?
— Это замечательные карты.

Смит бросил на него проницательный взгляд.
— Ты что, издеваешься? — сказал он. — Ты прекрасно знаешь, о чем я веду речь. Так ты согласен?

— Я... — начал Барбер, наблюдая, как лошади перешли на легкий галоп. Он сделал глубокий вздох, — скажу тебе после заезда.

— Ллойд! — послышался голос откуда-то снизу, правее, и Барбер обернулся в этом направлении. По ступенькам тяжело поднимался Джимми Ричардсон. Он всегда был полноватым и по-детски пухлым, а парижская еда никак не способствовала его похудению. Поэтому, устремляясь к Барберу, он запыхался, пальто у него расстегнулось и открывало клетчатую жилетку.

— Как поживаешь? — задыхаясь, спросил он, поднявшись в тот ряд, где сидели Смит и Барбер, и похлопал его по спине. — Я увидел тебя и подумал, может, ты что-нибудь знаешь про этот заезд. Я в этом деле ничтошеньки не смыслю и промаялся тут весь день. Мне на скачках жутко не везет.

— Привет, Джимми! — поздоровался Барбер. — Мистер Ричардсон, мистер Смит, — представил он.

— Рад познакомиться, — сказал Ричардсон. И тут же снова вцепился в предстоящий заезд. — Нет, правда, Ллойд, ты что-нибудь знаешь? Морин просто убьет меня, если я вернусь домой и скажу, что полдня потратил впустую.

Барбер покосился на Смита, который доброжелательно наблюдал за Ричардсоном.

— Вот Берти, кажется, удалось что-то узнать.
— Ну, пожалуйста, Берти! — взмолился Ричардсон.

Смит растянул рот в улыбке.
— Номер пять, похоже, в хорошей форме. Но вам следует поторопиться. Они вот-вот должны стартовать.

— Номер пять, — повторил Ричардсон. — Понял. Я туда и обратно.

Он побежал вниз, перепрыгивая через ступеньки так, что полы его пальто развеивались.

— Он доверчивая душа? — спросил Смит.
— Джимми был единственным ребенком в семье. Смит вежливо улыбнулся.

— Откуда вы его знаете?
— Он из моей эскадрильи.

— Из вашей эскадрильи, — кивнул Смит, задумчиво глядя вслед Ричардсону, фигура которого уменьшалась по мере того, как он устремлялся к кассе. — Он пилот?

— Ага.
— И хороший?

Барбер рассмеялся и пожал плечами.
— Лучших пилотов убили, а худших наградили всеми возможными медалями.

— Чем он занимается в Париже?
— Служит в фармацевтической компании.

Тут по звону колокола лошади устремились к первому препятствию.
— Боюсь, что ваш друг опоздал, — сказал Смит, поднося бинокль к глазам.

— Да-а, — ответил Барбер, наблюдая за лошадьми.

Номер пять упал на четвертом препятствии. Остальные всадники пронеслись мимо. Четвертое препятствие находилось далеко от трибуны, и было трудно разглядеть, что, собственно, произошло, пока, минуто спустя, кобыла не поднялась на ноги и не побежала легким галопом вслед за другими, волоча оборванные поводы. Тут Барбер увидел, что жокей лежит неподвижно, лицом вниз.

— Плакали наши денежки, — спокойно произнес Смит. Он отнял бинокль от глаз, достал билеты, разорвал и выбросил.

— Разрешите, пожалуйста. — Барбер протянул руку за биноклем. Смит перекинул ремешок через голову, и Барбер направил бинокль на отдаленное препятствие, у которого лежал жокей. Двое служителей уже подбежали к пострадавшему и переворачивали его.

Барбер навел на резкость, и расплывчатые фигуры двух людей, суетившихся у неподвижного тела в рубашке с каштановыми звездами, стали четкими. Даже сквозь линзы их движения казались до ужаса торопливыми и безнадежными. Подняв жокея с земли, они неуклюже отбежали с ним в сторону.

— Черт побери! — Это был Ричардсон, который снова поднялся к ним. — Окошко закрылось у меня перед самым носом...

— Не жалуйтесь, мистер Ричардсон, — сказал Смит, — мы упали на четвертом препятствии.

Ричардсон заулыбался.

— Мое первое везение за целый день.

Внизу перед трибунами скакала кобыла без наездника, стараясь не попасться в руки конюху.

Барбер не спускал бинокля с двух служителей, несших жокея. Внезапно они опустили его на траву, и один из них приложил ухо к белой шелковой блузе. Потом выпрямился, и они понесли тело дальше, но теперь шли медленно, как если бы спешить уже не имело смысла.

Барбер вернул бинокль Смигу.

— Я пошел домой. На сегодня с меня хватит спорта.

Смит приложил бинокль к глазам и навел на двух служителей, которые несли жокея. Потом положил бинокль в футляр и повесил на ремне через плечо.

— У них разбирается по меньшей мере один жокей в год, — тихо сказал он. — Ничего удивительного для подобного спорта. Я подвезу вас.

— Скажите, а этот парень мертв? — спросил Ричардсон.

— Он стал старым и слишком долго занимался этим делом, — ответил ему Смит.

— Бог ты мой! — глядя на дорожку, сказал Ричардсон. — А я-то расстроился из-за того, что не успел поставить на него. Вот была бы ставка, — сказал он с детской гримасой на лице, — ставка на мертвого жокея!

Барбер начал спускаться к выходу.

— Я с вами, — сказал Ричардсон, — сегодня у меня такой неведущий день.

Все трое спускались с трибуны молча. Внизу люди собирались кучками, и вокруг слышался странный шум, который становился все громче по мере того, как новость передавали из уст в уста.

Когда они подошли к машине, Барбер сел на заднее сиденье, предоставив Ричардсону возможность сесть рядом со Смигом впереди. Ему хотелось хотя бы немножко побыть одному.

Смит ехал медленно и молчал. Даже Ричардсон нарушил молчание только раз.

— Какая нелепая смерть, — сказал он, — в паршивом заявочном заезде.

Поставить на эту лошадь предложил Смит, подумал он, и услужливое воображение незамедлительно нарисовало карты, разложенные на кровати в его номере. Средиземное море. Морские просторы. Ему вспомнились запахи гари. Худший из всех. Запах раскаленного металла и тлеющей резины. Ставка Смита.

— Приехали, — объявил Смит.

Барбер открыл глаза. Они остановились на углу тушика, где находился его отель. Барбер сошел на тротуар.

— Подожди, Берти, — сказал он, — я должен тебе кое-что отдать.

Смит вопросительно посмотрел на него.

— Разве это к спеху, Ллойд? — спросил он.

— Да. Я сейчас вернусь.

Барбер поднялся к себе. Все карты были сложены стопкой на комод, кроме одной, которая лежала раскрытая рядом. Подходы к Мальте. Он быстро ее сложил, сунул все карты в плотный конверт и спустился к машине. Смит стоял у машины и курил, нервно придерживая шляпу рукой, потому что поднялся ветер, который гнал опавшие листья по мостовой.

— Возьми, Берти, — сказал Барбер, протягивая ему конверт.

Смит не взял конверт.

— Надеюсь, вы понимаете, что делаете? — спросил он.

— Конечно.

Смит и тут не взял конверт.

— Мне не к спеху, — мягко сказал он. — Почему бы вам не подержать их у себя еще денек?

— Спасибо, нет.

Смит молча смотрел на Барбера. На улице только что зажглись люминесцентные фонари, излучая неприятный бело-голубой свет, и мягкое лицо Смита выглядело припудренным.

— Только потому, что у препятствия упал жокей... — начал было Смит.

— Возьми, — повторил Барбер, — или я выброшу в водосток.

Смит пожал плечами. Он протянул руку и взял конверт.

— Второго такого шанса вам никогда не представится.

— Спокойной ночи, Джимми. — Барбер нагнулся, обращаясь к озадаченному Ричардсону, который сидел в машине и следил за их беседой. — Большой привет Морин.

— Слушай, Ллойд, — сказал Ричардсон, собираясь выйти из машины, — а не выпить ли нам? Морин

ждет меня домой не раньше чем через час. Может, пройдемся по нашим старым местам и...

— Увы, — сказал Барбер, которому больше всего на свете хотелось побыть одному. — У меня свидание. Как-нибудь в другой раз.

Смит повернулся и задумчиво посмотрел на Ричардсона.

— У вашего друга всегда свидания. Он пользуется успехом. Я и сам не против выпить, мистер Ричардсон. Вы окажете мне честь, если присоединитесь ко мне.

— Ну что ж, — неуверенно произнес Ричардсон. — Я живу в сторону ратуши...

— Это мне по пути, — улыбаясь, ответил Смит.

Ричардсон опять уселся на своем сиденье. Смит тоже начал было садиться в машину. Но остановился и поднял глаза на Барбера.

— Кажется, я ошибся в вас, Ллойд?

— Да, — ответил Барбер. — Я становлюсь старым. И не хочу слишком долго заниматься этим делом.

Смит захихикал и сел за руль. Они не попрощались за руки. Он хлопнул дверцей, и Барбер проследил, как машина выехала на проезжую часть — так, что таксисту, ехавшему сзади, пришлось изо всех сил нажать на тормоза, чтобы избежать аварии.

Барбер смотрел, как большая черная машина понеслась по улице, освещенной неприятным бело-голубым светом. Потом вернулся в отель, поднялся к себе в номер и с удовольствием растянулся на кровати, потому что после скачек всегда чувствовал себя разбитым.

Час спустя он встал. Ополоснул холодной водой лицо, чтобы окончательно проснуться, но даже после этого чувствовал апатию и пустоту. Он не испытывал голода. Не хотел пить. И продолжал думать о мертвом жокее в испачканной землей шелковой блузе. Ему никого не хотелось видеть. Он надел пальто и вышел, возненавидев свою комнату в тот момент, когда закрыл за собою дверь.

Он медленно пошел к площади Этюала. Была сырая ночь, и с реки плыл туман, и улицы были почти безлюдны, потому что все сидели по домам и ужинали. Он не смотрел ни на одну из освещенных витрин, потому что долго еще не собирался ничего покупать. Он прошел мимо нескольких кинотеатров с неоновыми вывесками в плывущем тумане. В фильме, думал он, герой летел бы сейчас в Африку. Множество раз он будет на грани провала в Египте, но избежит ловушки в пустыне и вовремя уберет несколько темнокожих на взлетной полосе. И, конечно, над Средиземным морем у него забарахлит мотор, волны будут доставать до крыльев, и в конце концов самолет затонет, но сам он не особенно пострадает, отделавшись фотогеничным шрамчиком на лбу. И, конечно же, он успеет выловить ящик. И еще окажется, что он служащий министерства финансов или агент британской разведки, и он ни разу не усомнился бы в своей удаче, и у него никогда не сдадут нервы, и к финалу картины у него в кармане не останется каких-то несколько тысяч франков. Или если это высокохудожественный фильм, то над холмами стелился бы густой туман, и самолет стал бы кружить и кружить, безнадежно заблудившись, пока у него наконец не иссякнет горючее и герой не рухнет на землю среди горящих обломков. Но при всех своих увечьях, едва держась на ногах, он попытается спасти ящик, но не сможет его сдвинуть, и в конце концов огонь заставит его отступить, и он прислонится к дереву с почерневшим от дыма лицом и разразится безумным смехом, глядя, как горят самолет и деньги, чтобы показать тщетность человеческих желаний и алчности.

Барбер мрачно улыбаясь, стоя перед огромными афишами кинотеатра и прокручивая сценарий. «В кино все получается гораздо лучше, — подумал он. — Там одно приключение следует за другим».

Он свернул с Елисейских полей и медленно пошел без определенной цели, пытаясь решить, что сделать сначала — поест или выпить. Почти автоматически он подошел к «Плаз-Атене». За те две недели, пока Смит обхаживал его, они встречались тут, в Английском баре, почти каждый вечер.

Барбер вошел в отель и спустился в Английский бар. И тут увидел Смита и Ричардсона, которые сидели в углу зала.

Барбер улыбнулся. Ну, Берти-бой, а ты времени даром не теряешь. Он подошел к стойке и заказал себе виски.

— Пятьдесят боевых вылетов, — донесли до его слуха слова Ричардсона. У Джимми был громкий голос, который разносился повсюду. — Африка, Сицилия, Италия, Юг...

В этот момент Смит увидел Барбера. Он холодно кивнул, без малейшего намека на приглашение. Ричардсон повернулся в своем кресле и смущенно улыбнулся Барберу, покраснев, как человек, которого застали с девушкой друга.

Барбер помахал им. Он задумался, не следует ли ему пойти, сесть рядом и попытаться отговорить Ричардсона от этого дела. Он наблюдал за ними двумя, пытаясь понять, что они думают друг о друге. Или, точнее, что Смит думает о Ричардсоне, потому что с Джимми все было простенько: кто ему ставил выпивку, тот становился ему другом по гроб жизни. При всем том, через что он прошел: война, женитьба, рождение детей, жизнь на чужбине — Джимми так никогда и в голову не приходило, что кто-нибудь может его невзлюбить или причинить ему зло. Если вы принимали Джимми, это называлось доверием. Если нет, это называлось глупостью.

Барбер внимательно наблюдал за лицом Смита. Он уже достаточно хорошо знал его, чтобы угадать ту или иную реакцию при внешнем спокойствии и нарочитой доброжелательности благополучного толстяка. Вот сейчас Барбер мог сказать, что Джимми Ричардсон надоел Смигу и он хочет от него отделаться.

Берту потребовалось около часа, подумал Барбер, чтобы, глядя в эти пустые глаза, слушая этот гулкий бесцветный голос, решить, что Джимми совсем не тот человек, который смог бы перевезти небольшой ящик с пятифунтовыми купюрами из Каира в Канны.

Барбер быстро допил виски и вышел из бара раньше, чем Смит и Ричардсон встали из-за столика. Этим вечером ему было совершенно нечего делать, но не хотелось оказаться за ужином в обществе Джимми и Морин Ричардсон.

С тех пор прошло почти два месяца, и никто не слышал о Джимми Ричардсоне вот уже тридцать два дня.

Потратив чуть ли не весь день на поиски, Барбер так и не напал на след Берта Смита. Его не было ни в ресторанах, ни на бегах, ни в художественных салонах или парикмахерских, саунах, барах. И никто не видел его уже несколько недель.

Было около восьми вечера, когда Барбер пришел в Английский бар отеля «Плаз-Атене». Он промок от ходьбы под дождем и устал, и его туфли намочили, и он чувствовал, что у него начинается простуда. Он оглядел бар — тут было почти пусто. Решив побаловать себя и с сожалением вспоминая о деньгах, потраченных за целый день на такси, он заказал виски.

Барбер потягивал виски в этом спокойном баре, снова и снова возвращаясь к мысли: «Я должен был предупредить Джимми». Но что он мог сказать? И Джимми бы не послушался его. Но он должен был сказать: «Плохие предзнаменования, Джимми, ступай-ка домой... Я видел, как самолет упал у четвертого препятствия... Я видел, как египтяне несли труп по вытоптанной траве... Я видел, как карты и шелк обгадились кровью».

Он не сказал ничего из того, что должен был сказать, и это обернулось горем молодой женщины, оставшейся без мужа, без денег и умоляющей о помощи, которая теперь может быть лишь запоздалой. Без денег — Джимми Ричардсон слишком глуп, чтобы попросить аванс.

Он вспомнил, как выглядели Джимми и Морин, улыбающиеся, возбужденные и по-юношески значительные, когда стояли рядом с полковником Самнерсом, командиром авиагруппы, на их свадьбе в Шревен-порте. Вспомнил, как самолет Джимми чуть не задел его над Сицилией. Вспомнил лицо Джимми, когда тот садился в Фоджо с горящим мотором. Вспомнил, как Джимми пьяно орал песни в одном из баров Неаполя. Вспомнил, как на следующий день после своего приезда в Париж Джимми заявил ему: «Парень, этот город создан для меня».

Допив виски, Барбер расплатился и медленно поднялся по лестнице. Он зашел в телефонную будку, позвонил к себе в отель и спросил, не было ли ему звонков.

— Мадам Ричардсон звонила вам весь день, — ответил старик на коммутаторе, — начиная с четырех часов. Она просила вас позвонить ей.

— Хорошо, спасибо, — сказал Барбер и хотел было повесить трубку.

— Минутку, минутку, — раздраженно сказал старик. — Она звонила час назад предупредить, что собирается уходить, и просила передать, что если вы вернетесь до девяти, хорошо бы вы пришли в бар отеля «Беллмен» — она будет там.

— Спасибо, Генри, — сказал Барбер. — Если она случайно позвонит еще, скажи, что я уже иду туда.

Он вышел из отеля и шел медленно, хотя дождь так и не перестал. Ему нечего было спешить на встречу с Морин Ричардсон.

Подойдя к «Беллмену», он постоял в нерешительности, прежде чем войти, чувствуя, что слишком устал для этой встречи с Морин, и сожалея, что ее нельзя отложить хотя бы до завтра. Он вздохнул и толкнул дверь.

Это был небольшой бар, но заполненный солидными и хорошо одетыми мужчинами, которые проводили тут время за аперитивом, прежде чем пойти ужинать. И тут он увидел Морин. Она сидела в углу, вполборота к залу, перекинув свое поношенное пальто через спинку стула. Она была за столиком одна, а рядом на подставке стояла бутылка с шампанским в ведерке.

Барбер подошел к ней, раздраженный видом шампанского. «Вот на что она ухнула мои пять тысяч,— с досадой подумал он.— Женщины в наши дни тоже походили с ума».

Он наклонился и поцеловал Морин в лоб.

— О, Ллойд,— как-то странно зашептала она, асочила со стула и поцеловала его. От нее сильно пахло шампанским.— Ллойд, Ллойд...— произнесла она, чуть отодвинувшись от него и держа за обе руки. Ее глаза были полны слез, а губы дрожали.

— Я пришел, как только мне передали,— сказал Ллойд нарочито деловым тоном, опасаясь, что Морин закатит истерику на глазах у всех в баре.

И тут он увидел Джимми. Тот пробирался к ним между столиков. Его лицо расплылось в улыбке. Он выглядел похудевшим и сильно загорел, словно только что вернулся после месячного отпуска на южном берегу.

— Привет, детка,— сказал Джимми, и его голос мощно разнесся по бару.— А я сейчас опять звонил тебе.

— Он вернулся домой. Он вернулся сегодня в четыре часа, Ллойд,— сказала Морин и плюхнулась на стул, продолжая смотреть на мужа изумленно.

Джимми хлопнул Барбера по спине и крепко пожал ему руку.

— Ллойд,— произнес он,— добрый старина Ллойд. Гарсон! Еще бокал! Снимай пальто. Садись, садись,— велел он Барберу.

Ллойд снял пальто и медленно сел.

— Со счастливым тебя возвращением,— спокойно сказал Барбер.

Он высморкался. Простуда уже давала себя знать.

— Перво-наперво,— сказал Джимми,— у меня кое-что для тебя есть.— Он широко жестом запустил руку в карман, извлек пачку десятитысячных банкнот в три дюйма толщиной и отделил от нее одну бумажку.— Морин все рассказала мне. Ты чертовски хороший друг. У тебя найдется сдача с десяти тысяч?

— Не думаю,— ответил Барбер,— скорее всего нет.

— Гарсон,— обратился Джимми к официанту, который ставил третий бокал.— Разменяйте мне на две по пять, пожалуйста.

Его французское произношение заставляло вздрагивать даже американцев.

Джимми аккуратно разлил шампанское в три бокала. Он поднял свой и чокнулся сначала с Барбером, потом с Морин. Морин продолжала смотреть на него так, словно увидела в первый раз и больше уже не надеялась увидеть ничего столь прекрасного за всю свою жизнь.

— За преступление!— сказал Джимми и подмигнул. При этом он скорчил физиономию, точно шаловливый ребенок.

Морин захихикала.

Они выпили. Шампанское было превосходным.

— Сегодня ты ужинаешь с нами,— объявил Джимми.— Ужин по случаю победы. Мы будем втроем. Только Красотка, я и ты, потому что, если бы не ты...

Тут он торжественно положил руку Барберу на плечо.

— Да,— сказал Барбер.

У него застыли ноги, сырые брюки прилипли к мокрым носкам, его бил легкий озноб.

— Красотка показала тебе свое кольцо?— спросил Джимми.

Морин выгнула руку и залобовалась пальцем. И снова захихикала.

— Я знаю место, где можно отведать фазана, и тебе подадут лучшее вино в Париже, и...

Официант вернулся и подал Джимми две пятитысячные бумажки.

Барбер подумал, сколько они могут весить.

— Если ты когда-нибудь окажешься на мели,— сказал Джимми, протягивая ему одну купюру,— то ты знаешь, к кому обратиться, правда?

— Да,— подтвердил Барбер и сунул ее в карман.

Он начал чихать и через десять минут извинился, выразив сожаление, что не может просидеть весь вечер с таким насморком. Оба, Джимми и Морин, пытались уговорить его остаться, на что он мог только ответить, что вдвоем им будет лучше.

Он вернулся в свой отель пешком, потому что теперь с такси для него было покончено, и прямо в пальто уселся на край кровати, не включая в номере свет. Лучше мне податься отсюда, думал он, вытирая мокрый нос тыльной стороной ладони. Этот континент не для меня.

ЛАУРЕАТЫ НАШЕЙ ОЛИМПИАДЫ

Вениамин ГОНЧАРЕНКО

Александр КИНЗЯГУЛОВ

Александр КРУГ

Андрей КУРЦЕВ

Анатолий ПИРИВЕРДИЕВ

Юрий ПОЛОВНЕВ

Более полугодом интенсивной работы потребовалось жюри, чтобы дать объективную оценку ответам на задания 22-й шахматной олимпиады «Смены», изложенным в 24 тысячах читательских писем, которые получила редакция из многих городов и районов нашей необъятной Родины и ряда социалистических стран.

К финишу с одинаковым показателем 95 баллов из 100 возможных пришли шестеро участников: Вениамин Гончаренко из Владивостока, ректор Дальневосточного института искусств, Александр Кинзягулов из г. Салавата Башкирской АССР, слесарь завода «Рембыттехника», Александр Круг из Воркуты, горный мастер шахты «Аяч-Яга», Андрей Курцев из Курска, врач-педиатр областной детской больницы, Анатолий Пиривердиев из Баку, инженер «Артемнефтегаза», и Юрий Половнев из Бердянска, рабочий завода «Азовкабель».

Высокого результата—92 балла—добились читатели: Виктор Анфимов, экономист «Соверьб-флота» (Москва), Татьяна Афанасьева, учитель вечерней школы № 2 (Черкасы), Виктор Бондаренко, сотрудник Закарпатского облисполкома (Ужгород), Евгений Бахвалов и Антанас Микаленис, инженеры завода автокомпрессоров (Паневежис), Александр Вулик, зав. лабораторией «Гиндзвет-мета» (Рязань), Бронислав Голяков, оператор котельной «Томскагастро» (пос. Каргасок Томской области), Виктор Долгов, инженер нефтепровода «Дружба» (г. Куйбышев), Нурман Дошанлиев, выпускник средней школы имени Пушкина (пос. Каджи-Сайтонского района Иссык-Кульской области), Нельсон Закарян, геолог института инженерно-геодезических изысканий и съемок (Ереван), Александр Занин, аспирант юридического института (Саратов), Виктор Захаров, инструктор ДОСААФ СССР (Волчанск), Йозеф Ковач, студент-нефтяник (г. Секечварош, Венгрия), Абуслим Магомедов, врач станции «Скорой помощи» (Махачкала), Сергей Митяев, холодильщик массового завода (Карачаевск), Галина Небогина, бухгалтер завода «Кузполимермаш» (Кузнецк), Николай Прыдок, слесарь-сборщик (Умань), Георгий Сигос, маркшейдер шахты (пос. Долинка Карагадинской обл.), Федор Сичкар, мастер завода имени Малышева (Харьков), Олег Сухов, инженер (Чирчик), Хамза Тамиров, младший научный сотрудник (Ташкент), Владимир Филонов, мастер завода имени Куйбышева (Колмна), Алексей Шкабатур, студент университета (Днепропетровск).

Победители олимпиады премируются дипломами «Смены», фотоснимками чемпиона мира

А. Карпова и шахматными книгами. 23 отличившихся участника и 147 наиболее активных организаторов олимпиадных, а также объявленных в № 15 «Смены» классификационных турниров отмечены специальными дипломами. Всем 14316 шахматистам, имеющим право на признание по итогам олимпиады или ее турниров спортивного разряда, редакция выслала официальные справки, которые нужно предъявить в шахматную федерацию по месту работы или жительства для оформления классификационных билетов единого общесоюзного образца.

Редакция и жюри благодарны всем товарищам, принявшим участие в закончившемся массовом соревновании, и приглашают любителей шахмат выйти на старт нашей следующей, 23-й олимпиады. Откроет ее «Смена» в январе нового, 1961 года.

Приводим в сокращенном виде ответы на задания этой шахматной олимпиады:

Первый тур—1. ... Лс3 2. Фd2 Лс3 3. с3 g4 4. Лh5 Фe4 5. Лb2 Сg3+; 1. Лd7 Кр:с6 2. сbх; 1. e5 Сf6 2. Са8 а2 3. b7 С:с6+ 4. Кр:с6 Се5 5. b8Ф С:b8 6. e7 а1Ф 7. e8Ф Фe4+ 8. Крb7 Ф:e8=; испанская партия, защита Яниша.

Второй тур—1. ... Сb4+ 2. Крe2 К:e4 3. С:d8 с5 4. Фg4 cd 5. Фg7 d3 6. Крe3 Cd2+ 7. Крd4 Лd8 8. Фh8+ Кf8x; 1. Фd3 Ф:d3 2. Кf4x; 1. b7 Лa5+ 2. Крd6 Лb5 3. Сс6+ Крd8 4. С:b5 Сс8 5. b8С±; В. Стейниц (1886—94 гг.), Э. Ласкер (1894—1921 гг.), Х. Калабланка (1921—27 гг.), А. Алехин (1927—35 и 1937—46 гг.), М. Эйве (1935—37 гг.).

Третий тур—1. ... Сс4 2. Лс3 Фb7 3. Л:e3 Фh1+ 4. Крf2 Л:e3 5. Ф:e3 Ф:h2+ 6. Крe1 Се2 7. Ф:e2 Фg1+ 8. Крd2 Ф:d4+ 9. Крc2 Фf4+ 10. Крb3 h5 11. gh Фf5 12. Крb4 Фe6 13. Фd2 f5 14. Кра5 Фe4+; 1. Лa4 Крb5 2. Фc7 Кр:a4 3. Сс6x; 1. b7+ Крb8 2. Кb6 Фd8 3. Лe4 g5 4. Лe6 h2 5. Лg6 cb 6. Лd6 Фh8 7. Лd8+ Ф:d8=; гамбит Дельмара-Димера.

Четвертый тур—1. ... Кf3+ 2. Крg2 Ф:h2+ 3. Кр:f3 Л:e3+ 4. Крf4 Л:g3 5. Лh1 g5+ 6. Крe5 Лe3+ 7. Крf6 Фd6+ 8. Крg5 Лe4 9. Ф:e4 de 10. Лa1 Фc5 11. Сf5 Фf2 12. С:h7+ Крf8 13. Са3+ Крe8 14. Сf5 Фg3+ 15. Сg4 Фe5+ 16. Крh8 Лd8=; 1. Фe6 Кр:с5 2. Фd6+ Кр:d6 3. Сf8x; 1. Се1+ Крf4 2. Лh4+ Крf5 3. Л:e4 cb 4. Сb1 Лa1 5. Лe5+ Крf6 6. Лf5+ Крg6 7. Лf6+ Крg7 8. Лg6+ Крh7 9. Лg7+ Крh8 10. Лh7+ Крg8 11. Лh8+ Крh8 12. Сс3+ и т.д.; М. Ботвинник (1948—57, 1958—60, 1961—63 гг.), В. Смыслов (1957—58 гг.), М. Таль (1960—61 гг.), Т. Петросян (1963—69 гг.), Б. Спасский (1969—72 гг.), А. Карпов (с 1975 г.).

Пятый тур—1. ... Кf6+ 2. Лf6

Л:c7 3. Лd8+ Крe4 4. d3+ Крe5 5. Крh8 Лh7+ 6. Крg6 Лg7+ 7. Крh5 Лg5+ 8. Крh4 Лg4+ 9. Крh3 Лg3+ 10. Крh2 Лg2+ 11. Крh1 Лh2+ 12. Крg1 Лg2+ 13. Кр:g2=; 1. Лh1 Кр:a2 2. Фg1 Кр:a3 3. Фа7x; 1. Кf2+ Ф:f2+ 2. Кр:f2 Кd3+ 3. cd Сb6+ 4. Сс5 С:c5+ 5. Фd4+ С:D4+ 6. Крe2 Лa1=; французская защита, система Мак-Кэтчона.

Шестой тур—1. ... Лf4+ 2. еf С:h3+ 3. Крg1 Лg4+ 4. Лg2 Лf4 5. Лf2 Лf7 6. Лf7 Се6 7. Лc7 Cd5 8. Лc5 Сb7 9. Ла5±; 1. Кf3 gf 2. gf+ Крf5 3. Сh3x; 1. Лh6+ Кр:g5 2. Лh7 Ка5+ 3. Кра4 Л:c7 4. Л:c7 Се1 5. Лe7 Сс3 6. Лc7 Cd2 7. Лc5+ Крf4 8. Лd5 Ко4 9. Лd4+ Крe3 10. Л:c4 Cd7+ 11. Крb3 Се6 12. Кра4 С:c4=.

Седьмой тур—1. ... Лg2+ 2. С:g2 Ch3 3. Лb2 Сg2 4. Л:g2 Фh3 5. Фb2 Фf3 6. Кс5 de 7. Сg3 c4 8. h3 Фf1=; 1. b4 Л:b4 2. Кd5 Л:d5 3. Кр:g6 Л:g5+ 4. e7+ Л:e7 5. Сg7x; 1. a7 h6 2. e6+ Л:e6 3. a8Ф Лe1 4. Фс8 e6+ 5. Фe6 Л:e6 6. d4 Лf6+ 7. Крe5 Лe6+ 8. Крf5=; В. Менчик (1927—44 гг.), В. Руденко (1950—53 гг.), Е. Быкова (1953—56, 1958—62 гг.), О. Руцкова (1956—58 гг.), Н. Гаприндашвили (1962—78 гг.), М. Чибурданидзе (с 1976 г.).

Восьмой тур—1. ... Фd5 2. Се1+ Крh5 3. g4+ Крb6 4. Cd2+ Ф:d2 5. Крg6 Фd5+ 6. Крf8 Фd8+ 7. Крf7 С:e5 8. h8Ф+ Ф:h8 9. Лg8+ Крf7 10. g5 Сg7 11. Лh6+ С:h6 12. g6x; 1. d6 d1Ф 2. f8К+ Ф:d5 3. К:d7 Ф:g8 4. Кb6x; 1. Kh2 Л:h3 2. Кf1 Лf3 3. Кd2 Лd3 4. Ке4+ Ке4 5. Кс5 К:c5=; Б. Спасский (1955 г.), А. Карпов (1969 г.).

Девятый тур—1. Кb4 c5 2. h5 cb 3. cb Фа6 4. g4 Крe2 5. g5 Крf3 6. g6 Крg4 7. g7 Кр:h5 8. g8К Крg4 9. Ке7 Крf3 10. Кd5 Крe2 11. Кс7 Фа5 12. Крb7 Крd2 13. ba ba 14. Сf8 Крc2 15. Сg7 b4 16. Крb6 Cd7 17. Кр:a5±; 1. Крh6+ Ке5 2. Ле4+ Крd5 3. Л:e5+ Крd4 4. Ле4+ Крd5 5. Фf7+ Крd6 6. Фе7+ Крd5 7. Фd7+ Кd6 8. Ле5+ Крd4 9. c3+ С:c3 10. Кb5+ С:b5 11. Фа7+ Ла7 12. Лh5+ Лg7 13. Кf5+ Кf5x; 1. Кb5 Кb6 2. Сf4+ Кра8 3. Кс7+ Кра7 4. Се3 Крb7 5. a5 Ко4 6. Кd6+ К:d6 7. Крd7 Кс8 8. a6+ Крb8 9. Кb5 Сb7 10. a7+ Ка7 11. Сf4+ Кра8 12. Кс7+ Крb8 13. Кd5+ Кра8 14. Кb6x; Б. Ларсен (1967 г.), Б. Спасский (1968—69 гг.), Р. Фишер (1970—72 гг.), А. Карпов (1973—77 и 1979 гг.).

Десятый тур—1. Л:d4 Л:g4 2. Л:g4 Фb5 3. f6 Фb8 4. Лb3 e4 5. Лb3 Лb7 6. Лf4 b3 7. f7 Лf7 8. Лf7 b2 9. Лb3±; 1. ... Крd3 2. Л:c5 Л:h7 3. Крg1 f4 4. b4 ab 5. Кb2+ Крe2 6. Лd5 d3 7. f3 Лg7 8. fe f3 9. К:d3 Л:g2+ 10. Крh1 Крe3=; 1. Ле6 cb 2. Фf4 c7 3. Кра8 c8К 4. Крf5 Кd6x; По 3,5 и 6-м заданиям этого тура обусловленное количество баллов засчитано всем участникам; королевский гамбит—гамбиты Кизерицкого и Альгаера.

Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

ДЕКАБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Памяти Джо Хилла

Он был докером, батраком, шахтером. И поэтом. Его песни распевались на рабочих митингах, их печатали как бовские листовки. Джо Хилл — настоящая его фамилия Хиллстрём — девятнадцатилетним пареньком приехал в США из Швеции. В 1915 году после судебной инсценировки, организованной в штате Юта по указке «медных королей», любима рабочего класса Соединенных Штатов расстреляли по лживому обвинению в убийстве.

Только что в Швеции выпущена почтовая марка, посвященная соотечественнику — герою и мученику. Рядом с портретом Джо Хилла — его строки. В переводе с английского они звучат так: «Никто не будет кричать о хлебе, все мы будем обладать свободой, любовью и здоровьем, когда великое красное знамя станет развеваться над отечеством рабочих».

«СКАНОРАМА», ШВЕЦИЯ

Слабый пол...

Последние научные исследования, проведенные группой ученых из Алабамского университета, показали, что женщины физически значительно выносливее мужчин.

Исследуя диагностику сердечных заболеваний с помощью физической нагрузки, ученые установили, что выносливость мужчин снижается с возрастом на десять процентов каждые десять лет, тогда как у женщин только на два процента. Это значит, что физически здоровая женщина в свои 60 лет способна выполнять почти 90 процентов тех физических упражнений, которые она выполняла, будучи двадцатилетней, а мужчина такого же возраста — только 60 процентов тех упражнений, которые он проделывал, будучи молодым. Так что будем несколько сдержаннее в разговорах о слабом поле...

«ПАРЕЙД», США

СМЕРТНОСНАЯ БУТЫЛКА

На плакате — лицо женщины. Изможденные черты, тяжелый, потухший взгляд. В 22 года она стала алкоголичкой. И здесь же, рядом, — она в 15 лет, когда еще не злоупотребляла спиртными напитками. Ни с чем не сравнимая прелесть юности...

В Швеции проводится очередная кампания по борьбе с алкоголизмом, который стал национальным бедствием страны. При населении в 8 миллионов человек статистика насчитывает от 300 до 400 тысяч алкоголиков. Ежегодно в стране умирают от алкоголизма 5—7 тысяч человек.

Особую тревогу общественности вызывает рост пьянства среди молодежи. В результате злоупотребления спиртными напитками у молодых матерей рождаются неполноценные дети — их число увеличивается. Для борьбы с этим злом в Швеции обсуждаются многочисленные проекты и административные мероприятия — от повышения цен на спиртное и ограничения торговли алкогольными напитками в государственных магазинах до отмены беспошлинного вывоза вино-водочных изделий из-за границы и отказа от спиртных напитков на всех официальных приемах и обедах.

Однако это лишь полумеры, не затрагивающие основных причин тревожного роста пьянства. Эти причины — в ухудшающихся социальных условиях, в безработице, в атмосфере всеобщего страха перед завтрашним днем.

«НБИ», ГДР

ПИЛ? ЗА РЕШЕТКУ!

По сравнению с другими западными странами Норвегия сегодня, пожалуй, имеет самые суровые наказания за автомобильную езду в нетрезвом состоянии. Водитель, у которого в крови будет обнаружено 0,5 процента алкоголя, автоматически подвергается трехнедельному тюремному заключению — это как минимум.

Тюрьма расположена в Илсенге. Водители, склонные к выпивке, рубят там дрова, дробят камни, пашут землю. Никто из нарушителей, сколь влиятельным лицом он бы ни являлся, не может избежать наказания. Так, среди более 20 тысяч человек, приговоренных за последние три года к отсидке в илсенгской тюрьме, были несколько членов правительства и даже один представитель королевской семьи.

«ПАРАЛЕЛИ», БОЛГАРИЯ

РАЗГОВОРЧИВЫЕ РЫБЫ

Давная поговорка «Молчит как рыба» не совсем точна. С помощью высокочувствительных приборов зарегистрированы самые разнообразные звуки, издаваемые рыбами. «Рыбий разговор» ведется подчас на таких «тонах», что от него срабатывают даже акустические мины, рассчитанные на взрыв от шума судовых винтов (подобные случаи отмечались в период второй мировой войны).

О звуковых сигналах, подаваемых рыбами, до недавнего времени было известно немного. Благодаря интересным открытиям, сделанным в последние годы австрийским биоакустиком Фридрихом Шаллером, профессором Венского университета, познания в этой области значительно расширились. Объектом исследования был выбран бассейн реки Амазонки, использовалась современная аппаратура, включая гидрофоны. Наблюдения ученого показали, что примерно каждый второй-третий вид из известных нам пресноводных рыб обитает в водах реки Амазонки. Многие из них обладают даром «речи», то есть используют для общения звуковые сигналы. Делают они это с помощью плавников, жабр, зубов или плавательного

пузыря. Например, сом шира — огромная рыба длиной более метра и весом около 100 килограммов — издает, подобно слону, низкие трубные звуки, которые можно услышать на расстоянии свыше 100 метров. Самцы другого вида рыб завлаивают о своем присутствии оглушительным треском, напоминающим шум мотоциклетного двигателя. Происходит это потому, что у них по обеим сторонам туловища возле плавательного пузыря расположены мышцы, частота сокращений которых составляет 100 герц. В период нереста звуковые сигналы, подаваемые такими оригинальным способом десятками тысяч рыб, производит сильное впечатление. Есть рыбы, которые отпугивают своих преследователей звуками, похожими на артиллерийскую канонаду. А вот карликовый сом — настоящий артист: программа его «музыкальных» выступлений включает и нежное чирканье, как у воробья, и мощное рычание, похожее на львиное. Все зависит от того, кому адресованы эти звуки — врагу, сопернику или подруге.

«ШТИЙНЦЭ ШИ ТЕХНИКЭ», РУМЫНИЯ

Летающее пугало

Длинный гибкий прут, колеблемый ветром, а на нем — пластмассовый ястреб... Это, по мнению английских специалистов, самое верное средство для защиты ягодных плантаций от налетов непрошенных пернатых гостей. Применявшиеся до этого различные средства звукового отпугивания признаны малоэффективными. А «динамичное пугало», установленное на опытной селекционной станции в Феверсгаме, обеспечивает, как утверждают, надежную охрану около 10 акров плантаций.

«ПАНОРАМА», ИТАЛИЯ

ЗАКАЗ НА УБИЙСТВО

В Лондоне недавно проходил судебный процесс по делу Джона Генри Чайлда. Это профессиональный преступник, который принимал заказы на убийство людей. После выполнения заказа он получал от 2000 до 10 000 фунтов стерлингов — в зависимости от сложности поручения. На процессе Чайлда подробно рассказал о своей преступно-предпринимательской деятельности и признался в шести убийствах. Поскольку в Англии несколько лет назад отменили смертную казнь, суд приговорил его к «шестикратному пожизненному заключению». Процесс привлек всеобщее внимание не только потому, что является новым ярким свидетельством «американизации» жизни Великобритании, но и потому, что вновь показал подлинное лицо английской юстиции, ее классовый характер. Когда обвиняемый Чайлд

рассказывал о своих убийствах, он упоминал и заказчиков. Например, убийство предпринимателя Бретта поручил его торговый конкурент. Однако Чайлд не назвал имени публично, и когда этот человек явился в суд в качестве свидетеля, судья, общаясь с нему, употребил формулу «мистер Икс». То же самое происходило и в случае убийства Шервуда — лицо, «заказавшее» преступление, также присутствовало на суде в качестве свидетеля, но судья и его не называл настоящим именем, произнося «мистер Игрек». В сообщениях из Лондона ничего не говорится о судебном преследовании тех, кто убийства заказывал. Похоже, что мистера Икс и Игрек, как и другие заказчики, располагают возможностями и в дальнейшем оставаться анонимными.

«ТАЙМС», ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Когда ловкость рук наказуема...

60 крупье из игорных домов Франции сидят в тюрьме в ожидании суда. Всем им предъявлено обвинение в краже крупных сумм и мошенничестве.

Когда-то профессия крупье — человека, принимающего ставки во время игры в рулетку и выплачивающего выигрыши, — была в мире капитала весьма уважаемой и передавалась от отца к сыну. Но времена меняются, и сегодня в качестве крупье все чаще стали подниматься люди из преступного мира.

Мошенники и воры только за один прошлый год украли миллионы из выигрышных сумм игорных домов Франции. Наиболее часто применяемый метод кражи, которым пользуются крупье, стар, как сама рулетка (изобретенная, к слову сказать, в 1655 году выдающимся французским математиком и физиком Блезом Паскалем): вор просто ловко прячет между пальцев одну-другую 100-долларовые фишки с выигрышных ставок, которые поддребает лопа-

точкой к себе после каждой игры. Поскольку карманы жакетки, в которую он одет во время игры, по традиции защищены наглухо, чтобы предотвратить такого рода маневры, то крупье сует уворованные фишки за манжеты или рукава рубашки, а потом передает их своему сообщнику, называемому «бароном», который обычно стоит тут же, замаскировавшись под игрока.

Другой метод — «технический». Здесь мошенник-крупье подлаживает тонкие резиновые подушечки под войлочную обивку некоторых нумерованных отделений рулетки, куда скатывается костяной шарик, бросаемый на вращающееся колесо. Знание номеров таких отделений у рулетки резко увеличивает шансы «барона» на выигрыш...

Итак, крупье, пойманные с поличным, упританы за решетку. А мошенничество возле игорных столов? Можно ли сомневаться: оно продолжится...

«ЮМАНИТЕ-ДИМАНШ»,
ФРАНЦИЯ

ГДЕ ЖИВУТ КРОКОДИЛЫ

Национальный парк Сипата, расположенный в 250 километрах от Гаваны, является местом весьма любопытным. Здесь имеются две достопримечательности — известный музей народного быта на открытой воздухе у озера Лагуна дель Торо и знаменитая ферма по разведению крокодилов.

Уникальная крокодиловая ферма производит на посетителей большое впечатление. Сотни крокодилов, больших и маленьких, греются на солнце или плавают в воде. Некоторые из них лежат прямо у ограды, лежат в полнейшей оцепенении, и только полуоткрытые глаза свидетельствуют, что животные очень внимательно наблюдают за аска, что происходит вокруг.

На ферме, где находятся 40 тысяч животных, выращивается два вида крокодилов — местный кубинский и американский. Американский крокодил более крупный, длина его тела достигает не-

скольких метров. Кубинский крокодил меньше по размерам. Его первоначальной родиной является полуостров Сипата, где климатические условия превосходны. Даже ночью температура не опускается ниже 18 градусов тепла. До настоящего времени некоторое число крокодилов продолжает жить в естественных условиях в труднодоступных местах полуострова. Здесь, по наблюдениям биологов, не редкость встретить крокодила в возрасте сто и более лет.

На крокодиловой ферме применяется два способа разведения крокодилов: путем сбора их яиц и последующего помешения их в специальные инкубаторы или же путем сбора вылупившихся на воле молодых крокодильчатков. Кожа крокодилов используется в качестве ценного сырья для кожевенной промышленности.

«ВОЗМНИЯ», КУБА

ЭНЕРГИЯ ИЗ МОРЯ

Ученые Института промышленных исследований в Осло предложили принципиально новый проект использования энергии морских волн: недалеко от берега в море погружаются бетонные блоки, которые укладываются таким образом, что могут влиять на перемещение волн и способствовать тому, чтобы они концентрировались на береговой полосе длиной в 400 метров. — в этом случае волны достигают высоты от 15 до 30 метров. Затем волны направляются в канал, имеющий форму воронки, отчего их высота увеличивается еще в несколько раз. Таким путем происходит наполнение резервуара, расположенного на высоте 100 метров над уровнем моря. Накапливаемая в нем вода беспрерывно падает на лопасти обычной водяной турбины. По расчетам экспертов, такая станция будет в высшей степени экономичной.

«ЮНГЕ ВЕЛЬТ», ГДР

УБЕЖИЩЕ ПРОТИВ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЙ

В городе Кавасаки, расположенном в непосредственной близости от Токио, сооружено первое в Японии специальное убежище, оснащенное противосейсмическими и противопожарными установками — на случай сильного землетрясения. Здание находится в одном из густонаселенных районов, особенно сильно пострадавшем во время землетрясения 1923 года.

Сооружение из железобетона опирается на 38 колонн, основания которых уходят на глубину 40 метров. На крыше укреплены антенны, мощные прожекторы и водометы. Наряду с резервуарами, заполненными водой для тушения пожаров, пункт располагает запасами питьевой воды и продовольствия, которых достаточно для обеспечения 30 тысяч человек в течение двух дней. При необходимости генераторы тока делают все сооружение независимым от внешней электросети.

«ВАЛКА МЛОДЫХ», ПОЛЬША

Почем нынче титул?

Бизнес некоего Ганса Вайера из ФРГ не вполне обычен: продажа аристократических титулов. Он предлагает женихов и невест, а также отцов и матерей (приемных, разумеется) для нетитулованных, но богатых и желающих стать титулованными лиц. В картотеке этого «свята» числится два герцога, 24 князя, 106 графов и графинь, около 100 баронов. Есть там дворяне немецкие, австрийские, шведские, бельгийские и иные — все стопроцентные, с подлинными титулами, приведенными в генеалогическом

справочнике европейской аристократии — Готском альманахе. Все они готовы связать себя семейными узами с теми, кто готов платить по прейскуранту. Так, к примеру, княгиня Каролина-Матильда фон Саксен-Кобург, герцогиня Саксонская, готова предоставить руку и титул за 250 тысяч долларов. Прямо скажем, 67-летняя дама просит не так уж дорого, ведь как-никак, а мужа будут именовать герцогом!

«КВИК»,
ФРГ

ЮРИСТ ПОНЕВОЛЕ

В городах Англии самое трудное для владельца автомашин — найти место для «парковки». Английские полицейские, похоже, считают, что автомашин изобретены для езды, а не для стоянок, и потому безжалостно штрафуют всякого, кто хоть ненадолго оставит машину на улице.

Но есть в Англии один человек (не считая, разумеется, иностранцев дипломатов), который ставит свою машину там, где хочет, не боясь штрафов. Им является Барри Памплин. Он, не будучи юристом, весьма остроумно вышел из трудного положения. Поскольку штраф за стоянку в неположенном месте выписывается каждый раз по номеру машины и присылается

владельцу на дом и поскольку по английскому закону дети до десяти лет вообще не могут быть признаны виновными ни по какому преступлению или проступку, то Памплин зарегистрировал свою автомашину на... шестилетнего сына Джонатана и теперь оставляет ее в любом месте, а счета на штрафы, присылаемые ему, аккуратно складывает в кучу (их у него набралось уже 64 штуки на 400 фунтов стерлингов). Ни суд, ни полиция пока что не нашли параграфа, с помощью которого можно было бы образумить хитреца.

«ИНТЕРНЭЙШНЛ ГЕРАЛЬД
ТРИВЮН», США

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении

ПРЕМИИ «СМЕНЫ» ЗА 1980 ГОД ПРИСУЖДЕНЫ:

Леониду БЕРЖЕМИНСКОМУ, бригадиру Омского шинного завода

Анатолию СУРОВЦЕВУ, Герою Социалистического Труда, бригадиру «Главмосстроя»

журналистам Владимиру АНИСИМОВУ, Игорю СЕРКОВУ, Борису ФАИНУ — за разработку и публикацию тематических блоков: «Совесть как категория экономическая» (№ 1), «Новичок: проблемы, требующие решений» (№ 3), «Бригада как образ жизни» (№ 5), «Дисциплина: потребность и необходимость» (№ 10), «Профессионализм: квалификация плюс ответственность» (№ 13), «Общежитие: гости или хозяева?» (№ 23)

Анатолию АЛЕКСАНДРОВУ, секретарю комитета ВЛКСМ МВТУ имени Н. Э. Баумана, — за статью «Патент на творчество» (№ 8)

Елене АНАНЬЕВОЙ — за подборку стихов (№ 12)

Владиславу БАХРЕВСКОМУ — за рассказ «Скоморошек» (№ 15)

Владимиру БУЛЫЧЕВУ — за очерк «Коцунство» (№ 17)

Евгению ВЕЛИХОВУ, вице-президенту АН СССР, — за статью «Управляемое солнце» (№ 6)

Ренате ВЕРЕЖАНУ, и Натальи ДАРДЫКИНОЙ переводчице, — за поэму «Отражение» (№ 5)

Ивану ГУДОВУ, Герою Социалистического Труда, зачинателю стахановского движения в машиностроении, — за очерк «Станки на все руки» (№ 2)

Михаилу ДУДИНУ, Герою Социалистического Труда, — за публицистическую статью «Время Ленина, зра Ленина» (№ 8)

Розалии ЕРМОЛЬЕВОЙ — за рассказ «Дневной сеанс» (№ 20)

Анатолию КОРСАКОВУ — за рассказ «Как помочь хорошему человеку» (№ 7)

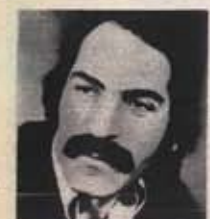
Валентину КУРБАТОВУ — за статью «В светлой горнице искусства» (№ 7)

Алексею МАЛЬЦЕВУ — за подборку стихов (№ 17)

Юрию НАГИБИНУ — за рассказ «В пламени чистом и светлом» (№ 10)

Николаю ОГАНЕСОВУ — за повесть «Мальчик на качелях» (№№ 10—17)

Леониду ПЛЕШАКОВУ — за серию статей «Беседы об экономике» (№№ 2, 17, 22)

Асте ПЫЛЬДМЯЗ — за рассказы «Шмель» и «Невестка» (№ 1)

Райсе СМИРНОВОЙ, художнице, — за рисунки обложек (№№ 17, 24)

Владимиру ЧЕЙШВИЛИ — за фотоочерки «Немеркнувшие краски старины» (№ 10) и «ЭВМ в спортивной форме» (№ 5)

Валентину ЧИКИНУ — за серию публицистических очерков «С нами говорит Ленин» (№№ 2, 4, 5, 6, 8, 19)

Владиславу ЯНЕЛИСУ — за репортаж «Из пункта «А» в пункт «Б» (№ 18)

ПРЕМИЯ ИМЕНИ МАТЕ ЗАЛКИ присуждена Чрезвычайному и Полномочному Послу Петру Андреевичу АБРАСИМОВУ — за очерк «Одна у человека Родина» (№ 1)

ИТОГИ КОНКУРСА ИНТЕРЕСНОГО ПИСЬМА

Ставший традиционным Конкурс интересного письма принес в этом году, как и в прежние годы, сотни действительно интересных, взволнованных писем. Читатели разных возрастов и профессий рассказали о своей судьбе, о случаях поучительных, о встречах с людьми значительными; вспо-

нили факты своей биографии, связанные с биографией страны.

Наиболее интересные, на наш взгляд, письма были опубликованы в «Смене». В конце года члены жюри конкурса подвели итоги и определили традиционные премии — годовую подписку журнала «Смена».

Победителями стали читатели: Занда Кузнецова из Уфы («Смена» № 9, «Верность»); Василий Жадаев из Москвы (№ 18, «Живи жизнью рабочего класса»); Мария Бойцова из Москвы (№ 19, «И пробуждается поэзия во мне...»).

Редакция поздравляет победителей, благодарит всех читателей, принявших участие в конкурсе, и приглашает их к дальнейшему творческому сотрудничеству с журналом. Ждем новых интересных писем!

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 04.11.80. Подписано к печати 19.11.80. А 06707. Формат 70 x 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1130000 экз. Изд. № 2781. Заказ № 3274. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП Москва. А-137, улица «Правды», 24.

Рисунок Владимира БУРКИНА

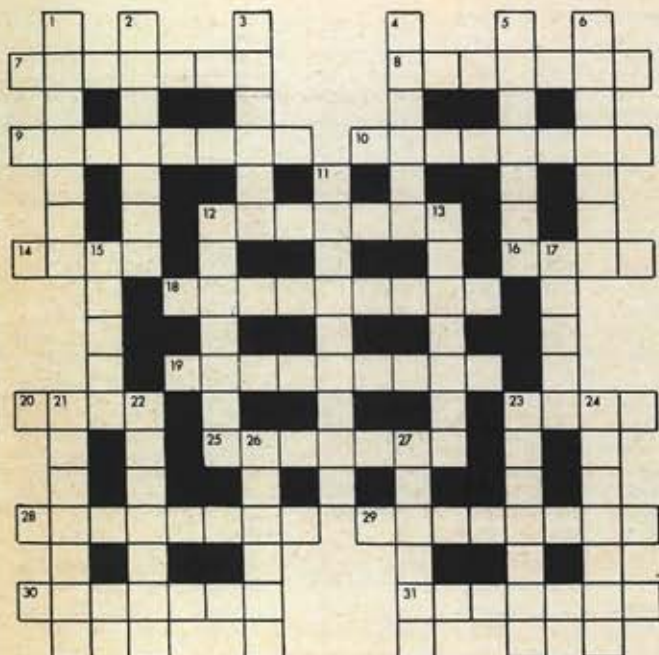

Рисунки Сергея ТЮНИНА

КРОССВОРД

Составил Ф. ХОХЛОВ,
Москва

По горизонтали:

7. Народный смычковый инструмент, распространенный на Кавказе, в странах Среднего и Ближнего Востока. 8. Часть театрального действия. 9. Опера Д. Верди. 10. Цирковой жанр. 12. Город в Болгарии, место проведения фестивалей юмора. 14. Род цимбал у народов Средней Азии. 16. Низкий детский голос. 18. Игра-загадка. 19. Восторженная радость, торжество. 20. Декоративный и поделочный камень. 23. Французская эстрадная левизна. 25. Трехстрочная строфа. 28. Советский сатирический журнал. 29. Собственно-ручная памятная надпись. 30. Город в Донбассе. 31. Вознаграждение, выплачиваемое автору.

По вертикали:

1. Комический номер в цирке. 2. Индонезийский ударный инструмент. 3. Действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Черевички». 4. Персонаж очерка А. П. Чехова «Новогодняя пытка». 5. Героиня оперы Л. Бетховена «Фиделио». 6. Орех южного дерева. 11. Стихотворение В. В. Маяковского. 12. Музыкант, подающий сигнал на духовом инструменте. 13. Советский художественный кинофильм тридцатых годов. 15. Рыба семейства тресковых. 17. Ударный инструмент, применяемый в народной русской музыке. 21. Канат, трос для причаливания судна. 22. Рассказ М. Горького. 23. Предсказание погоды. 24. Фотографический объект. 26. Персонаж «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина. 27. Морская промысловая рыба.

**ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 23**

По горизонтали:

3. «Светлана». 9. Генетика. 10. Оратория. 11. Кадр. 12. Селектор. 13. Амударья. 14. Вольт. 16. «Кавказ». 18. Лацис. 19. Константиновка. 22. Самбо. 24. Август. 27. «Оплот». 29. Пергамин. 31. «Катерина». 33. Овес. 34. Бумеранг. 35. Триплекс. 36. Сказание.

По вертикали:

1. Делакруа. 2. Панорама. 3. Свифт. 4. Амаду. 5. Сеченов. 6. Невель. 7. «Собака». 8. Сильвин. 15. Танго. 16. Котка. 17. «Зенит». 18. Левко. 20. Камерун. 21. Родники. 23. «Беглец». 25. Виноград. 26. Секстант. 28. Пароль. 30. Миасс. 32. Трике.

СНЕЖНАЯ КАРУСЕЛЬ

Фото Сергея ВЕТРОВА

В СТРАНЕ ОЖИВШИХ СКАЗОК.

САМАЯ БОЛЬШАЯ ВЫСТАВКА
СТРАНЫ—ВДНХ—В ЭТИ ДНИ
СТАНОВИТСЯ СЦЕНОЙ ДЛЯ
САМОДЕЯТЕЛЬНЫХ АРТИСТОВ.

ТЫСЯЧИ ДЕДОВ МОРОЗОВ
ВЫШЛИ НА ПРАЗДНИЧНУЮ
ВАХТУ.

РЯЖЕННЫЕ—ДАВНЯЯ
НОВОГОДНЯЯ ТРАДИЦИЯ.

КАКОЙ ЖЕ НОВЫЙ ГОД
БЕЗ РУССКОЙ ТРОЙКИ!

Ну, не диво: самые красочные и разудалые народные праздники приходятся у нас на зимнюю пору, самое холодное и, казалось бы, неприветливое время года?

Откуда эта традиция? Трещат от мороза деревья, скованы льдом водоемы, земля в снегу, словно в белом саване, а в дом приходит самый веселый и радостный праздник—Новый год с Дедом Морозом, Снегурочкой, елкой и подарками! Помчат по нетронутому свежему снегу тройки с бубенцами, застучат в двери ряженые и будут колядовать, зарабатывая у добрых хозяев гостинцы, а скоморохи соберут на площадях праздный люд и будут развлекать его шутками да прибаутками. А на реках вырастут снежные городки, которые будут штурмовать и стар и млад.

И весной, и летом, и осенью есть свои праздники. Но размах у них не тот и удаль не та, с зимними не сравнятся. Нашим предкам—крестьянам на те праздники приходилось урывать время то от пахоты и сева, то от сенокосов да уборки урожая. А вот к зиме, отдохнув от главных крестьянских трудов, подбив итог рабочему году, они, наконец, могли позволить себе погулять широко и раздольно. Только заметили: праздники

зимы начинаются с Нового года, всего через неделю после солнцеворота. Еще впереди рождественские, крещенские, сретенские морозы, но день-то уже прибавился, пусть, как говорится, на «воробьиное колено», но дело пошло к весне. Теперь солнце все дальше и дальше будет задерживаться на небосклоне, а там, окончательно набрав силу, погонит с полей снег, вскроет озера и реки, развезет зимние дороги, зашумит полой водой. То будет весна. А в канун ее прихода матушке-зиме будут устроены роскошные проводы. Ее отблагодарят за все: за дарованный отдых, за снег, что скопился на полях под будущий урожай, за то, что не засиделась надолго, а честь по чести уступила место своей сменнице. У каждого своя пора. И делу—время, потехе—час.

Леонид ПЕТРОВ